

ИСТОГО

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ В НЕСТАРЕЮЩЕЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ШЕРЕНГЕ

...В светлый и солнечный Мир Будущего, каким он виделся в огненные двадцатые годы, в радостный мир мечты и фантазии, где горделивая геометрия высотных зданий устремлена в небо, заполненное легкокрылыми самолетами и дирижаблями, в этот Мир Завтрашнего Дня шагают сквозь символические руины прошлого люди в рабочих кепках с красным знаменем и транспарантом: «Мы строители новой жизни». ...Обложка первого номера «Смены». Январь 1924 года.

Шесть десятилетий. Тысяча триста пятьдесят девять номеров. Журнал рабочей молодежи, издание ЦК Ленинского комсомола, отчитывается перед комсомольцами всех поколений. Перед ровесниками Николая Островского и ровесниками Алексея Маресьева и Зои Космодемьянской, перед первопроходцами казахстанской целины и тюменского севера, перед теми, кто сегодня носит рабочую спецовку, солдатскую шинель, синий мундир ПТУ.

«Особое внимание журнал уделяет освещению жизни рабочей молодежи». — говорилось в программе «Смены», опубликованной в первом номере.

Так было, так есть, так будет.

Возвращаясь к истокам, мы ищем и находим ту живую нить, которая соединяет годы и десятилетия, связывает воедино события, разделенные временем, но неразрывные по всей своей сути. Комсомольский журнал «Смена» всегда был журналом партийным, всегда воспринимал себя в одном неизменном качестве — в качестве рядового великого фронта партийной журналистики.

Ленин. Партия. Комсомол.

Мысль возвращает в тот, 1924 год. В год, когда не стало Ленина. В год, когда комсомол получил имя — Ленинский. Страницы «Смены» той поры — это неустанный диалог с читателем о том, что такое ленинизм, это напряженное раздумье, что значит быть настоящим ленинцем.

Вот строки о событии, в жизни комсомола эпохальном, — о речи Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ, о его единственной речи перед комсомольцами. Единственной, но в которой было сказано столь много принципиально важного, действующего на все времена вперед.

«...Она была неожиданной и совсем, совсем не такой, какую ожидали.

— Нам что нужно? — говорил Ильич. — Нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знаниями основными фактов...»

Учеба... Назойливую мысль о ней неустанно гнали прочь в дозорах, в казармах, на субботниках, в прокуренных логовах комитетов. И разве плохо, что гнали?..

Зал слушал напряженно, но нелегко, и стояло в глазах сомнение: к делу ли говорит «старик»? Еще сегодня-вчера мы из тревожных, голодных, бессонных губерний, где каждый неразлучен с наганом, где залетную птаху-газету не успеешь распластать на столе... Вчера еще каждый из этого зала трясся в вонючей теллушке или пробирался по грудам тифозных тел на вокзалах с одной несложной и твердой думой: «Врангель». А тут:

— Вся сумма человеческих знаний вы должны критически проработать, усвоить...

...Еще предстояли Перекоп, Кронштадт и многотрудное отступление к нэпу. Ильич нетерпеливо перемахнул эти ступеньки, и как хорошо сделал, что перемахнул... Это завещание поколению, которое вырастет ленинским».

Это поколение построит Магнитку и Днепрогэс, учась соединять энтузиазм со знанием. Это поколение дерзнет не просто заглянуть — шагнуть в будущее. В практике будней. В неудержимом полете ума.

«Смена», год 1924-й:

«В настоящее время о межпланетных путешествиях можно говорить не только в фантастических романах. По крайней мере возможность межпланетных путешествий теперь можно считать научно обоснованной».

Сергею Королеву в это время семнадцать лет. Через тридцать три года, в 1957-м, он будет стоять на космодроме Байконур, ожидая взлета ракеты с первым искусственным спутником Земли.

12 апреля 1961 года проводит в полет Юрия Гагарина.

«Смена», год 1934-й:

«В Институте академика А. Ф. Иоффе в Ленинграде молодой физик, старый комсомолец И. В. Курчатов в течение долгого срока уже ведет опыты искусственного приготовления не существующего в природе химического элемента с атомным ядром, состоящим из 2 протонов и 1 нейтрона».

Статья называлась «Штурм атомного ядра». Была опубликована фотография: вихрастый молодой человек, волевое лицо, сосредоточенный взгляд. Подпись: «Игорь Курчатов, старый комсомолец, бригадир бригады ленинградских физиков, бомбардирующий атомное ядро»...

В периодической системе элементов Менделеева сегодня обозначен химический элемент «курчатовий» — он был искусственно получен в 1966 году советскими физиками и назван в честь академика Курчатова, трижды Героя Социалистического Труда, под руководством которого были созданы первый в Европе ядерный реактор, первая советская атомная бомба, первые в мире термоядерная бомба и атомная электростанция. Возможно, мы живем сегодня на этой Земле — хоть и в трудном, противоречивом мире, но скоро уже сорок

лет без мировой войны — потому, что были осуществлены работы «старых комсомольцев»: Игоря Васильевича Курчатова, Сергея Павловича Королева, их товарищей...

В годы войны «Смена» стала военным журналом ЦК ВЛКСМ. Конец 1942 года. Враг отбит от стен Москвы, но жестокие бои идут на всех фронтах. В последнем, декабрьском номере этого года «Смена» обращалась к читателям:

«Недавно Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый образец красного знамени воинских частей Красной Армии. На этом знамени начертано: «За нашу Советскую Родину». С ним, с этим непобедимым знаменем, на котором горит кровь тысяч сынов Советской Отчизны, мы вступаем в новый, 1943 год. Впереди еще жаркие битвы и суровые испытания. Но мы не страшимся их. Под великим красным знаменем дорога у нас только вперед — к нашей грядущей победе!»

Номер открывала статья секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. В. Андропова. Автор писал тогда: «Когда по инициативе ЦК ЛКСМ в республике создавался комсомольский лыжный батальон, нам пришлось выдержать буквально натиск добровольцев.

Отбор в батальон был строгий. Брали только самых выносливых, самых здоровых, самых сильных лыжников. Непринятые протестовали, просили пересмотреть решение, всячески доказывали, что их место — на линии огня. Когда медицинская комиссия установила, что из-за ревматизма ног комсомолец Вильнит не может быть принят в лыжный батальон, Вильнит пришел в отчаяние. Он просил отменить решение комиссии, он писал в своем заявлении, что умеет легко ходить на лыжах, что ноги у него не болят, а сердце он «просто не чувствует», что у него, наконец, отец в армии, а мать и сестра защищают Ленинград и что поэтому он не может быть в стороне от грозных событий.

Больше половины комсомольцев Карелии ушло на фронт».

В той памятной статье автор привел множество фактов ежедневного героизма комсомольцев. Карелия, северо-западный край Советской державы, сражалась с захватчиками, как все Отечество наше, — являя образцы самоотверженности и мужества. Готовность к подвигу в годы войны стала определяющей чертой Ленинского комсомола.

Сегодня мы обращаем взор молодого читателя к грядущему гордому празднику советского народа — 40-летию Великой Победы над фашизмом, к неувядающему подвигу отцов наших и матерей. Будем же вечно помнить их подвиг, будем достойны их ратного примера!

Мудрая ленинская прямота:

«...если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямую, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности».

Правду — напрямую. Познать ее — и не побояться произнести. Не побояться, что это подорвет собственный авторитет, внесет дух сомнения, снизит жизнеспособность всего общественного организма. Ленин предупреждал, что «одной из самых больших и грозных опасностей» для правящей партии, осуществляющей переход к социализму, является «опасность отрыва от масс». Он подчеркивал, настаивал: «...ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».

В повседневной практике нашей журналистики этот ленинский тезис расширяется потоком читательских писем, над которыми кропотливо и внимательно работают редакции. «Почта «Смены» — постоянная рубрика уже с первых номеров 1924 года. Иногда она конкретизируется: «За что крыли и хвалили «Смену» (заголовок, открывающий один из тогдашних номеров). И мы горды, рапортуя сегодня: по адресу «Москва, Бумажный проезд, 14, журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» в 1982 году пришло 42070 писем, в 1983-м (по предварительному подсчетам) — более 80 тысяч».

У каждой эпохи в жизни нашего народа и государства свои правофланговые. Это и люди и творения их рук. От Комсомольска-на-Амуре до газопровода Уренгой—Ужгород. От Магнитогорска до БАМа. Слово орденские ленточки века, соединенные трудовым подвигом поколений. Сколько на картах пятилеток появилось городов, которые могли бы называться Комсомольск? История грандиозных преобразований на бескрайних просторах страны, история крупнейших строек неотделима от биографии Ленинского комсомола, и об этом красноречиво напоминают подшивки «Смены» за шесть десятилетий. Комсомольцы на Волжестроме — тогда, в 20-е годы. Комсомольцы на стройках Великого Зауралья — сегодня, в 80-е. Репортажи, очерки, специальные номера, продолжающаяся из года в год экспедиция «Смены» «Западная Сибирь: проблемы, открытия, факты»...

В обозримом будущем экономическую стратегию страны в решающей степени будет определять Сибирь. С освоением ее гигантских территорий связаны не только перспективы нашего индустриального роста. Сегодняшняя Сибирь с ее Всесоюзными ударными комсомольскими стройками, с ее молодыми городами деятельно участвует в развитии социальных структур нашего государства, продолжая традиции прежних десятилетий, создавая

и развивая новые. И наш журнал, журнал рабочей молодежи, со дня его основания видит свою задачу в том, чтобы конкретно и критично

проанализировать накопленный опыт, не закрывая глаза ни на одну из существующих проблем. Партия учит нас ленинской скромности и деловитости, и справедливая гордость масштабами свершений ничего громкого не имеет с безудержным нафларным ликованием, когда огромными фразами прикрывается нежелание взглянуть и активно вмешаться в непростую круговерть будничных дел.

Как известно, вопрос вопросов освоения Сибири —

это обживание

богатейших здешних территорий. Именно обживание.

«Палаточный» метод сдан в архив. На передний план выдвинулось жилищное строительство в молодых, рожденных великими стройками городах, выдвинулось все то, что именуется несколько корявым словом «соцкультбыт». Нельзя не увидеть, что мотивы, которые приводят сюда молодых людей, уже своей неодинаковостью требуют от партийной и комсомольской работы не только энергии, но и такта и гибкости. Да, бывает, едут сюда и такие, кого привели главным образом

коэффициенты, надбавки к зарплате, в чьей жизненной позиции слово «дай!» несоразмерно довлеет над куда более человеческим словом «возьми!». Но он трудный, рубль сибирский. Дискомфортность первого времени, суровость климата, высокий темп, привычный для арифметика взлез, оксеивают тех, кого занимает лишь нехитрая бирфметная возле, кассеивают окешечка и кто всем книжкам предпочитает сберегательную. И все же морали коллектива, его сплоченности, его боеспособности

дух рвачества и временщины может нанести непоправимый урон. Непримируемость к такого рода тенденциям, корчагинская непримируемость, бескомпромиссная непримируемость грозных военных лет — единственно правильная ответ. «Смена» писала и будет писать об этом. Будет, потому что иждивенчество и мещанство вредоносны и враждебны самой основе социалистического образа жизни.

К определяющим чертам

молодого человека нашего времени,

героя и часто автора «Смены», относятся, безусловно, такие

принципиально важные:

требовательность к себе и другим; уважение к продуманной, грамотной организации труда; решительное неприятие разгильдяйства, какими бы пышными декларациями оно ни маскировалось. Пассивная и бездумная исполнимость трудового человека не может быть стилем современной экономики, сложной и динамичной, требующей хозяйского отношения к делу, требующей осознанной ответственности — за свой участок, за свой завод, за свой город, за свою страну.

Нам радостно, оказавшись в столице газозиков

Сибири — городе Новый Уренгой, пройти по улице имени журнала «Смена», увидеть вечером светящиеся окна двух сменовских библиотек, построенных по нашей инициативе «всем миром», когда книги собирали в самых разных уголках страны, чтобы послать сюда, где труднее и где они нужны больше, чем где-либо... Мы продолжаем писать штрихи к социальному портрету молодого города, выросшего в тундре, города с его неповторимым микроклиматом. Сегодня ему посвящаются уже и песни и диссертации — очень хорошо, кстати сказать, что и то и другое. Ну, а для «Смены» Новый Уренгой — родной город, подшефный не по формальному, декларативному счету, всегда об этом вспоминают лишь во время юбилеев. Нас прочно связало об этом дело, а его можно и нужно делать не по праздникам, а изо дня в день. И мы в «Смене» видим свой долг и в том, чтобы рассказать, что происходит в этом фантастическом крае нашей земли, и в том, чтобы помочь этому происходящему, творимому руками людей. Помочь словом и делом.

На встрече с ветеранами партии, размышляя о проблемах работы с молодежью, Генеральный секретарь ЦК КПСС,

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Юрий Владимирович Андропов говорил:

«А в общем-то, товарищи, нужно признать, — хотя не всем это легко дается, — что каждое новое поколение в чем-то сильнее предыдущего, знает больше, чтобы послать дальше. Напомню вам слова В.И. Ленина:

«Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и ОНИ ПОБЕДЯТ» (Полн. собр. соч., т. 23, с. 256).

Так что нам с вами, когда мы учим, воспитываем молодежь, нужно помнить об этих ленинских словах».

Ленин. Партия. Комсомол.

Живая нить, связывающая десятилетия.

Незыблемость принципов.

Преемственность традиций. Открытость новому.

В этом — наша сила.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1359) ЯНВАРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Эта юбилейная книжка рассказывает, как, начиная с первого своего номера, увидевшего свет в 1924 году, до нынешних дней «Смена» выполняла важное поручение ленинской партии: быть пропагандистом, агитатором и коллективным организатором молодежи в борьбе за общественный прогресс и воспитание человека новой, коммунистической нравственности. Как бы перелистывая страницы прошлых лет, в этом номере мы попытались рассказать о том, как комсомол и его молодежный журнал воспитывали у комсомольцев любовь к РОДИНЕ, как все новые поколения юных участвовали в СОЗИДАНИИ своего Отечества, как шли на ПОДВИГ, вели неустанный ПОИСК, штурмуя неизведанное, как утверждали ТВОРЧЕСТВО, прибавляя свои краски многоцветному миру прекрасного.

Обращаясь к истокам подлинной духовности, патриотизма, верности идеалам революции, «Смена» воссоздала на своих страницах публицистическую летопись трудовых и героических свершений комсомольцев и молодежи.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ, МИХАИЛ ШОЛОХОВ, МАКСИМ ГОРЬКИЙ — в юбилейном номере мы факсимильно воспроизводим лишь три работы классиков советской литературы, впервые появившиеся на страницах журнала. Представляя других известных авторов, публикуя ПИСЬМА ДРУЗЕЙ, активно сотрудничающих с нами, редакция верит: комсомольский журнал — это зеркало, отражающее портрет молодого поколения. Из многих страниц сложилась летопись, отражающая этот портрет в разных измерениях, среди которых ВРЕМЯ, ВЕРНОСТЬ И МУЖЕСТВО, ПРЕДАННОСТЬ ПАРТИИ И ЛЕНИНСКАЯ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ.

Обложка работы художника
Вячеслава ВИНОГРАДОВА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕНСТВЕННИКОВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Виктор АСТАФЬЕВ,
лауреат
Государственной премии СССР

Такое вот нечаянное совпадение: и журналу «Смена», и мне, его давнему читателю и автору, в один и тот же год исполняется по шестьдесят!

А еще недавно, совсем, кажется, недавно мы были такими молодыми. Как все же стремительно летит время! Журналу есть чем отчитаться перед читателями. Когда я впервые в пятидесятых годах попал в него, то есть и на полосы и в редакцию, у журнала был очень скромный тираж, скромный вид и нравом бойким он не отличался. А это молодежному журналу особо противопоказано, смиренность и послушание — качества хорошие, да не всегда и не во всем.

И если сейчас журнал броско и красиво оформляется, интересно, порой так виртуозно верстается, что уж где чему начало и где конец — не вдруг и отыщешь, то это от дерзости, от желания быть непохожим на другие журналы и на себя самого, того смиренного, серовато-опрятенького, каким был он когда-то.

Похвальное стремление, похвальная дерзость! И думаю я, что в этом немалая заслуга авторов журнала, к коим имею честь принадлежать и я.

Сейчас вот хорошо вспоминать и гордиться тем, что почти все, что было заметное в литературе шестидесятых — семидесятых годов, не миновало «Смену». Но ведь все мы: и Юрий Нагибин, и Василий Шукшин, и Юрий Бондарев, и Константин Воробьев, и Виктор Потанин, и Аскольд Якубовский, и Расул Гамзатов, и многие-многие другие — пришли сюда, в журнал, будучи молодыми и с «молодыми», зачастую незрелыми произведениями, а то и вовсе с очерками и рассказами, сыроватыми, угловатыми, неуклюжими, и с нами надо было «работать», и работа эта заключалась не в том только, чтобы помочь автору «дотянуть» произведение «до кондиции», то есть до напечатания, но нам, приехавшим с периферии, еще надо было помочь устроиться с ночлегом, получить деньги и даже неллишне было покормить автора с дороги в буфете или с толком истратить полученный первый гонорар, не размотать его попусту и без толку.

Меня, например, и накормили, и чаем поили, и обогревали добрым, приветливым словом, помогали купить бумагу, копирку, ленту для пишущей машинки и даже помогли однажды купить костюм, пальто и ботинки «модные» по тому времени, и не гнушались за руку отвести в бухгалтерию, чтоб ускорить дело с получением денег и командировкой, познакомили с «нужными», в хорошем смысле этого слова, людьми, и потом уж, когда сам придешь в какой-нибудь отдел, в том числе и в расчетный, тебя «узнают», улыбнутся, ободрят и все без надсады сделают, что нужно. Как это дорого, знали бы бюрократы нынешнего времени!

Конечно, все сейчас грамотны, вроде бы знают «ходы и выходы». А может, есть такие авторы, что и не знают, а? С хутора, из деревни или, как я когда-то, из маленького городка Чусового, явятся, и с ними надо поговорить, как с детьми, обласкавать, приободрить, помочь словом, делом и всем, в чем нуждается автор, пусть и безызвестный пока.

И мы все когда-то были безвестные, и за то, что нашлся журнал и коллектив его и принял нас, обогрел — признательны ему будем до конца дней своих. Пусть и менялся, обновлялся коллектив в «Смене», но традиция человеческого отношения к людям оставалась и остается, как я в том не раз убеждался. Бывало, приедешь с периферии, работа не работа, запарка не запарка, надо со всеми познакомиться, поздороваться, перекинуться новостями — свежее на душе, светлее стало настроение у «гостя» и у «хозяев».

Надо, чтобы журнал был не просто присутственным местом, но и домом для авторов и гостей журнала, и когда я недавно увидел, что все коридоры и комнаты в «Смене» завалены книгами, узнал, что сами сотрудники принимают посылки книг и сами же развозят по детдома при их далеко не богатырском здоровье и ограниченных транспортных возможностях, я с радостью убедился, что «мой» журнал остается все тем же приветливым, деловым и человеческим, каким я его узнал давно-давно, и «моим» он останется. Помогать людям, в особенности молодым авторам, надо не на словах, а на деле, и помогать не просто автору, а и человеку, который всегда нуждается в участии, готов на доброту ответить добротой.

Пусть всегда светится тот теплый огонек в большом, необозримом городе, который обогрел меня когда-то, осветил мой дальний и нелегкий путь в литературу, и пусть «Смена» никогда-никогда не гасит этот огонек приветливости, ибо с него-то все и начинается, а не с пространственных речей, не с обильных и шумных застолий.

Я воспринимаю «Смену» как давно мне знакомого, может, и родного человека, и низко кланяюсь ему во дни нашего совместного юбилея, и желаю всего того, чего желают хорошему человеку!

ТШИСЬМША

Владимир ЧИЧЕРОВ,

дважды Герой Социалистического Труда,
бригадир
слесарей-сборщиков объединения
«Ленинградский Металлический завод»

Друзья! В нашей жизни немало проблем. И каждый день — новые. Но есть проблемы не стареющие, постоянные. Одна из них — воспитание подрастающего поколения. Это важная, благороднейшая задача, и «Смена» всегда уделяла ей большое внимание.

Воспитание настоящих людей — это всегда воспитание будущих рабочих, ибо у человека любой профессии должна быть рабочая жилка. Ведь рабочий — не специальность, это черта характера, если хотите. Умение работать на совесть необходимо в любом деле.

Наш рабочий класс прошел громадный, трудный путь. Было время, на стройках, на заводах не хватало всего: механизмов, валенок, коек в общежитиях, но было главное, объединяющее — жадное желание работать. И в авангарде шли комсомольцы. Это стало традицией, стилем жизни советской молодежи.

Знаю по рассказам ветеранов нашего завода: первую советскую турбину вывезли на обычной телеге, и по этому случаю состоялся большой праздник. А мы вот сдаем турбины мощностью по миллиону киловатт!.. Да, мы привыкаем к победам. Но нет в этом ничего страшного — лишь выше будут наши вершины.

И хорошо, что мы привыкаем работать по-настоящему, с полной отдачей. Это становится жизненной необходимостью. И этому мы должны научить своих детей.

В последние годы молодежь стала образованней, интеллигентней. Но порой молодым не хватает самостоятельности, решительности, трудовых навыков. И в будущем я жду от «Смены» материалов об острых проблемах трудового и нравственного воспитания, рассказов об опыте лучших наставников.

Константин КАЗАКОВ,

маршал артиллерии

Помню «Смену» военную. Небольшие тонкие книжки журнала приходили к нам в действующую армию нерегулярно. Но все-таки приходили. Случалось, что в самый разгар боев. Иной раз день, а то и два носишь журнал в кармане, прежде чем прочесть. А откроешь — захватывает. «Смена» сражалась, да, сражалась вместе с нами, вместе со всем народом, сражалась на фронте и в тылу. Ее материалы били в цель по-снайперски.

Мы узнавали из журнала о подвигах советских солдат и офицеров, о фронтовом напряжении тыла. «Смена» как военный журнал ЦК ВЛКСМ учила молодежь науке побеждать. Помню практические советы воинам, которые регулярно помещал журнал: как окапываться, как поджигать фашистские танки, как оказывать первую медицинскую помощь раненым, как распознавать вражеских лазутчиков. Учила «Смена» молодежь духовной стойкости, коммунистической убежденности. Никогда не забуду публикации Елены Кононенко о жизни и подвиге Виктора Талалихина. Она воспринималась призывом к героизму, к мужеству.

С возрастом журнал не потерял боевитости, чувства нового, целеустремленности. Я, военный человек, хочу и впредь видеть в «Смене» среди ее постоянных авторов солдат, военачальников, участников Великой Отечественной. Сейчас, когда силы империализма подталкивают мир к катастрофе, когда нас пытаются запугать атомным ракетным поясом, неизмеримо возрастает значение публикаций о современной армии, о тех, кому страна доверяет охрану своих рубежей. Это умелые, высокограмотные специалисты, люди, всецело преданные Родине и своему воинскому долгу. Они управляют сложнейшей боевой техникой, оружием такой мощи, что даже врагу я не пожелал бы ее испытывать...

Мои молодые друзья, берегите Родину и любите ее. Поздравляя «Смену» с шестидесятилетием, желаю ей новых творческих удач, журналистских находок, гвардейского здоровья.

Михаил ПРОКОФЬЕВ,

министр просвещения СССР

Дорогие друзья!

От имени учителей, работников системы просвещения сердечно поздравляю коллектив сотрудников, всех читателей «Смены» с шестидесятилетием журнала.

Советские педагоги и школьники хорошо знают и ценят журнал «Смена» — активного помощника учителя в коммунистическом воспитании подрастающих поколений. Лучшие художественные и документальные публикации журнала вызывают неизменный интерес учащихся, учителей, родителей, широкой общественности. С удовлетворением отмечаю, что на страницах журнала нередко выступают и сами педагоги. Конечно, заслуживает всяческой поддержки и дальнейшего продолжения инициатива журнала, благодаря которой собрано более 100 тысяч книг для воспитанников детских домов страны.

Сегодня перед советской школой стоят новые большие задачи, выдвинутые июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС. Над их решением мы сейчас напряженно работаем. Предстоит создать лучшие условия для соединения обучения с производительным трудом школьников, усилить роль трудового обучения как важнейшего фактора их воспитания, подготовки к жизни, к активному участию в укреплении экономического и оборонного могущества Родины. Партия требует от нас целенаправленной и глубже осуществлять гражданское воспитание школьников, формировать каждого школьника как несгибаемого ленинца, стойкого борца за дело партии, за коммунизм. Мы разрабатываем сейчас меры по совершенствованию всего учебно-воспитательного процесса в школе, по коренному улучшению физического и эстетического воспитания детей и подростков. В успешном решении этих задач мы ждем активной помощи журнала «Смена».

Желаю вашему журналу, имеющему столь обязывающее название, новых творческих успехов в воспитании достойной смены — активных и самоотверженных граждан нашей великой социалистической Отчизны.

Николай ШИЛО,

академик

Пусть и прошло уже шесть десятилетий со дня выхода в свет первого номера «Смены», я бы сказал, что возраст журнала по-прежнему — комсомольский.

Комсомол и Дальний Восток связаны неразрывно. Кому не известны такие героические страницы в освоении нашего края, как строительство Комсомольска-на-Амуре, возрождение Тихоокеанского флота... И сегодня здесь поднимаются новые города и заводы, молодежь строит БАМ и гигантский порт Восточный. Быстрыми темпами развивается наука. Во Владивостоке создан Дальневосточный научный центр АН СССР. Как всегда, на передовых рубежах комсомольцы. А рядом с ними — журналисты и авторы «Смены». Не так давно журнал посвятил Дальнему Востоку и его людям специальный номер.

Желаю «Смене» быть верной своему характеру — боевому, неравнодушному. Комсомольскому!

**Учащиеся и преподаватели
Таллинского железнодорожного ПТУ
имени А. А. Мюрисепа,
лауреата премии
Ленинского комсомола,
коллективного подпписчика
«Смены»**

Недавно журнал напечатал большую документальную повесть о нашем училище. Почетно и приятно быть героем «Смены». Но это и обязывает ко многому. Поэтому постарайтесь и дальше трудиться и учиться так, чтобы «Смена» еще не раз обрадовалась к судьбам наших учеников, выпускников, педагогов, мастеров.

Друзья

Тихон ХРЕННИКОВ,

народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий

Дорогие друзья!
Подумать только — вам уже шестьдесят. Поэтому особенно рад, что уже столь почтенный возраст не помеха юному задору, кипучей энергии, неиссякаемой любознательности, неутомимому поиску. По-моему, только так и должно быть!

Мне было десять лет, когда «Смена» родилась. Примерно того же возраста достиг журнал, когда нам довелось познакомиться совсем близко. Я еще только написал свои первые крупные сочинения — и именно на страницах «Смены» появилась первая большая статья обо мне, молодом композиторе, тогда тоже еще очень молодой журналистки Татьяны Тэсс. Сердечная, взволнованная и поэтичная, она очень поддержала и окрылила меня. С тех пор навсегда в душе теплая и искренняя благодарность к вам.

Это замечательное, благородное дело и великое счастье — искать и открывать молодые таланты, всячески поддерживать их, воспитывать культуру молодых читателей, помогать им узнать музыку, полюбить ее, стать ее верным другом. Прекрасно, что ваш клуб «Музыка с тобой» постоянно поднимает самые острые проблемы, смело знакомит с новыми, малоизвестными именами, вступает в интересные беседы с мастерами, бережно, уважительно и ненавязчиво пропагандирует мудрый опыт старших.

У нас, творческих работников, одни с вами задачи: нести людям Знания, Добро, Красоту. Мы вместе ответственны за то, какими станут сегодняшние юноши и девушки, во что они будут верить, что будут любить. И потому от всей души желаю всему коллективу журнала и дальше сохранять и умножать вашу смелость, ответственность, молодое горение, тягу к знаниям, любовь к своему делу, страстную увлеченность им.

Желаю вам доброго здоровья и большого счастья. И вечной молодости — «Смене»!

Петр КЛИМУК,

летчик-космонавт СССР,
дважды
Герой Советского Союза,
генерал-майор

Никогда так хорошо не мечтается, как в юности. И почти все кажется возможным и доступным. Но как недалеко бывает даже от самой смелой мечты реальность! Помню в одном из старых номеров «Смены» рисунок межпланетного корабля, астронавтов в скафандрах. Тогда еще человечество не помышляло о взорвеозом завоевании людьми космоса. А рисунок в тончайших деталях воспроизводил обстановку космического полета.

Прошло несколько лет. И мир услышал из просторов вселенной голос Юрия Гагарина. А вскоре космические рейсы стали действительностью, такой же, как сообщение между материками. Но каждый полет был шагом вперед и требовал от людей немало воли, мужества, дерзновенности. И мечты. Потому что без мечты невозможно движение вперед.

Чтобы дерзать, нужны смелость, знания, вера в победу. Эти качества у советской молодежи воспитывает комсомол. Рассказывая о тех, кто сегодня идет в звездные просторы космические корабли, осваивает Сибирь, разгадывает тайны мироздания, растит рекордный урожай, «Смена» участвует в формировании новых поколений мечтателей, людей бесстрашных, готовых на подвиг.

Так пусть же журнал, переступающий порог шестидесятилетия, всегда держит руку на пульсе времени, мечты.

Успехов в самых смелых начинаниях, дорогие друзья!

Алла ПУГАЧЕВА,

заслуженная артистка РСФСР

Дорогие друзья!
У молодежного журнала и эстрадной певицы, пожалуй, во многом сходные амплуа.

Работа над номером. Премьера. Тираж. И та желанная реакция обратной связи, когда, ощущая биение сердца, ждешь: дошло ли до миллионной аудитории пережитое, передуманное, пережитое?

Общение и искусство — я уже не раз об этом говорила — очень весомые, очень личные для меня понятия. Молодежная «Смена» под обложками шести десятилетия собрала и создала уникальный опыт общения — в цифрах, словах, диалогах, образах и именах. Какие имена открывает молодое издание, я преклоняюсь: Маяковский, Горький, Шолохов, Паустовский, Фейхтвангер...

Тогда и сегодня. Вот замечательно: свои современные страницы журнал с достоинством отдает поддержке молодого, часто еще не окрепшего таланта, который, как известно, имеет свойство развиться или угасать. Я верю своей, выстраданной формуле разгона: начинаешь или ты уже давно признан, пишешь, рисуешь или поешь — всякий раз ты как бы заново обязан заявить в себе личность. Выплеснуть из себя художника, живущего не прошлыми заслугами, не на проценты и дивиденды, — живущего по честному счету бесплокой души за завтрашний день.

«Смена» много пишет о музыке, музыкантах, исполнителях песен и актерах песенной эстрады, о пристрастиях и вкусах, о блеске самозабвенного поиска себя в музыке и нищете потребительства, пошлости в приложении к миру гармонии звуков. Музыка заняла большое место в общении современных людей, она в каждом доме и на улице, она в будни и в праздники — желанна, узнаваема, необходима. Но как бы много ни публиковалось на эту тему, многие явления в музыке остаются еще не узнаваемыми и не осмысленными и потому спорными. И мне радостно, что есть такой журнал, в котором спорят, обсуждают, а это значит, со временем рождается истина.

У нас появляются яркие, своеобразные композиторы, растут талантливые исполнители, а стало быть, не за горами то время, когда советская эстрада широко и авторитетно заявит о себе на международном уровне. Не скрою, там — борьба, борьба между профессионалами, где побеждают профессионалы.

Годов дорожные столбы в шесть десятилетий... С праздником, дорогие друзья, все, кто пишет в «Смену» или ее читает! Не теряйте счастливого чувства, что время и искусство — бесконечны!

Александра ПАХМУТОВА,

лауреат Государственных премий
и премии Ленинского комсомола

От всего сердца поздравляю замечательный молодежный журнал со столь значительной датой в его кипучей жизни. Желаю всем сотрудникам и авторскому коллективу счастья, здоровья, радости, успехов, новых неустанных поисков и находок — словом, всего доброго и творческого!

Нас связывает многолетняя дружба, и как музыканту мне особенно отраднo, что «Смена» так внимательно к песне. Тираж этого любимого молодежь журналу превышает самые массовые чисто музыкальные издания, и каждая появляющаяся на ваших страницах песня — это прямое отношение к миллионам, огромная помощь любителям музыки.

Настоящее искусство не только красота, но глубокая философия, мировоззрение автора. Песня же наиболее ярко выражает еще одну важную общественную направленность творчества — политическую. Поэтому хочется пожелать еще большей смелости и ответственности в ее пропаганде, еще более тщательного отбора самого лучшего. Мне очень нравятся содержательные беседы о музыке, которые постоянно появляются в «Смене», они полезны для всех. Желаю вовлекать в разговор как можно больше интересных людей, особенно профессионалов, — чтобы эти разговоры всегда были яркими, точными, сильными, острыми.

Юрий БОНДАРЕВ,

лауреат Ленинской
и Государственной премий СССР

Что ж, первый напечатанный рассказ — событие наиважнейшее, счастливый миг судьбы, однако не облегчающий, как это кажется со стороны, а усложняющий жизнь. То есть за первым рассказом должен последовать следующий. Но вот эти «следующие» — «второй», «третий» — уже, как правило, даются с великим трудом, каторжными усилиями, ибо после первого шага возникает (конечно, не у всех писателей) особое состояние соперничества с самим собой и со своим первенцем.

В пору еще институтской молодости, надежд, самоуверенности и вместе робости журнал «Смена» опубликовал мой рассказ «В пути», принесший мне и радость и неисчислимы муки. Радость была в том, что меня одобрили хлопая по плечу мои друзья и даже печатно — несколькими строчками — хвалили некоторые критики, что в те годы имело значение. Муки заключались в том, что, перечитывая свой первый рассказ, я находил в нем столько изъянов, наивностей, он был так далек от одержимо любимой мною тогда прозы божественного Чехова, что охватывало отчаяние наедине с собою.

Но рассказ был напечатан, и я понял, что это было начало какой-то новой, очень непростой и очень нелегкой работы.

Надежда БЕНДАС,

заведующая библиотекой
имени журнала «Смена» в Новом Уренгое

Дорогие сменовцы!
Прекрасно знаем, как много у вас друзей в разных уголках страны. Друзей настоящих, интересных, верных. Знаем это и все-таки считаем, что нас, жителей Нового Уренгоя, одного из самых юных по возрасту городов страны, связывают со «Сменой» особые отношения.

Пять лет назад прибыл в Новый Уренгой Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ. Ребята привезли с собой первые 700 книг, которые подарила им «Смена». Надо знать, какая это необходимая ценность: в не обжитых еще настоящему месту — книга! Человек не может без книги.

Книги для жителей Нового Уренгоя по призыву «Смены» собрали тысячи людей, друзей журнала, ставших и нашими друзьями. А как это важно: почувствовать в нелегких условиях согревающее тепло человеческого участия, узнать, с какой искренней заинтересованностью следят за нашей работой люди.

Две библиотеки, взрослую и детскую, построила «Смена» в Новом Уренгое. Символично, что имя журнала присвоено улице, на которой они стоят. А рабочие коллективы на Уренгойском месторождении соревнуются в ударном труде на призы «Смены». Сотрудники «Смены» — желанные люди в нашем городе, и мы чувствуем себя своими, когда случается оказаться в редакции журнала.

Дружба обогащает жизнь, придает новые силы. Поздравляя «Смену» с юбилеем, твердо верим, что дружба журнала и Нового Уренгоя будет крепкой и долгой.

Воспитанники Бийского смешанного детского дома № 3, Алтайский край

Каждый раз, когда почта приносит в наш детский дом «Смену», мы ощущаем такую радость, словно к нам в гости пришел дорогой, долгожданный друг. Ведь «Смена» — наш любимый журнал, наш старший товарищ и наставник. Она помогает нам взрослеть, набираться жизненного опыта, становиться добрее.

А сколько счастья было у нас, когда мы получили из Москвы, из редакции «Смены», посылки с книгами! Тысяча книг — целый мир увлекательных приключений и открытий. Читаем и перечитываем полюбившиеся страницы, бережем каждую книгу как самый дорогой подарок.

Спасибо тебе, «Смена»! Спасибо всем, кто откликнулся на твой призыв сделать детский дом теплым домом и поделился с нами своей добротой. Кем бы мы ни стали в скором будущем, где бы ни трудились, в наших сердцах навсегда останется благодарность отзывчивым людям.

От души поздравляем наш журнал с юбилеем. Ждем в гости друзей! Желаем нашей дорогой «Смене» вечной юности!

P

ОДИНА

Восьмидесятые годы двадцатого века... Эпоха научно-технической революции... Время покорения скоростей и расстояний, время дерзких открытий—и время неизменных, непреходящих ценностей, без которых мало чего стоит человеческая жизнь: труд, дом, земля отцов...

Бурное и стремительное наше время научило людей пристальнее вглядываться в прошлое—что из него взять с собой, в бесконечную дорогу в будущее? Обычай, проживший столетия? Песню? Легенду?

Что привязывает человека к земле отцов? То необъяснимое чувство, которое даже птиц заставляет улетать, чтобы вернуться? Или нечто иное—понятое, осознанное, объяснимое?

Мы вглядываемся в прошлое Родины—и в будущее. В будущее, которое создаем сами.

Рядом со словом «Родина» стоит слово «дом». И постоянная, неизменная примета доброго дома—то, что человеку интересно в нем, то, что вокруг все вроде бы знакомо, но исполнено неожиданных открытий—начиная с открытия самого себя...

Шесть десятилетий «Смена» вглядывается в жизнь страны, в жизнь поколений, которые были юными в двадцатые и сороковые годы, в шестидесятые и в нынешние, восьмидесятые. Страна изменялась, обретала новые черты и грани, но сохраняла то, что определяет ее характер и ее сущность: высокую человечность, обретенную и испытанную во времена трудные и горькие.

Пусть улыбается юным мир.

Сегодня. Завтра. Всегда.

СЛОВО О РОДИНЕ

Георгий ЕЛИЗАРОВ-ЛОЗГАЧЕВ

Владимир Ильич большую часть дня проводил в своем деловом кабинете, приходя домой только поесть и спать. В особенно тревожное время, в разгар гражданской войны, когда республика оказалась в железном кольце, он просиживал в кабинете по 16 и более часов за работой.

По вечерам раз-два в неделю он выезжал за город подышать чистым воздухом и приглашал Анну Ильиничну прокатиться со мной. Между прочим, он не особенно любил гулять в компании и гулял по лесу один, вдаль от других, и, гуляя, все о чем-то думал, думал...

Любил Владимир Ильич также и охоту и ездил со своим братом Дмитрием Ильичом на охоту, иногда даже на целую ночь, чтобы охотиться на заре, и ночевали они где-нибудь в деревне. Раз ездили даже верст за 100—к самой Твери. Видимо, ему нравилась самая обстановка охоты, когда он мог хоть несколько часов не думать о бесконечных делах, оставшихся в Кремле, и был с головой поглощаем природой и охотой. Привезжал он довольный, всеяя одним видом своим бодрость и веселость в других людей.

Живя в Горках, Владимир Ильич часами гулял по парку и по лесу и был неумолим.

Любил Владимир Ильич летом купаться. В Горках, приблизительно за версту от дома, протекает красивая, извилистая река Пахра сажен 25—30 шириной. Мы переезжали в лодке к песчаному берегу и там купались. Владимир Ильич умел плавать... и быстро достигал меня.

В хорошую погоду мы пили чай на террасе. Владимир Ильич со стаканом в руке рассказывал взад и вперед по террасе, разгуливая так много, что я, шутя, замечал ему: «И, что вам, Владимир Ильич, ездить на автомобиле, когда вы так много ходите, что, право, смогли бы уж до Москвы пешком пройти», и также, шутя, начинал считать каждые пять минут: «Вот уже 5... 10... 12 верст прошли».

Владимир Ильич ласково улыбался своей милой, доброй улыбочкой, ничего не говорил в ответ и по-прежнему продолжал ходить. Кто знает, может быть, в этот момент решался важнейший политический вопрос...

«Смена», 1924 г., № 5

Александр СЕРАФИМОВИЧ

Не успело просветлеть небо, а уже голова колонны далеко вытянулась и поползла по шоссе. Направо все тот же голубой простор, налево густо громоздятся лесистые горы, а над ними — пустынные скалы.

Извиваясь белой змеей, сползает клубящееся шоссе в гущу лесов. Тишина. Прохладные тени. Сквозь деревья — скалы. Несколько шагов от шоссе, и не проредешься — непролазные дебри; все опутано хмелем, лианами. Торчат огромные иглы держи-дерева, хватают крючковатые шипы невиданных кустарников. Жилые медведей, диких кошек, коз, оленей, да рысь по ночам отвратительно кричит по-кошачьи.

Громада ползет по шоссе, не останавливаясь ни на минуту, а хлопцы, дивчата, ребятишки, раневые, кто может, сбегают под откос, сдергивают на бегу тряпье штанов, рубашонки, юбки, торопливо

составляют в козлы винтовки, с разбега кидаются в голубоватую воду. Тучи искр, сверкание, вспышки-вающаяся радуга. И взрывы такого же солнечно-искрящегося смеха, визг, крики, восклицания, живой человеческий гомон, — берег осмыслился.

Море — нечеловечески огромный зверь с ласково-мудрыми морщинами притих и ласково лижет живой берег, живые желтеющие тела в ярком движении сквозь взрывы брызг, крика, гоготанья.

«Смена», 1924 г., № 6

Максим ГОРЬКИЙ

Наслаждался я простором степей, и теснота тюрем не мешала свободе духа моего, одиночество — польза человеку: оно укрепляет душу сильного. Был мятежен, радостно и гневно боролся против злых, побеждал — и ликовала душа моя, поражен был — и не отчаивался, ибо вера в победу правды крепла во мне и острые зубы несчастий моих не могли сокрушить крепости ее. Я понял, что неверие — только незнание, старался познать и — нашел в познании неугасимый огонь веры!

Я люблю все цветы и краски земли, и человек, лучшее ее создание, во все дни мои был для меня чудеснейшей из загадок, и любоваться им не устал я! О, нет, не устал!

И не делился я с людьми слезами и стонами, но всегда давал им все богатства смеха и радостей моих. Раны сердца моего не болели долго: я не растревал их, не подавлял разума моего, ибо знаю я: человек рождается с болью и кровью для матери своей, и душа моя была матерью и восприимщицею всех желаний Жизни.

И еще знаю я: все, что есть безобразного, издохнет подобно псу прокаженному, издыхает уже, как бесполезное для людей! Все более ясно на земле бесполезность отвратительного, и всем становится видимо излишество безобразного!..

Я жил прекрасно, я нашел свой путь...

«Смена», 1937 г., № 6

Алексей СТАХАНОВ

Многое хочется узнать мне, чтобы принести еще большую пользу моей Родине.

У меня появилось много новых родственников, и число их растет с каждым днем. На каждом шагу встречаю я своих. Большие дела творит моя многомиллионная родня. Строят они корабли, везут паровозы, ткнут полотно, шьют салоги, собирают турбины. Как часто на улице, в театре, в поезде слышится: кто-то окликает меня. Иногда невольно обернешься, прежде чем вспомнишь, что разговор о стахановце, а не обо мне.

Вот как развернулась моя жизнь. Как же мне не любить своей Родины?

«Смена», 1937 г., № 9—10

Антон МАКАРЕНКО

Производственный корпус, новенький, двухэтажный, с балконом... На свежавыкрашенном полу ничего нет, кроме блеска, у порога распротертый мешок приглашает вытирать ноги. Под левой стеной выровнялись в длинной шеренге токарные «красные пролетарии», а справа, во всю длину цеха, протянулись солидные фрезерные, перемежаемые высокими худыми сверлильными станками. А между этими рядами разместилась сложная семья зуборезных и долбежных станков. Четыре ряда фонарей, еще без абажуров, заливают ровным светом стены, потолки и станки. Колонисты по одному, по два пробираются на балкон и любуются великолепным итогом многолетних своих трудов — новым советским заводом, настоящим заводом, который завтра будет торжественно открыт.

«Смена», 1938 г., № 5

Эрнст КРЕНКЕЛЬ

Родина. Какое светлое и большое слово! Родина — это я сам и мои друзья, это наши семьи и дети, это дороги в жизни, и мы ходим по этим дорогам как хозяева. Родина — это наши поля и сады, и птицы поют для нас в этих садах, и цветут цветы, и обильно плодоносят хлеба. Родина — это вся моя страна и каждый из нас, готовый отдать всю свою жизнь и кровь до последней капли, чтобы и впредь росла слава Родины, ее благосостояние и могущество, чтобы дети наши росли в прекрасном саду социализма как цветы. Родина. Партия. Эти слова стали единными в сознании советского человека. Родина наша — цветущий сад. Вот почему так хочется жить и жить, жить, чтобы бороться, бороться, чтобы побеждать...

«Смена», 1939 г., № 10

Лев УСПЕНСКИЙ

Я живу.

Это значит, что на протяжении веков до меня жили, трудились, совершали подвиги мои бесчисленные предки.

От меня до них тянется прямая нить, непрерывная цепочка.

Нижний Новгород — как показывает и самое имя его — был основан выходцами из «Господина Великого Новгорода». Предками нижегородских волгарей были смелые ушкуйники Волхова. И, может статься, в крови Валерия Чкалова текли капли буйной крови Василия Буслаева, или Гаврилы Олексича, или богатыря Саввы Новгородца, которые бились под стягом Александра на берегу Невы.

А не с ними, так с какими-то другими древними богатырями соединяет великого летчика его род. И если Чкалов вправе был гордиться славой, которую он сам себе добыл, он не мог при этом не воздавать должного длинной цепи своих предков. Они, борясь за жизнь, выковывали в этой борьбе твердый характер и стальную хватку, они для него, своего пра-пра-правнука, отстаивали право на победу и славу. Ими он должен был гордиться. Каждый из нас вправе гордиться своим родом! Вправе при одном условии: если мы достойны его.

«Смена», 1943 г., № 17

Михаил ПРИШВИН

Некоторые у нас склонны думать, что картина природы у художника разворачивается за счет человека и в природу художник уходит, спасаясь от необходимости писать о людях. Нет, это совсем неверно. За всякой картиной природы таится невидимый человек. Вот хотя бы известный «Мостик» Левитана. Когда мы глядим на картину, нам кажется, словно по этому мостику только что прошел человек и осветил собой эту неяркую, ничем саму по себе не замечательную природу, изображенную на полотне.

Удивительно, какое множество людей, порой совсем некультурных, обладает художественной восприимчивостью к природе. И каждый человек, ощутивший свое единство с миром природы, духовно возвышается. Горький это расширение души человека от соприкосновения его с природой называл геоптимизмом. Мне неизвестно, сам ли Горький придумал название душевного состояния человека, включенного в движение жизни в природе, или где-нибудь в большой науке уже раньше существовало такое наименование. Но всем нам известно соединение в гармоническом единстве наших отдельных маленьких душ, когда мы действительно соприкасаемся с большой природой сами по себе или через художника. Радуюсь или страдая, но человек при этом всегда возвышается.

Давно я уже пользуюсь чувством природы для изображения ландшафта нашей страны. По новизне ли дела, в котором все нужно видеть своими глазами, по ограниченности ли моих сил, но только я один не могу завершить эту огромную задачу. Вот почему для меня всегда бывает праздник, когда кто-нибудь присылает картину природы своего родного края. Так, помогая один другому,

мы со временем воспроизведем в искусстве слова весь совокупный ландшафт нашей страны.

«Смена», 1946 г., № 3—4

Николай ПОГОДИН

Я хочу опять взглянуть на жизнь из собственного прошлого. Это нетрудно сделать, если память не окостенела. Но чем острее и явственнее я представляю свои юношеские понятия, тем больше не знаю, что мне делать с тем странным молодым человеком, оказавшимся в современности. Он вырос на мечте о неизвестном будущем, всегда прекрасном и очень далеком, а нынче уже так не мечтают. Пятилетние планы есть факт, совершающийся во времени. Где же тут неизвестное будущее? Все более или менее точно известно. Достаточно немного поработать мозгами, чтобы те или иные цифры пятилетнего плана перевести в область жизненных представлений, связанных с твоей личной судьбой. Так, попросту говоря, меняются понятия поколения, и отцы упрекают детей за то, что дети уже и мечтают не так и ведут себя в жизни как-то смелее... Упрекают или, наоборот, радуются. Это уж зависит от самих отцов, но никак не от детей, которые являются детьми своей эпохи.

Молодежь и мечта нераздельны. Молодость полна пламенной энергии. А энергия— это стремление. Впереди нашего стремления летит мечта, та самая, неясная, неуловимая, воздушная мечта, которая была и будет у всех поколений.

...Мечта летит впереди наших стремлений. Впереди самых земных, материальных планов и стремлений устроит свой материальный мир на новых и больших культурных основаниях летит великая одухотворенная мечта о счастье, достойном человека социалистической морали и социалистических устоев жизни.

«Смена», 1946 г., № 7—8

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Я невольно перевел взгляд туда, куда смотрел мальчик. Снеговая дорога сбегала в овраг между заиндевевших кустов орешника. За оврагом, за соломенными крышами овинов вился струйками к серенькому застенчивому небу дым из русских печей. Тоска была в глазах у мальчика, тоска по такой вот косой избе, которой у него нет, по широкому лавкам под стенами, по треснувшему и склеенному бумагой окошку, по запаху горячего ржаного хлеба с пригоревшими к донцу угольками.

Я подумал, как немного в конце концов нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, как только оно появляется.

С тех пор я подолгу жила в деревенских избах и полюбил их за тусклый блеск бревенчатых стен, запах золы и за их суровость. Она сродни таким знакомым вещам, как родниковая вода, лукошко из лыка или невзрачные цветы картошки.

Без чувства своей страны— особенной, очень дорогой и милой в каждой ее мелочи— нет настоящего человеческого характера. Это чувство бескорыстно и наполняет нас великим интересом ко всему. Александр Блок написал в давние тяжелые годы:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви...*

Блок был прав, конечно. Особенно в своем сравнении. Потому что нет ничего человечнее слез от любви, нет ничего, что бы так сильно и сладко разрывало сердце. И нет ничего омерзительнее, чем равнодушие человека к своей стране, ее прошлому, настоящему и будущему, к ее языку, быту, к ее лесам и полям, к ее селениям и людям, будь они гении или деревенские сапожники.

«Смена», 1955 г., № 2

Сидор КОВПАК

Мой юный друг! Родина— это не какое-то отвлеченное, чисто символическое понятие. Родина начинается с твоего дома, где ты живешь, с твоей улицы, по которой ты ходишь, с твоей школы, где ты учишься, с твоего завода, где ты работаешь, с твоего города или села, где родились твои отец и мать. Чтобы по-настоящему любить Родину, надо ее знать. Нужно знать не только историю всей страны, но и историю своего края, знать свой завод, свой город.

Любовь к Родине, к своим родным местам

проявляется в разных делах— малых и больших.

Патриот должен знать свою Родину, должен быть патриотом не только на словах, а, главное, на деле. Он обязан быть готовым в любую минуту стать на защиту своей Отчизны и, если надо, пожертвовать своей жизнью в борьбе за правое дело.

«Смена», 1957 г., № 5

Владимир СОЛОУХИН

Образ Родины, образ родной земли... Как его можно вообразить? Одинаков ли он для всех людей, живущих на этой земле, или у каждого свой? Я для интереса спрашивал у многих своих знакомых (и даже при случайных встречах), что для них олицетворяло бы, символизировало бы родную землю. Ответы, как правило, не сходились.

Один сказал, что Родина— это утес, о который разбиваются волны враждебного моря. Другой сказал, что это березка, стоящая на полевой меже. Третий сказал, что это Волга. Четвертый сказал, что это церковь Покрова на Нерли, смотрящая в тихую зеркальную воду. Пятый сказал, что это букет полевых цветов. Шестой сказал, что это трактор, распаивающий поле. Седьмой сказал, что это василек во ржи. Восьмой сказал, что каравай хлеба и горстка соли на нем. Девятый сказал, что это бульдозер, срывающий старый, ветхий домишко. Десятый сказал, что это плотина гидроэлектростанции, перегордившая реку. Одиннадцатый сказал, что это— лицо его матери. Двенадцатый сказал, что это цветущий яблоневый сад. Тринадцатый сказал, что это ракета, уходящая в космос. Четырнадцатый сказал, что это трава, пробивающаяся сквозь асфальт. Пятнадцатый сказал, что это— лицо крестьянки. Шестнадцатый сказал, что это высоковольтные столбы, шагающие через степь. Семнадцатый сказал, что это Ростов Великий с его Кремлем и звоном. Восемнадцатый сказал, что это Новые Черемушки. Девятнадцатый сказал, что это локомотив, тянущий длинный состав. Двадцатый сказал, что это голубь, летящий в небе. Двадцать первый сказал... двадцать первый сказал, что Родина у него в сердце, но выразить одним словом, что такое Родина, он не в силах.

Я мог бы опросить не двадцать человек, но двести, и, видимо, все ответили бы по-своему. Были бы там, наверно, и струи раскаленной стали, и подснежник, распутившийся на пригорке, и доменные печи, и самолеты, и даже тихое деревенское кладбище...

«Смена», 1969 г., № 2

Василий ШУКШИН

Те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины (понятно, что я имею в виду так называемую «малую родину»),— а таких много,— невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть. С годами грусть слабеет, но совсем не проходит.

Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу.

Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда? Когда? Ведь не похоже по жизни-то... Отчего же? Может, потому, что она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет со мной вместе. Видно, так. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будь ты счастлива, и я буду счастлива.

«Смена», 1974 г., № 2

Виктор АСТАФЬЕВ

...Течет речка, подмывает берега, спрямляет излучины, роняет кусты и деревья, опрядывает и ворочает камни, падает с них, журчит и наговаривает в перекатах и шиверах. Как бы ее ни мучили, ни мучили, ни разбирали на поливку личных огородов и на обливание тел в знойные дни, сколько бы из нее ни пили, сколько бы ни

вытаптывали, она справляет свою работу и за ночь успеваешь растащить весь мусор, растереть грязь, унести муть и к утру высветляется до дна, течет и будет течь речка, пока живы родники, ее питающие, а они там где-то, в сумеречных оврагах, в распадах и росохах, недоступные пока, слава богу, праздно шатающимся, жрущим и орущим существам. Они тихи, те роднички, их голос слышен только привычному уху, но их освежающие струи пронзают темь и, сливаясь воедино, на свет вырываются живой, бурной, сияющей речкой.

Течет речка. Жизнь продолжается. Продолжаются мысль и добрые дела людей, творящих и творивших добро во имя этой самой жизни. И в перекатом речном говорке мне слышится чуть картавенький, всегда веселый говор радателя всего живого, заботника и работника родной литературы, хорошего человека, которых еще не устала рожать российская земля.

«Смена», 1979 г., № 6

Рустем КУТУЙ

Я ухожу в луга, как пропадаю. Там пасется на одном месте белая лошадь в низине за лозняком. Мне кажется, она слабо видит, и оттого ее оставляют на отшибе без присмотра. Куда уйдет постаревшая? И ноги ей не путают. Кружит, кружит по низине, а то голову вскинет и глядит прямо на солнце. Хлеб с руки не жадно берет, роebet, не суетится дыханием. В глазах ее синий дым плавает.

И у меня всякий раз сжимается сердце, когда я представляю ее с жеребенком.

Скоро постоянная вода придет на травы, лугов попросту не станет. Ни озер, ни ромашек больше-головых, ни белой лошади. Как и не было. Зальет с головой. И никогда больше не будет. Приснилось точно. Через сто лет луга всплывут, может, но я-то исчезну с земли. Это меня беспокоит немножко— никогда не повторится жизнью, но не настолько, чтобы загоревать. Не повторюсь, и ладно. Скучны повторения. В другом виде, пожалуй, хотя белой лошадию. Кто знает, чего у нее там, в голове, какая душа, какое воспоминание? Может, она уже была на земле, а кем— не помнит. Ведь и лошадь за мной следит, слышит меня, забывает мы как-то об этом, и что же вспыхивает в ее мозгу, за лобной костью укрывается? Печаль?

Я взял и выписал в тетрадь слова о бессмертье. Нищие слова с чужого учебного листа, а спросить чьи, постеснялся. Но они не могут быть ничьи, кто-то же сложил их:

*И ты когда-то будешь снова,
и я виденьем повторюсь—
когда глазами, несурово
взгляну на прежний наш союз.
Ничто души моей не ранит,
трава копыто обовьет...
Когда б сегодня знать заране,
что отразит лицо твое?*

Я так ни за что не скажу. У меня еще жизнь не собралась для высоких слов. А если попробовать...

Нет, не скопилось еще моя жизнь, не скопилось. Вот как надо:

*...Когда б сегодня знать заране,
что отразит лицо твое?*

С ума сойти, как мыслит человек через века.

«Смена», 1981 г., № 16

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Главное требование жизни вообще— сама жизнь. То есть мир, а не война, не уничтожение рода человеческого и прекраснейшей его колыбели— нашей Земли. Это, например, каждому человеку понятно. Должно быть понятно нормальному человеку.

Счастливы же человек, умеющий сострадать всему миру. Человек, который видит, что он при настоящем деле и что-то в этом деле значит.

А значит, есть и его доля в общей копилке наших национальных ценностей.

Требование времени. Сегодня оно выражено в простых и чеканных словах, сказанных партией.

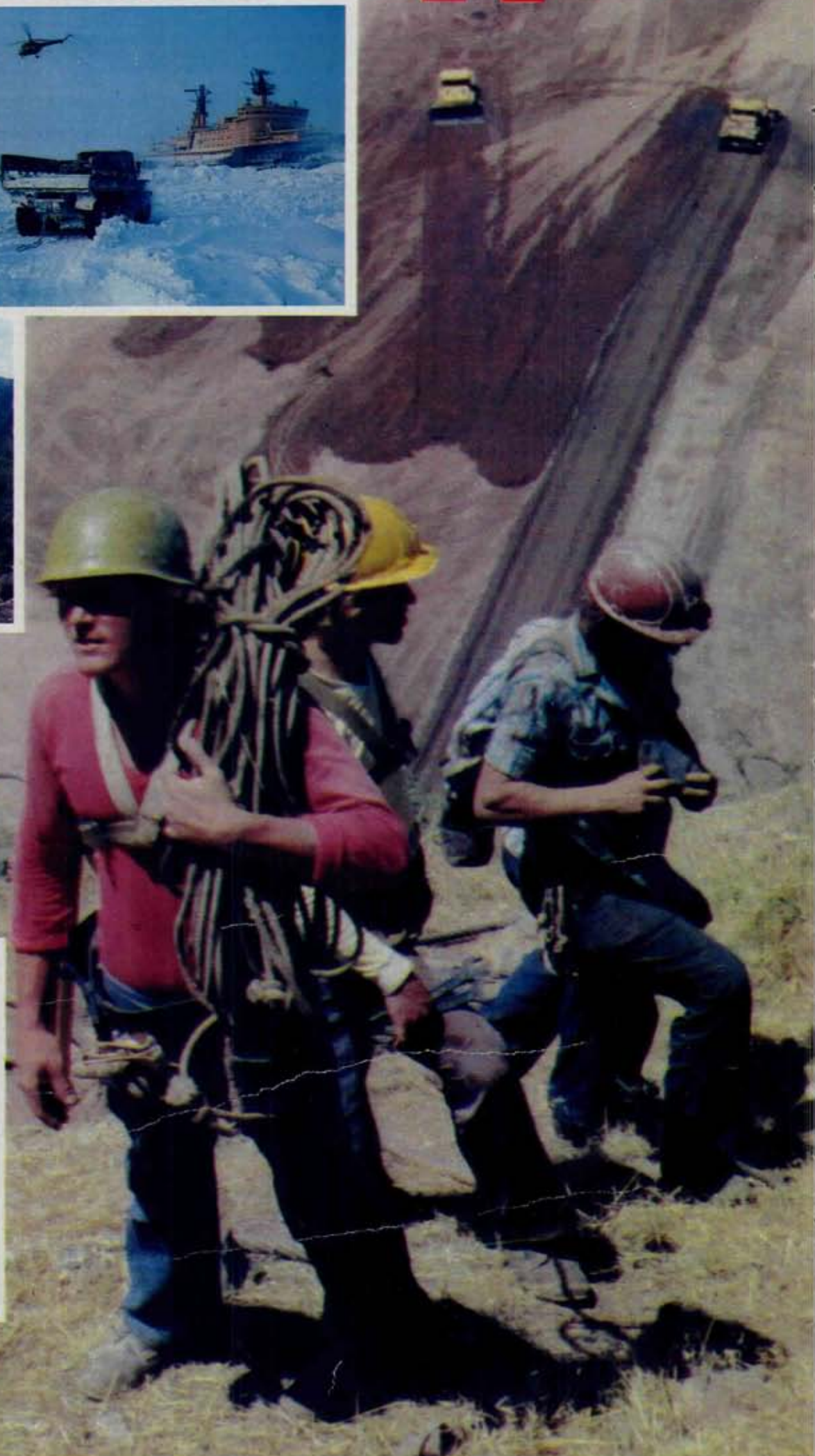
Если мы хотим хорошо жить, мы должны отлично работать.

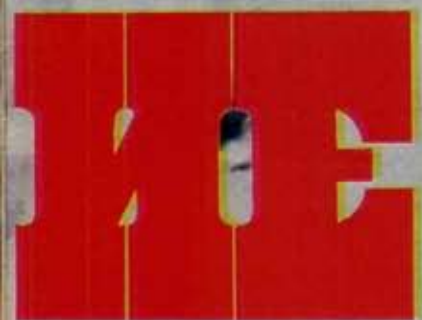
Если мы хотим мира— а все мы хотим его страстно,— мы опять же должны добросовестно и строго исполнять свои обязанности на своих местах.

В этом путь к процветанию нашей Родины, в этом путь к счастливой и достойной жизни каждого советского человека.

«Смена», 1983 г., № 11

СОЗДАНИЕ

Беспокойные меридианы Сибири... Сюда настойчиво и неизменно влечет тех, для кого слова «трудно» и «интересно» — синонимы; тех, кто готов начинать с первой палатки, с первого колышка, вбитого в промерзшую землю, тех, кто хотел бы «на память людям города дарить» — помните строчку популярной песни?

Стало уже традицией: съезды комсомола отправляют ударные отряды на крупнейшие стройки страны. Чаще всего их адрес — Сибирь. Стране необходимы богатства этого удивительного края, в первую очередь нефть, газ. И становятся тайга и тундра новым домом для первопроходцев-комсомольцев. Проходит немного времени, и начинают называть себя сибиряками буровой мастер из Азербайджана, учительница из Москвы, каменщик из Эстонии, штукатур из Киева.

Здесь, вдали от обжитых мест, вдали от автомобильных магистралей и железнодорожных трасс, на вес золота каждая доска, каждый гвоздь, каждый кирпич. Слишком дорого это стоит — доставлять сюда все необходимое самолетами, вертолетами. И, вероятно, поэтому здесь особенно остро и точно воспринимают себя люди в качестве хозяев. Ответственных за все, что происходит. И поэтому неизмеримо возрастает значимость сибирского эксперимента для всей нашей экономики, более того, для всей жизни страны.

И еще одно, очень важное... В дальних поселках и городах люди не просто знают друг друга — они еще и очень по-доброму относятся к делам и заботам друг друга, они всегда готовы друг другу помочь. Это чувство здесь весомее, чем где-либо.

И не является ли преобразование края преобразованием человека или, если быть точным, раскрытием высших качеств и достоинств человека, о которых нередко забываем мы в суете беспокойных будней?..

СЛОВО О СОЗДАТЕЛЯХ

ВОЛХОВСТРОЙ

Весь Волховстрой перед нами во всей своей мощности и грандиозности сооружений. Берег, на котором мы стоим, круто обрывается и представляет собой отвесную стену. Напротив возвышается другая стена (из бетона). Обе эти стены и образуют шлюзовую канал, который будет пропускать суда. Сейчас на дне канала проложена железнодорожная ветка и ведутся работы.

Здесь совсем недавно производились подрывные работы: внизу кучи щебня и ряд платформ для его погрузки и вывоза.

Здание гидростанции все в лесах. Всюду бревна, доски, тачки для подвоза цемента, бочки, стальные рельсы, щебень. Несмотря на праздник, кое-где наверху стучат молотки, снуют отдельные фигурки рабочих.

Мы на дне канала. Еще при спуске в канал слышен треск работающего аэропланного мотора. Это бурят пневматическими бурами бетонное дно шлюзового канала. Каждые тридцать секунд бурильщик просверливает дыру с отверстием с пятикопеечную монету. Дыры бурятся по намеченным линиям, и, когда пройден весь участок, закладывается пироксилиновая или динамитная шашка, намеченный участок взлетает на воздух, и после очистки от щебня на дне канала получается новый узкий, длинный и неглубокий канал.

По служебному мосту проходим на плотину. С грохотом прорывается здесь Волхов между бетонных громад, преградивших ему дорогу. Вода, по ту сторону плотины безмятежно зеленовато-голубая, здесь клохочет водопадами, крутит водоворотами и разлетается тысячами мутно-желтоватых брызг и всплесков...

«Смена», 1925 г., № 14

МАГНИТКА

Недавно с Магнитостроя сообщили по телеграфу: «Плотина готова. Забетонировано сто арок раньше срока. Правый берег вышел победителем. Встречный план выполнен на сто процентов».

На Магнитострое развернулись бои за образцовое выполнение большевистских темпов.

...Среди инженеров — большинство молодых. Как иначе? Завод-гигант строится молодежной страной.

...Молодой инженер Герасимов бросает взгляд на часы. Время летит, как много еще надо сделать! Черт бы побрал этот прорыв! Щебень опаздывает. Не хватает землекопов. Надо выправиться, надо вырывать зубами все, что мешает.

Где взять чернорабочих, землекопов? От этой мысли Герасимову становится холодно.

Два часа ночи. Как незаметно ночь переходит в утро!

Утро встречает Герасимова, овладевшего планом. Не сломать ли завтра план новые обстоятельства? Как будет со щебнем?

По площадке земли, спланированной заново, среди лесов идет он — Герасимов, и еще тысячи в брезентовых куртках — эти пионеры новых индустриальных путей, зачинатели новой культуры труда...

Строительство металлургического гиганта идет небывальскими темпами. Закончены стройкой фундаменты двух домен. Быстро строится электростанция, которая будет самой мощной в СССР. На месте,

где год назад ничего не было, вырастает огромный, величайший в мире металлический гигант. Все это достигается путем социосоревнования, ударничества, в которых принимает участие большинство рабочих и инженеров.

«Смена», 1930 г., № 29—35

КУЗНЕЦКСТРОЙ

Рыли котлован комсомольского литейного цеха. В сорокаградусный мороз работа не останавливалась ни на минуту.

Лопаты и кирки били по мерзлой земле, как по чугуну. Шапки, ушанки, папахи дымились густым паром. Хлопали рукавицами, подпрыгивали, чтобы согреться, и снова — дружным фонтаном взлетали комья мерзлой земли.

— Ну и холод собачий в этой Сибири! — раздавались то и дело молодые, упругие на морозе голоса.

— Ничего, живы будем. Знай работай, грейся! Вася Липатов с удивлением заметил, что эти слова принадлежали худощавой девушке, ровно и крепко ударявшей ломом.

После работы Вася наскоро пообедал в столовой и вышел вместе с Валей. Она работала здесь с самой закладки.

— Расскажи мне про ваш гигант, — сказал Вася, — знаешь, он до того забрал меня, Кузнецкстрой, за живое, что и про Москву забыл и писем ребятам не пишу...

Валя оглянула привычную панораму строительства.

— Вот, гляди, налево — коксовый цех. Там уголь будут перерабатывать в кокс. Он идет в пищу домнам. Ну, а домны дадут чугун... Постой, чуть не забыла! Я тебе хотела показать интересный цех, он — за мартеном, у каменного карьера строится. Этот цех будет выпускать огнеупорный кирпич для коксовых батарей и внутренней кладки домны.

— А что в нем интересного, в этом кирпиче?

— Да ты пойми, — заволновалась Валя, — мы сейчас ввозим этот кирпич из-за границы, каждая штука — полтора рубля золотой валютой. А сколько таких кирпичей надо?..

Шла кладка огнеупорного кирпича на коксовых батареях. Ребята липатовской бригады гнали. Сегодня стояла задача — сравняться с лучшими огнеупорщиками бригады Ванека. Васе Липатову очень хотелось догнать своего учителя, а в душе он таил дерзкую мысль — перекрыть и этот мировой рекорд. Он всюду поспевал с часами и чертежами в руках, подбодряя ребят шутками, советом, дружеской нахлобучкой.

Прогудел гудок.

— Ребята! Сравнялись! — всей грудью крикнул Липатов, подняв вверх бумажку с подсчетом. Валя издали замахала приветственно лопаткой. Бригадники сгрудились возле Васи и перекликались взволнованными голосами.

На лицах — сдерживаемые улыбки гордости. Как и рассчитывали, день кончился полной победой — рекорд бригады Ванека был достигнут. Сам Ванек приходил, глядел работу, поздравлял смущенного Васю Липатова.

Вася смотрел по всем углам и всюду встречал в глазах бригадников:

— Не беспокойся, не подкачаем!

«Смена», 1932 г., № 1

ДНЕПРОГЭС

...Из-за перемычки левого берега оказались первые пятнадцать бычков плотины. 11 сентября 1929 года на правом берегу вспыхнула электрическая звезда — свидетель победы социалистического соревнования, свидетель перевыполнения

плана бетонной кладки. Этот месяц был рекордным. На обоих берегах уложили 57 тысяч кубометров бетона, обогнав самый высокий американский показатель. Отсюда началась слава днепровских темпов. Рабочие-строители под руководством партийной организации выработали встречный план: пустить первые пять агрегатов 1 мая 1932 года, за 8 месяцев до правительственного срока.

А 22 января 1930 года, после разборки перемычки левого берега, весь мир облетела телеграмма о том, что Днепр повернул влево. Подошел самый трудный, решающий год наступления на средний проток.

...Вместо 1 сентября котлован был сдан 20 августа. Тогда началась массовая бетонировка, перед которой побледили прошлогодние рекорды. Звезды на обоих берегах горели не угасая. И новую победу, неслыханную в истории мировой техники, одержали большевики Днепростроя могучим методом социалистического соревнования. Встречный план в 500 тысяч кубометров бетона был перевыполнен на 18 тысяч.

Бетонная дуга стянула горло Днепра. Через гребень плотины с высоты тринадцати метров низвергаются сорок восемь шумных водопадов. 28 марта 1932 года в 5 часов 20 минут вечера четыре лучших комсомольских бригады — Ткаченко, Ильгова, Макаренко и Романько уложили последние кубометры бетона в пролетах между быками плотины. Это был последний бой со стихией. Зубья быков впились в русло Днепра. Вода поднималась метр за метром. И Днепр перед плотинной развилкой широко озером до самого Днепрпетровска.

«Смена», 1932 г., № 8

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

Валентина Хетагурова, инициатор призыва девушек на Дальний Восток:

Я родилась в семье рабочего Балтийского завода в Ленинграде. Наверное, мое появление на свет не принесло большой радости семье: ждали сына, а родилась дочь, третья по счету. Долгожданный сын родился через год, а через три умер отец.

Нас осталось четверо у матери. Старшей сестре едва минуло девять лет. Почти круглые сутки в нашей комнате стучала швейная машинка: ночи напролет мать не смыкала глаз, зарабатывая на хлеб своим малышам. Но, конечно, если бы не революция, мать не смогла бы прокормить нас. Я уже не говорю о воспитании и учебе. Ну кем бы могли стать дочери простого рабочего и портнихи? Прачками, судомойками, поденщицами на фабрике. В лучшем случае, переняли бы ремесло матери и стали белошвейками.

Революция дала нам возможность учиться, открыла перед нами двери школы, вуза. Так что все мы «вышли в люди», устроены, довольны судьбой, счастливы.

Я нисколько не жалею, что прервала учебу и поехала с путевкой ЦК комсомола на Дальний Восток. Пять лет, прожитых здесь, на границе, в обстановке полувоенной, явились для меня замечательным университетом. Я благодарю комсомол за эту путевку. Вот и выходит, что революция не только дала мне все, о чем я говорила, — она создала меня, как и тысячи моих подруг по комсомолу... Я мечтаю о том, что вслед за первой партией в пять тысяч человек (вот сколько девушек уже приехало к нам!) приедут еще много тысяч, что все они хорошо устроятся здесь, будут по-стахановски работать, найдут друзей и подруг и полюбят наш Дальний Восток так же горячо и страстно, как его любим мы, «старые» дальневосточники.

«Смена», 1937 г., № 9—10

УЧ-КУРГАНСКИЙ КАНАЛ

Несколько лет назад из кишлака Грум-Сара ушло пятьсот семей. Они запирали двери домов и, затыкая еще не остывшие трубы, говорили:

— Мы вернемся, когда будет вода.

Никто не останавливал их. Хлопок на полях не доходил до колен, в сухих арыках лежали дохлые лягушки.

А рядом проносился многоводный Нарын. «Повернуть бы его в поля», — думали в колхозах.

Решили строить большой канал, канал для всех. Этот канал должен был значительно изменить географию страны, дать воду двадцати четырем районам. От Уч-Кургана канал должен был пойти до Канибадама — двести семьдесят километров.

В Узбекистане никогда таких каналов не строили.

Колхозники стали собираться в путь. Они везли с собой кирки и лопаты, продукты, рублики, постели — все, что нужно для жизни и работы.

Будущих строителей выбирали на колхозных собраниях. Посылали лучших хлопкоробов, самых сильных и смелых людей.

На канал вышло сто шестьдесят тысяч. Это было невиданное строительство.

На главных участках поехали четыре тысячи комсомольцев. Их встретили выжженная степь, пыль и жестокое солнце.

В степь от Нарына уходила тропа, утыканная камешками. Эту тропу прошли геологи. В разных местах они вырыли глубокие колодцы и увидели, что под слоем пыли лежат огромные пласты конгломерата. Галька за тысячелетия слежалась и стала крепче бетона.

— Здесь нужны особые люди, — сказали геологи.

Поэтому сюда приехали комсомольцы.

Когда наступал рассвет — трубили побудку.

Под вечер люди возвращались в почерневших губах, с красными от зноя глазами.

Глубина канала доходила уже до пятнадцати метров. Откосы канала были круты, и подъем был очень высок.

...Двадцать третьего сентября был пробный пуск воды. Мутная вода Нарына хлынула в ноевое русло. По пути она поднимала легкую пыль, смывая сор со дна канала.

Это была великая народная стройка.

«Смена», 1939 г., № 12

ЦЕЛИНА

...Только тот, кто видел кустайские степи в ту первую штурмовую весну, когда лишь начиналось великое наступление на целину, сможет представить такую навсего покинула эти раздольные степи. Выросли десятки совхозов, пролегали широкие дороги, по которым днем и ночью бесконечным потоком идут машины, комбайны, вагоны, кухни... И кругом шумит могучее море хлебов...

В этом великом наступлении приняли участие и три подруги: Алесья, Марийка и Вера. Окончив школу механизаторов, они приехали в совхоз и стали работать в бригаде имени XVIII съезда комсомола Белоруссии. Алесья получила комбайн, Вера — трактор. Марийке предлагали стать комбайнером, но она не захотела разлучаться с подругами и работала у Алеси штурвалом.

За несколько дней перед началом косовицы в бригаде состоялось собрание, на котором механизаторы брали обязательства.

Когда Марийка заявила, что они обещают убрать 600 гектаров пшеницы, что они опытные механизаторы покачали головами.

— Не лишку ли вы хватили? Смотрите, девушки, как бы не опростоволоситься...

Но девушки выполнили свое обязательство. И днем и ночью, покачиваясь, как на волнах, шел и шел их комбайн по бескрайним разливам хлебов. Нескончаемым потоком бежало в бункер золотое зерно. Когда усталость становилась невыносимой, подруги подменяли друг друга и по очереди час-другой отдыхали, зарывшись в копы душистой соломы.

Да, нелегко далась девушка победа!

...За героический труд при освоении целинных земель Указом Президиума Верховного Совета СССР Алесья Ясенчук была награждена орденом Ленина, Марийка Савицкая — орденом Красного Знамени, Вера Поддубная — орденом «Знак Почета».

«Смена», 1957 г., № 13

БРАТСК

Борис Гайнулин, знатный строитель Братской ГЭС, кавалер «Почетного знака ВЛКСМ»:

Не стяжатели, не искатели приключений поехали в необжитые места, а люди с горячими сердцами, для которых смысл жизни — отдать свои силы людям, быть там, куда позовут их партия и комсомол. Нам было трудно, как всегда бывает первооткрывателям. Были сумасшедшие морозы, и не было жилья, были гнус и тайга, и не было того, что составляет понятие «человеческие условия», но были воля, стойкость и желание победить. И мы победили.

Пuls страны четче всего прослушивается там, где проходят новые стройки, где закладываются новые города. Здесь проявляются героизм молодежи, ее самоотверженность и готовность отдать все свои силы нашей любимой Родине.

Был комсомольский, есть Братск и Дивногорск. Будут новые города, новые победы. Во имя этих побед стоит и нужно жить.

«Смена», 1969 г., № 20

БАМ

...Курили в теплом зимовье коротко, наспех, не пили, как обычно перед работой, горячего липового чая, а сразу пошли к трубе, где уже рокотал бульдозер, смахивая на сторону груды мерзлой земли.

— Гони двойку! — крикнул Казаков Володе Волкову, работавшему на кране. Тот кивнул, повел стрелу к тысячекилограммовым бетонным блокам, зацепил один из них и без раскочки, плавно подал вниз — к Андрею Доскачу. Доскач ударил лезвием лопаты по замерзшей к блоку земле раз, другой, толкнул блок от себя: «Готово». Внизу заканчивали стелить раствор Казаков и Умаров. Доскач развернул блок в нужную сторону, спрыгнул на ступень ниже и перехватил его за основание.

«Клади», — махнул рукавицей Казаков и отступил на шаг от цементного настила. Блок с первого раза точно попал на приготовленное ему место. «Есть!» — Казаков сбросил рукавицу, высвободил один палец вверх, что означало: «Давай единицу». Волков понял, повел стрелу вправо, где лежали блоки нужного размера. Туда же рванулся Доскач. И, подцепив к стреле груз, стоял наверху, довольно улыбаясь и смахивая сосульки с бороды.

Андрюша Доскач, в шестнадцать лет сбжавший из дома на комсомольскую стройку, командир отделения воздушно-десантных войск, ныне монтажник и лесоруб, плотник и бетонщик, не умеющий не выявляться до конца, что бы он ни делал. Появившись в бригаде, он написал на брезенте палатки: «Проснись и пой». Вставал в пять тридцать, носился по просеке — «ставил дыхание на целый день». Потом этого дыхания с лихвой хватало на то, чтобы десять часов рубить штыковой лопатой землю, топтать шесть километров до Таюры и ловить хариуса, шарить по тайге в поисках травы, чтобы вылечить Колю Кузьмича от зубной боли, мастерить игрушки сыну Денису, острить и засыпать последним.

На работе о работе не говорили. Все и без того знали, что надо делать, когда и кому. Распределение обязанностей отлажено долгим совместным трудом на десятках пикетов, где бывали трубы и «погорячей» этой. Взять тот же 519-й пикет. Почти стометровая труба большого диаметра должна была быть готова через двадцать дней — иначе остановится отсыпка. По стандарту нормативам на ту трубу отводилось не меньше полутора месяцев, принимая в расчет численный состав бригады. Грунт шел тяжелей, изматывающий душу грязь, октябрьская мокреть, скальвающий душу «сырец». Вот когда бригада в полной мере показала, на что она способна. В непросяхающей одежде, с рассвета до девяти вечера, по колено в грязь казаковцы монтировали главную трубу дороги, показывая пример организованности, мужества, рабочей мудрости. Вот когда проходили «ходовые» испытания таланты каждого и его моральная стойкость. Именно моральная, потому что пусть даже морально давала на 519-й все, что было даже своевременно — без глубокого внутреннего осознания важности того, что они делали, выдерживать те физические нагрузки, которых от них требовали объективно, было невозможно.

Трубу на 519-м бригада сделала за семнадцать дней. Выходных не было.

«Смена», 1976 г., № 4

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Среди других комсомольскихстроек и нынешних и прежних лет Нечерноземье — стройка необычная. Без дальних дорог, без необходимости осва-

ивать неведомые доселе места и преодолевать связанные со всем этим трудности. Край эти давно и прочно обжиты. Корни жизни здесь уходят в глубокую древность, в самое начало России, к ее истокам...

То, что сейчас переживает Нечерноземье, по самому большому счету грандиозно — и по замыслу и по размаху. Недаром развернувшийся здесь процесс преобразования ставит в один ряд с подъемом целины и освоением Сибири.

Что и говорить, Нечерноземье — край извечно далекого земледелия. Однако в свое время дальновидный ученый, академик Д. Н. Прянишников писал: «Чтобы быть застрахованным от тяжелых последствий засухи, необходимо создать лишь миллион пудов зерна в полосе, не знающей засухи, то есть в Нечерноземной полосе». И опыт, уже многолетний, лучших наших хозяйств, например, колхоза «Родина» Вологодской области, убеждает: дело это совершенно реальное. Нужно только вложить в нелегкую эту землю необходимое количество сил и средств — и она отзовется.

Успешность выполнения этой огромной программы в решающей мере определяется мелиоративным и сельским строительством. Это передовые рубежи второй целины, и именно над ними взяла шефство комсомол.

Многое переменилось нынче в нечерноземном селе. А главное — проходит, забывается то извечное чувство бессильной зависимости от капризов природы. А ведь она и сейчас не балует... а работа идет своим чередом. Хорошо показывает себя в ней молодежь. Трудности они принимают как вызов и отвечают на него достойно. Сам факт прибытия ударных комсомольских отрядов на эту землю оказывает большое влияние на молодежь, помогает ей понять, открыться для себя, что достойное дело, громадной важности и сложности, ждет их не за семью морями, а на родной земле. Наверное, это только так и бывает: вдруг почувствуешь ясно внутри себя, что огромное, трудное дело страны — это и твоё глубоко личное дело. Оно очень высокое, это чувство. Его нежелать — значит очень высоко, только чувствую... И пережить уже не может не сказаться на будущей жизни.

«Смена», 1979 г., № 10

НОВЫЙ УРЕНГОЙ

Емкая, прекрасная, сложная категория — ударный комсомольский отряд наших дней. Нынешние ударные отряды как бы впитали все лучшее, что завоевано до них. Но нынешние — совсем другие. Нет проблем с сапогами, на съезд пришли ребята в аккратных форменках; в них, с эмблемами отряда, работают и сейчас. Техника? В Уренгое мы видели мощные оранжевые «Магirusy» — самосвалы, способные перевезти огромные грузы. Для нынешних отрядов проблемы техники, еды, места отходят как бы на второй план, уступая место проблемам истинно значительным — профессионализму, организации труда, качеству работы, целесообразности тех или иных решений.

Духовная жизнь в таких отдаленных, а порой просто отрезанных — в непогоду — местах особенно важна. Библиотека «Смены» в Уренгое — детище сотен и сотен людей со всей нашей страны. В день открытия библиотеки был подписан договор о творческом содружестве журнала «Смена» и организаций, работающих на обустройство крупнейшего в мире Уренгойского газоконденсатного месторождения.

«Смена», 1979 г., № 13

НИЖНЕКАМСК

Что такое человеческий возраст в пятнадцать или двадцать лет? Это пора подростковой, порою юности. Для города это младческие годы. Правда, в соответствии с нынешними темпами они успевают даже за этот короткий срок здорово выплываться и в современную акселерацию, броская внешняя примета, от которой до внутренней зрелости, времени духовного возмужания еще жить да жить.

Нижнекамску от рождения двадцать лет. В разряде городов он числится пятнадцатилетним. Путь от первого камушка до звания города он проскочил, как видим, всего за пять лет. Темпы, что и говорить, стремительные. За ними труд и воля людей. Пятнадцатилетний город стал поставщиком не только различных видов каучука, полимеров, автомобильных шин, но и идей. А это продукт зрелого организма.

«Смена», 1981 г., № 18

«Смена», год 1924-й...

Лозунг на обложке: «Война — войне!» Слова Карла Либкнехта...

И — статья «Война будущего». В ней есть такие строки:

«Недавно окончилась мировая бойня, еще не изжиты страдания и разрушения, нанесенные ею, а над миром уже нависает угроза новой, более кровопролитной, ужасной бойни. Так будет всегда, пока существует капиталистический строй, пока фактически миром правит кучка жадных, захлебнувшихся в золоте палачей».

Через пятнадцать лет начнется вторая мировая война.

Сколько бы лет ни прошло, а разве забудешь его — май сорок пятого, первый месяц мирного времени. Поклон и благодарность тому поколению, которое спасло мир от катастрофы фашизма, отстаило право людей быть людьми. Поклон и благодарность — живым и мертвым.

Считают, что трое из четырех человек, живущих сегодня на планете Земля, родились после сорок пятого. Те, кто сегодня носит солдатскую шинель Советской Армии, знают о войне лишь по книгам и фильмам да по рассказам старших. Но твердо помнят ее уроки. Слишком горькими были они для нашего народа.

Трудно выиграть мир в годы войны. Трудно отстаить мир в годы мира. С ленинского Декрета о мире начала свой путь Советская страна, но строить социализм приходилось с винтовкой в руках. Устояли. Победили.

И пусть знают претенденты на мировое господство: страна, которая во все времена провозглашала «Война — войне!», умела и умеет постоять за себя.

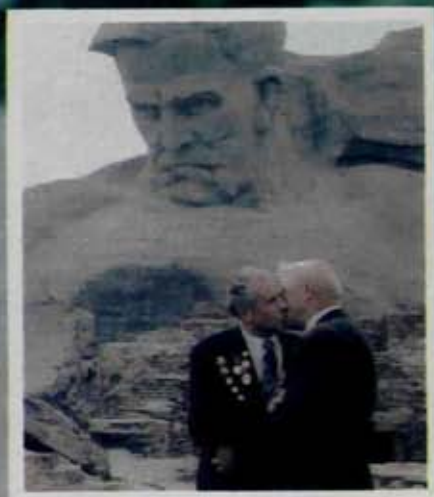
Это доказали прошлые поколения.

К этому готово нынешнее.

Готово.

ПОДВИГ

СЛОВО О ПОДВИГАХ

ЧЕЛЮСКИНЦЕВ СПАСАЕТ ВСЯ СТРАНА

В 130 километрах от Чукотского побережья, на 68-м градусе северной широты, на плавучей льдине, раскинулся лагерь Шмидта. Участники экспедиции жили в деревянных бараках и фанерных палатках, построенных из материалов, всплывших после гибели «Челюскина». Со всех концов Советского Союза к лагерю Шмидта, по распоряжению правительственной комиссии, были направлены экспедиции для спасения челюскинцев.

Из Петропавловска вышел пароход «Сталинград» с двумя легкими самолетами. Из Владивостока — пароход «Смоленск» с пятью самолетами «Р-5». Из Хабаровска были направлены три самолета под управлением пилотов Водопьянова, Доронина и Гальшева.

В качестве резерва на север отправили два советских дирижабля и мощный ледокол «Красин».

После героического полета Ляпидевского, доставившего в Уэллен всех женщин и детей, готовились к полетам другие пилоты. Летчики Каманин, Молоков, Слепнев, Водопьянов и Доронин в течение пяти дней вывезли с дрейфующих льдин всех челюскинцев и доставили больного начальника экспедиции О. Ю. Шмидта на Аляску, в город Ном.

Советскими пилотами на советских машинах одержана блистательная победа! Мир потрясен большевистским мужеством полярников, высоким уровнем авиационной техники и замечательными качествами пилотов.

«Смена», 1934 г., № 4

БЕСПОСАДОЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК МАРИНЫ РАСКОВОЙ И ЕЕ ПОДРУГ

Капитан Еремин: «В девятом часу утра над нами загудели моторы. Самолет выбросил выпел, сообщавший о том, что Раскову следует ждать с юго-запада. Нам был передан приказ — не трогаться с места до прихода Расковой».

В этот же день перед заходом солнца Полина Осипенко заметила в двухстах метрах от самолета фигуру, медленно приближавшуюся к нам.

— Маринка идет! — крикнула она и бросилась навстречу идущей.

Да, это была Маринка! Подруги целовали ее, смеялись и плакали. Марина была очень утомлена, но бодр и мужественна. Она даже отказалась от помощи и сама добралась до самолета. Вошла внутрь, осмотрела все и лишь тогда села. Одна нога у нее была в унте, другая — босая. Десять суток эта отважная женщина провела в тайге одна. Пищей ее были полторы плитки шоколада, ягоды дикой рябины и болотная вода.

...Население Керби встретило нас тепло и радостно, как родных. Здесь, в далеком дальневосточном поселке, героический экипаж «Родины» ожидали первые приветствия, первые цветы, такие же, какими был затем усеян весь его путь на всем гигантском протяжении от Керби до самой Москвы».

«Смена», 1938 г., № 11

В СЕВАСТОПОЛЕ ГЕРОЕМ БЫЛ КАЖДЫЙ

В историю Севастополь войдет под гордым именем «Город-герой». Ибо героем был каждый севастопольец, каждый комсомолец, независимо от того, где, как и каким оружием защищал он родной город. Героями были выдавшие виды бойцы переднего края и подростки-школьники, тушившие под обстрелом вражеские «зажигалки», храбрые разведчики, проникавшие в самое логово фашистского зверя, и молодые стахановцы, ни на минуту не прекращавшие производство боеприпасов.

Комсомолка Мария Байда огнем своего автомата уничтожила пятнадцать фашистов, а потом в рукопашной схватке прикладом уложила еще четырех гитлеровцев. Марии Байда за ее подвиг присвоено звание Героя Советского Союза. У юного севастопольца пионера Мазура не было оружия: он еще слишком мал, чтобы воевать. Но и он активный участник севастопольской обороны: мальчик подбирал с поля боя раненых и вывозил их на своем ослике.

Танкист Соболев был тяжело ранен в бою. Воевать он не мог, но оставаться в стороне тоже не хотел — Соболев организовал на оборонном заводе комсомольско-молодежную смену. В дни, когда гремела, не смолкая, артиллерийская канонада, его смена выполняла производственные задания на двести — двести пятьдесят процентов.

Нет такой опасности, перед которой дрогнуло бы сердце севастопольского комсомольца! Нет такой силы, которая могла бы сломить дух молодых защитников черноморской твердыни!

«Смена», 1942 г., № 23—24

ДВА ПИСЬМА С ФРОНТА

Дорогая мамочка! Можешь меня поздравить. Наш генерал вручил мне орден Красной Звезды, который уже красуется на моей гимнастерке. Самая большая радость и награда для меня — благодарность бойцов и их гордость мною. В этих боях принимали участие девушки-снайперы. Я видела, как они сражались. Замечательно!

Рада, что у вас кое-что уродилось на огороде. Напиши, что слышно об институте. Вот вернусь с победой и возьмусь за занятия. Крепко целую тебя.

Нина

Здравствуйте, Александра Викторовна!

Хоть и тяжело, но постараюсь описать вам все подробно: ведь ваша дочь умерла на моих руках. В ночь с 25 на 26 декабря нам была поставлена задача — взять «языка». Как обычно, с нами пошла и Нина. Мне и моим товарищам надо было сделать проход в минном поле и проволочном заграждении. Я сказал Нине: «Ты не ходи, пойдут санитары». И мы отправились в путь. Я шел вторым, за мной еще шесть человек.

Когда мы подошли к немецким проволочным заграждениям, к нам подползла Нина. Этого я не ожидал, стал ее отправлять обратно, но она отказалась уйти: «Мне начсанслужбы приказал быть вместе со всеми разведчиками». В этот момент один из разведчиков подорвался на mine. Нина бросилась помогать раненому. И как раз в это время немец нас обнаружил и стал бить из пулеметов. Я крикнул Нине, чтобы она не поднималась высоко от земли, но она меня и слушать не стала, продолжая делать перевязку. И вот тут одна из вражеских пуль сразила Нину...

Мы похоронили ее на кладбище вблизи деревни Кинтово. Своими силами разведчики поставили памятник, подруги сделали венок. Не только я, все разведчики поклялись жестоко отомстить за смерть нашей подруги...

Петр Садовой

«Смена», 1944 г., № 6

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ РЕЕТ НАД РЕЙХСТАГОМ

На рассвете 30 апреля майор Соколовский связался с командным пунктом полка и кричал в телефон простуженным, но веселым голосом:

— Вижу рейхстаг! Осталось метров триста! Королевская площадь в эти часы представляла необычное зрелище. Красноармейцы, ночью проникнув на площадь, теперь залегли за разбитыми автомашинами, в немецких окопах, вырытых прямо посреди площади, за черными, обуглившимися деревьями. Бойцы вели огонь по рейхстагу. Через их головы били наши орудия, танки. Из окон военного министерства строчили пулеметы. Немцы забрасывали площадь фаустпатронами, минами.

Площадь напоминала весеннее поле, покрытое маками, так много здесь было знамен и флагов. Всем хотелось первыми водрузить знамя победы.

Бой между тем становился все ожесточеннее. Огонь никому не позволил подняться до ночи. Штурм рейхстага начался 30 апреля, в 22 часа 55 минут по московскому времени.

Из глубины парка Тиргартен лучи прожектора стали прощупывать мрачное, закоптевшее здание рейхстага. Сначала голубой луч обшарил массивные ступени входа, пробежал по стене, в которой зияли дыры от «снарядов», затем медленно стал подниматься по колонне вверх к крыше здания. И тогда все лежавшие на Королевской площади вдруг увидели на крыше рейхстага большое красное знамя. Ветер играл им. В рейхстаге по-прежнему еще держались немцы. Кто же так дерзко насмеялся над противником?

Сделали это разведчики Мелитон Кантария — столяр из города Очамчыры в Абхазии и рабочий, торфяник со Смоленщины, комсомолец Михаил Егоров. Они в сумерках пробрались в рейхстаг, поднялись по внешней лестнице на крышу, где рвали наши снаряды, водрузили там знамя и ползком через площадь вернулись обратно в батальон.

«Смена», 1945 г., № 7—8

ПОДВИГ ОГНЕННОГО ТРАКТОРИСТА ФЕДОРА ПОРСИКА

Железнодорожная магистраль Тайшет — Якурию пересекает Анггару у Падунского порога. Один из ее участков проходит по дну будущего водохранилища Братской ГЭС. Когда плотина гидроэлектростанции преградит путь Анггаре, воды реки размоют этот участок железнодорожного полотна. Но к тому времени вступит в строй новый участок линии. Он начнется у Маргудона, пройдет через плотину и соединится с нынешней железной дорогой у Витима.

Эту двухсоткилометровую трассу прокладывает молодежь. В глухой тайге уже выросли первые разъезды и полустанки: «Призыв», «Солдатово», «Падунские пороги», «Братское море».

...Однажды недалеко от Солдатово вспыхнул пожар. Ветер гнал огонь на поселок, и вскоре Солдатово оказалось в бушующем кольце. Под угрозой были дома, склад горячего.

Тогда-то и повел на огонь свой бульдозер комсомолец Федя Порсик. Широкий нож врезался в землю, и машина, захлебываясь, двинулась в бушующее пламя. Теперь вся надежда была на бульдозериста — тихого, немного застенчивого белокурого парня. Бульдозер вертелся волчком, разбрасывая искры, давил пламя гусеницами, засыпал его землей...

— Воды! — хриплым голосом кричал Федор, и струи воды обрушивались на горячую машину.

Когда миновала опасность взрыва склада горячего, Порсик повел машину к поселку — туда, где обессиленные люди шаг за шагом отступали перед грозной лавиной огня.

Бульдозер врезался в самое пламя. И вдруг на машину упали три громадные ели. Мотор взвыл, бульдозер дернулся, но не смог вырваться из

огненного треугольника. Можно было выпрыгнуть из кабины, но тогда погибнет бульдозер и огонь захлестнет поселок...

Пламя дохнуло в самое лицо. Федя скрылся в кабине. И снова взревел мотор. Бульдозер заходил взад и вперед, расталкивая могучие ели. В следующую минуту он уже подминал под себя языки бушующего пламени...

Пять суток небольшая горстка людей отбивала огненные атаки, а на шестые хлынул дождь. Люди обгнаны по улице, кричали, смеялись как дети, подставляя крупным и частым каплям ладони и лица. И только Федя Порсик не принимал участия в этом ликовании: он спал, широко раскинув черные, испачканные копотью, в ожогах руки.

«Смена», 1958 г., № 18

НА КОСМИЧЕСКОЙ ОРБИТЕ—НАШ ЮРА

Юрий Гагарин ехал на старт космического корабля. Он первым в мире должен был совершить полет в неведомое и устоявшееся, может ли человек существовать в космическом пространстве. В ту пору космос представлялся сплошной загадкой. Он страшил своими тайнами, ковачеством невесомости, опасностью смертоносных излучений, перегрузками на активном участке полета ракеты.

Все было ново, рискованно. Но при взгляде на Гагарина создавалось впечатление, будто он и не собирался в полет, а только провожал друзей и беспокоился за их душевное состояние. «Как вы себя, ребята, чувствуете?—спрашивал он и с улыбкой предлагал:—Давайте споем!»

...Очутившись в плотных слоях атмосферы, наружная теплозащитная оболочка металлического шара стала быстро накаляться. Сквозь жаропрочные шторы, прикрывавшие иллюминаторы, Гагарин увидел жуткого багрового отсвета. Его температура достигала десяти тысяч градусов.

...В 10 часов 55 минут—через 108 минут после старта, облетев вокруг земного шара в космическом пространстве, корабль «Восток» в космосе опустился на вспаханное под зябь поле. Отныне это место у деревни Смеловка, что юго-западнее города Энгельса, стало историческим.

«Смена», 1971 г., № 7

«ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПОРОХОМ ПРОПАХ...»

Иван Драченко, Герой Советского Союза, полный кавалер орденов Славы, капитан запаса: «Как-то ночью после очередного допроса всем, кто лежал в камере, сказали, что против столбняка. Мы очнулись, залитые кровью. У меня не стало правого глаза, его вырезали палачи; у моих товарищей—у кого руки, у кого ноги. Чтобы не могли мы больше летать, чтобы не могли драться против фашистов.

Каждый день в лагере расстреливали по любому поводу: за то, что подошел близко к проволоке, за то, что поднял окурок, за то, что не приветствовал гитлеровского офицера. И я поклялся расплатиться с врагами за все издевательства надо мной и моими товарищами, если вырвусь отсюда живым. Я видел цель моей жизни в расплате с врагом.

Однажды ночью нас перевозили из одного лагеря в другой. Машину с пленными охраняли три эсэсовца. Мы убили того, кто сидел в кузове, и, выскочив на ходу из кузова, добрались до ближайшего леса. Потом перешли линию фронта.

После лечения я уговорил врачей отправить меня в мою часть для дальнейшей службы. Я просто не допускал мысли, что не смогу сражаться с фашистами, что придется отсиживаться в тылу. Вместо глаза у меня был протез, и никто из товарищей по полку не догадывался о моем увечье. Так я дрался всю войну. Кто знает, может, именно пережитое в лагере сделало из меня неплохого летчика. Мстя за моих погибших товарищей и близких, за мою истерзанную Родину, я уничтожил в боях больше пятидесяти фашистских танков...»

«Смена», 1975 г., № 9

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ТКАЧИХИ ВАЛЕНТИНЫ ГОЛУБЕВОЙ

И верилось и не верилось... В жарком мареве августовского дня как по воздуху плыла навстречу

чу праздничному многолюдью, цветам, улыбкам, восторженным словам:

— Валечка-то наша... Вот это да! Высота! Да неужели это ей, ей прикалывают на грудь Золотую Звезду Героя Труда, ее твердую, черствоватую ладонь жмет первый секретарь обкома партии, и взрывается аплодисментами комбинатовский двор, будто салютом...

«Да неужели это я, я? Гэптэушная девчушка, засыпавшая с узелками в кулачке? Здесь, перед всеми—и так отмечена? Ведь их опыт взяла, от них умение, от них и сила».—мелькнуло в сбиившихся от волнения мыслях...

— А я тридцать станков смогу!—вырвалось у нее, прокатилось над двором.—Счастливые ведь и чудеса могут, а это «чудо» всем опытом подготовлено—сбудется.

И тут же, пунцовая от смущения, часто помаргивающая, выбежала обнять ее сменщица—Гаяль Волкова и так, в обнимку, обернувшись к народу, выкрикнула звонко:

— А я две пятилетки за одну обещаю! От Валентины зарядилась.

Такой это был день: он принадлежал теперь навсегда памяти Вали Голубевой, комбинатских, страны... Он не венчал какого-то конца ее усилиям, а только отдавал должное мастерству, смелости и приставоту к делу. Он поднимал ее и ставил на высоту, с которой она еще лучше видна была людям, и это отнюдь не сулило жизни легкой, поступков неоправданных, застоя или душевной лени. Она знала это слишком хорошо. Знала цену нового напряжения, ожидающего ее, но с жизнью не торговалась никогда. Она любила и принимала ее с безоглядностью цельных натур, не замечающих, как щедро они отдают, но удивляющихся ответной щедрости...

«Смена», 1978 г., № 2

ЧЕЛОВЕК НЕ ДУМАЛ О СЕБЕ

Шторм налетел сплошным шквалом, в мгновение: порт Вадо-Лигуре придавила иссиня-черная туча, с северо-запада, как на город ураганный ветер. Север танкера, как ни надежна была швартовка, заходила по волнам. Швартовые концы натянулись, как струны, загнули якорные тросы, и корма стала наваливаться на причал.

— Экипаж занять свои места! Приготовиться к отшвартовке!—Капитан Меркулов принял твердое решение: отойти от причала в открытое море.—Старшему помощнику обеспечить отшвартовку кормы!

— Есть обеспечить отшвартовку!—Александр Петрович Ушатый поправил на шее ремешок спикера—почти игрушечного транзистора, с помощью которого передавал команды, и твердым голосом приказал:

— Отдать швартовы!
И вдруг старпом увидел, как на буксирном кнехте, по которому еще мгновение назад змеисто струился нейлоновый трос, завело одну из восьмерок.

Старпом даже не задал себе вопроса: «Что делать?» Никогда было задавать вопросы. Он твердо знал: никто, кроме него, не видит беды. Оставалось одно: самому перерубить канат. Последствия он представлял: лично для него они могут быть страшные. Но раздумывать было некогда. Он широким расставил ноги и топоров, который всегда находился при кнехте, мощно ударил по нейлоновому концу...

В следующее же мгновение танкер оторвался от причала и, медленно набирая ход, устремился в открытое море...

И никто, кроме одного человека—матроса Саши Маркова, не видел, как в то же мгновение какая-то страшная, неподвластная человеку сила отбросила от буксирного кнехта старпому Ушатого. Лосил страшный дождь, с моря на палубу летели огромные волны, закипая на палубе бурлящей пеной, трудно было разглядеть и понять, что случилось, и Саша Марков просто рванулся к старпому Ушатому, который, завалившись набок, лежал у заградительных перилец в набрякшем длиннополом дождевике; глаза у старпома были открыты.

— Кажется, это конец,—твердо сказал он.
— Что?—не понял Саша. Он не сразу заметил кровь на дождевике Ушатого и, откинув полы плаща, похлодел. У старпома не было правой ноги...

Из письма генерального консула СССР в городе Генуя в Новороссийское морское пароходство: «...Находясь на излечении в госпитале Генуи, тов. Ушатый А. П. проявил незаурядную выдержку и сохранил оптимизм, не поддаваясь настроению,

связанному с возможностью последующих изменений в его жизни и работе. Более того, он постоянно подчеркивал свое твердое желание вернуться во флот.

Консульство СССР в Генуе ходатайствует об удовлетворении пожелания тов. Ушатого А. П. работать в торговом флоте...»

«Смена», 1979 г., № 3

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ НА ВЕРШИНЕ ЭВЕРЕСТА

— Внизу была пропасть, сбоку—скальная стенка без единой зацепки,—вспоминает Мысловский.—В этот момент у меня кончился кислород. Высота была около восьми тысяч метров. Задышавшись, я все же пытался пристегнуть рюкзак к веревке. Почувствовал, что теряю сознание и рискую остаться в таком положении навсегда. И тогда я отпустил рюкзак... К Володе Бальбердину пришел пустой: запасные рукавицы, «кошки», крючья и веревки улетели в пропасть...

Мы не знали, хватит ли у нас сил совершить возможное. У нас оставалось всего два с половиной баллона с кислородом. Володя сказал, что поскольку он молод и здоров, то обойдется без кислорода... В шесть часов 10 минут 4 мая мы вышли на штурм.

Взойдя на пик,—продолжает рассказ Мысловский,—мы не ощутили восторга, который предакушали внизу. Уж очень тяжелый путь нам еще предстоял...

После 22 часов непрерывной работы Мысловский и Бальбердин наконец спустились в пятый лагерь. Для Бальбердина все трудности на этом практически закончились. Для Мысловского же только начались... Спускаться с обмороженными руками по веревкам было очень больно. Эдуард, конечно, мог сказать, что не в состоянии идти сам. Но тогда альпинистам пришлось бы нести его на себе, а это было невероятно трудно. Поэтому он промолчал. До первого лагеря Мысловский спускался еще двое суток. Прошел почти 80 веревочек. На веревке—четыре крюка. У каждого надо перестегнуться, а для этого нужно дважды в ручье и сделать очередной шаг. А к этому времени у него уже лопнули волдыри на правой руке...

— Я спустился вниз,—вспоминает Мысловский,—сел на камень, не веря себе, что все позади, и ощущая какую-то необыкновенную легкость во всем теле, может быть, потому, что похудел за время восхождения на 16 километров... Ко мне подошел Сережа Бершов. «Ну что? Очень болят руки?» «Да нет,—ответил я.—Терпимо. Но... была мечта, а теперь ее нет. Поднялись на Эверест—и будто что-то потеряли».

«Смена», 1982 г., № 16

К ПОДВИГУ НАДО СТРЕМИТЬСЯ КАЖДОМУ

Иван Арсентьев, Герой Советского Союза: «На дальневосточной заставе мне рассказали про молодого пограничника, которого зовут Август. Он задержал нарушителя, и ему был предоставлен краткосрочный отпуск. В небольшом городке, там же, на Дальнем Востоке, его ждали мать и сестра. Он приехал туда, когда возисло бушевал муссонный ливень. Вода рекой разлилась по улицам. По пути к материнскому крыльцу солдат услышал зов о помощи: заливало родильный дом, роженицы, некоторые с младенцами в руках, стояли на койках в воде. Пограничник вынес женщин в безопасное место. Все женщины назвали своих малышей—и мальчиков и девочек—именем спасителя.

Я вспомнил про Августа, когда прочитал недавно, как неоднократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию Шаварш Карапетян спас пассажиров троллейбуса, сорвавшегося с высокой плотины Ереванского водохранилища. Подвиги Шаварша—да, я не оговорился, именно подвиги, ибо Шаварш совершил столичный подвиг, сколько раз нырял на глубину и возвращался со спасенным им человеком,—не могут не восхищать.

На всем, конечно, быть чемпионами, полярниками, космонавтами, но мечтать о подвиге надо каждому. Мечтать и готовить себя к нему духовно и физически. Чтобы в решающую минуту не дрогнуть.

Не растеряться.
Не отступить.
Чтобы с честью выполнить свой долг».

«Смена», 1983 г., № 9

ПОИСК

Поразительное, невероятное время. Время поиска.

Год 1924-й, первый год «Смены»...

«Научный отдел «Смены» начинает энергичную кампанию по объединению вокруг себя различных научных комсомольских кружков. Их много, они разбросаны по всему СССР, но у них нет связи друг с другом, нет единого связывающего центра, который мог бы дать им нужные указания и руководство в работе...»

И в том же номере — статья «Рабочие-изобретатели».

«Вместе с Великим Октябрем родилась у нас новая порода людей — рабочие-изобретатели. Родилась, прочно встала на ноги и теперь упорно и неуклонно растет.

И это уже не прежние фантазеры и взбалмошные искатели «вечного двигателя», а сознательные участники советского производства, болеющие душой за все его недостатки, за всю его отсталость от Западной Европы».

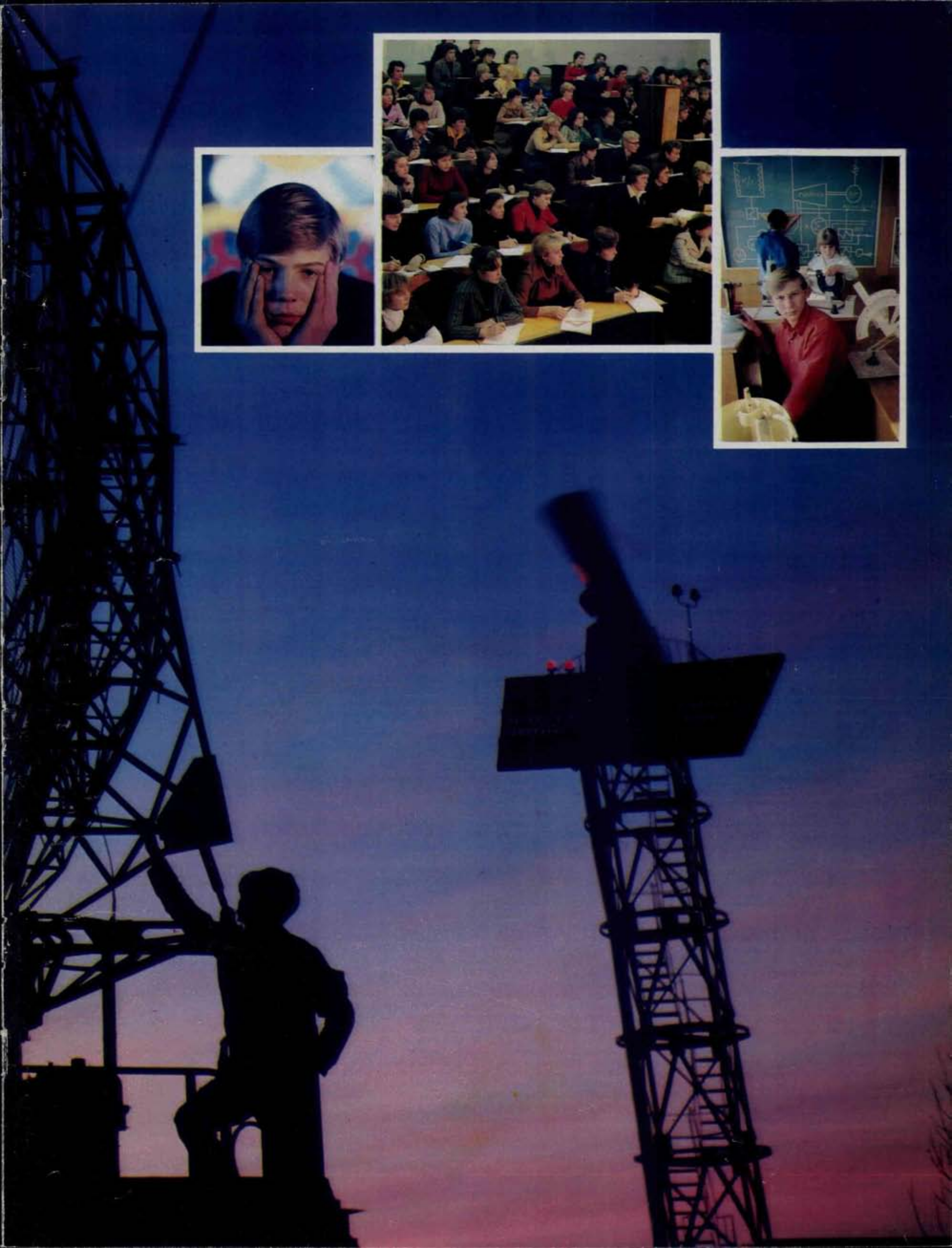
Год 1924-й...

Действительно, катастрофически отставали. Но не боялись об этом говорить, не боялись признавать эту свою тяжелую беду, рожденную суровой и путаной историей и схемой жизни дореволюционной России.

Были и прежде таланты. Были гении. Но не были они поддержаны общественными структурами, без участия которых научный подвиг нередко оборачивался человеческой трагедией. Сколько тому примеров...

Социализм превратил научное творчество в дело масс. Он открыл талантам путь к реализации самых смелых идей, он щедро, до безграничности расширил горизонты поиска и обрел великолепные плоды.

От сказочных будней Байконура до многотрудной романтики заводских КБ, от практических решений, делающих богаче и ярче нашу повседневную жизнь, до взлетов фантазии, устремленных в век будущий — во имя века настоящего...

СЛАВОВО О ДВОЙСЯКЕ

Победитель
конкурса «Смены»
1924 года на лучший
планер, Генеральный конструктор,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии, академик,

Олег Константинович АНТОНОВ

дает интервью специальному корреспонденту «Смены»
Леониду ПЛЕШАКОВУ

С Олегом Константиновичем Антоновым мы встретились в Киеве в октябре минувшего года, всего через несколько дней после показа в Москве двух новых самолетов, сконструированных в КБ, которое он возглавляет. Однако наш разговор пошел не о свежих инженерных решениях, использованных при создании самых младших из «АН», и не об отзывах специалистов о демонстрировавшихся машинах. Мы вообще говорили не о самолетах, не о рождении новой техники, а о том, как рождаются конструкторы. Олег Константинович принадлежит к тому поколению, юность которого совпала с первыми шагами советской авиации, а зрелость — с нашими победами в небе и космосе. Многие из друзей его молодости стали впоследствии известными учеными, организаторами и руководителями конструкторских бюро, где создавались потрясшие мир самолеты, ракеты, спутники.

У всего есть свое начало, свой исток. У конструкторов тоже. И всегда интересно, какими были в молодости те, кого мы знаем уже в расцвете творчества, в зените славы. Об этом и наш разговор. Но предварить его хотелось бы небольшим отступлением.

В конце 1923 года многие центральные газеты сообщили, что новый молодежный журнал «Смена», который начнет выходить с января будущего года, объявляет конкурс на лучшую конструкцию планера. Чертежи и описание летательных аппаратов предлагалось присылать председателю кружка «Парящий полет». А уже в восьмом номере и двух последующих номерах за 1924 год «Смена» опубликовала чертежи О. Антонова из города Саратова, сопроводив их большой статьей о состоянии планеризма в стране. Даже обложка восьмого номера была посвящена этой же теме: планер с именем журнала на фюзеляже и номером «46» на хвосте мчался в небесах, и кашне на шее пилота развевалось по ветру, подчеркивая небывалую скорость полета. Автором рисунка был все тот же волжанин Антонов, только вот кашне и название журнала на фюзеляже дорисовывали в редакции.

— Совершенно неожиданно для себя я занял на конкурсе первое место. Правда, мои чертежи, как я позже узнал, оказались единственными, присланными в «Парящий полет». Но, как бы там ни было, я был приглашен на вторые Всесоюзные планерные испытания, которые должны были пройти в Крыму в начале осени 1924 года. Для меня это было большой честью. Дело в том, что полетам я «заболел» с детства, с того памятного вечера, когда из Москвы к нам в гости приехал мой двоюродный брат и рассказал о сенсационном перелете через Ла-Манш Луи Блерио. Мне было тогда всего четыре года, но история эта так потрясла мое воображение, что из всех игрушек я отдавал предпочтение аэропланам. Первую модель машины Блерио мне подарила бабушка. Сначала мне было приятно ее рассматривать, а потом начал строить модели сам. К восемнадцати годам я уже знал азы строительства планеров, причем последний свой аппарат с переменным успехом пытался поднять в воздух на «Жареном Бугре» в Саратове.

Осень двадцать четвертого года для меня была знаменательна вдвойне: я поступил в Ленинградский политехнический институт учиться строить самолеты и отправился в Коктебель на состязания планеристов.

Я отправился в путь со своим товарищем Женей Броварским, человеком довольно авантюрного склада, который помогал мне строить аппарат и был совершенно незаменим, когда возникала нужда в каком-либо дефицитном материале. Я не уверен, что его снабженческие способности не вступали в противоречия с общепринятыми правилами, но приходилось мириться: все это он делал бескорыстно. Между прочим, тогда успех дела во многом зависел от энтузиазма молодого изобретателя. Все, что необходимо, покупали на свои последние гроши. А если денег не было или приобрести нужную деталь обычным путем оказывалось невозможно, шли на завод, произносили пламенную речь о развитии пролетарской авиации, просили оказать содействие. И помощь почти всегда оказывали.

Нашу поездку на слет финансировал саратовский губернский отдел Общества Друзей Воздушного Флота, замечательной организации, которая умело поддерживала начинающих конструкторов, чем немало содействовала популярности и развитию авиации.

Погрузили мы наш аппарат в товарный вагон и вместе с ним двинули в далекий Крым. От Саратова до Феодосии ехали целых тринадцать дней. И все это время шли дожди. Чтобы чуть-чуть размяться, мы выскакивали из вагона и бежали рядом с составом. Вода размочила части планера, сделанные из картона, так что, когда мы наконец прибыли на место, я еще целых три недели ремонтировал аппарат, заменял картон фанерой, клеил, красил и только потом поднялся на «гору» — на Узун-Сырт. Работы было так много, что за все время пребывания в Крыму всего один раз искупался в море — ремонт шел с утра до ночи, а когда начались полеты, было не до моря: небо забирало все свободное время.

— А сколько планеристов приехало на слет? Как вы жили? Где?

— На слете 1924 года было, насколько помню, сорок девять планеров. И только один — его привезли, если не ошибаюсь, ребята из Конотопа, и назывался он «Сыч» — не мог летать и был забракрован. Конотопцы не имели опыта, чертежей, строили его по картинкам. Увидев в Крыму работы других конструкторов, они сразу все поняли и тихо, незаметно покинули слет. Остальные же были достаточно грамотно сработанные аппараты и летали вполне успешно.

Всего тогда собралось примерно двести пятьдесят человек. Поселились мы в деревне Изюмовке, что находилась рядом с горой Караоба, между Коктебелем и Старым Крымом. Комитет слета добыл для нас железные койки, тюфяки. Вели полукочевое существование. Сдав предварительно какую-то небольшую сумму, мы получали потом в день одно сваренное вкрутую яйцо, полкило хлеба и килограмм винограда. Этого скромного питания вполне хватало, чтобы быть бодрыми, сытыми и здоровыми.

В следующий мой приезд, в 1929 году, нас поселили уже в самом Коктебеле, на даче Адриана, двухэтажном с белыми колоннами здании, которое почему-то пустовало и было предоставлено местным Советом в наше распоряжение. Оно находилось недалеко от дома поэта Максимилиана Володина. На даче Адриана мы разместились человек по 20—30 в комнате — тесновато, конечно, и шумно, но вполне терпимо.

Мы вообще умели довольствоваться малым.

— А что это были за люди? Сейчас, по прошествии стольких лет, когда мы знаем, кем стали со временем участники тех первых коктебельских слетов планеристов, их знаменитые имена «давят», не дают возможности представить молодые Сергея Ильюшина, Александра Яковлева, Сергея Королева, Юрия Победоносцева и многих других, еще не генеральными и главными конструкторами, еще не лауреатами многих премий, отмеченными высокими правительственными наградами. Какими вы были в юности? Можно было уже тогда почувствовать, кем вы станете лет через двадцать—тридцать?

— Какими мы были? — повторяет задумчиво Антонов, как бы перебирая в памяти то далекое уже время. — Обычными мы были, какими и положено в этом возрасте. Разве только более сосредоточенными, чем другие, более одержимыми своим делом. Виделись ли в нас будущие главные конструкторы? Это уж точно — нет. Тогда ведь никто даже представить не мог, каких вершин достигнет авиация, что космонавтика из области фантастики войдет в нашу повседневную жизнь. И уж, конечно, никто не помышлял о высоких постах руководителей конструкторских организаций. Потому что ни таких организаций, ни постов не было. А если бы они и были, наши претензии выглядели бы смешно и нереально. Мы были молоды. И если говорить о главной черте, которая позволила нам сделать то, что сделано, и достичь того, что достигнуто, так это целеустремленность, постоянная внутренняя потребность не останавливаться на достигнутом, а искать новое, идти вперед. Работали залпом, чтобы быстрее построить и полетать.

— Что же, все были одинаковые?

— Разумеется, нет. Мы даже возрастом значительно отличались друг от друга.

В 1924 году мне и Яковлеву было по восемнадцать с небольшим, Королеву на год меньше, Ильюшину же исполнилось уже тридцать, а Арцеулову — вовсе тридцать три года. В таком возрасте разница в двенадцать—пятнадцать лет очень заметна. Это разные поколения, за плечами которых разный жизненный опыт.

Представьте себе, что Константин Константинович Арцеулов, между прочим, внук нашего замечательного мариниста Ивана Константиновича Айвазовского, начал заниматься планеризмом еще в 1906 году, в год моего рождения. Через пять лет он успешно выдержал экзамен при Всероссийском аэроклубе и получил диплом пилота-авиатора. В годы первой мировой войны он, летчик-истребитель, совершил двести боевых вылетов, одержал восемнадцать побед в воздушных боях — больше любого другого русского пилота. В 1916 году впервые в истории русской авиации он намеренно ввел самолет в «штопор» и вывел из него. По предложению Арцеулова эта новая фигура высшего пилотажа была включена в курс обучения летчиков-истребителей, что способствовало расширению маневренных возможностей самолета в бою и уменьшению потери. После революции он работал инструктором военной авиашколы, был летчиком-испытателем, одним из организаторов кружка «Парящий полет», положившего начало школе советского планеризма. В сентябре 1923 года на первом слете в Коктебеле в небо поднялся первый планер его собственной конструкции.

В следующем году Константин Константинович был одним из руководителей нашего слета в Крыму, и его планер был признан лучшим. Сам он, правда, в тот раз не летал: незадолго перед этим потерпел аварию на аэроплане и ходил с палочкой, прихрамывая.

Человек с такой биографией был для нас, мальчишек, кумиром, а его опыт — неоценимым помощником в работе.

Незаурядной личностью был и Сергей Владимирович Ильюшин. К тому времени, когда я встретился с ним в Коктебеле, он успел послужить в царской армии. Солдат во время первой мировой войны, он дошел, по-моему, до чина фельдфебеля, потом участвовал в гражданской. Был авиамехаником, военкомом и даже начальником авиаремонтного поезда на Кавказском фронте. В 1926 году окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Но, еще будучи ее слушателем, входил в военно-научное общество, занимался конструированием, постройкой и испытанием планеров. Любил и сам летать. Правда, летал все-таки мало, так как большую часть времени отдавал разработке новых конструкций. Поэтому он был пилотом неважным. Однажды даже попал в катастрофу, сильно побился, но остался верен авиации.

Так что, как вы понимаете, у нас были и свои кумиры и свои лидеры, и, естественно, существовала определенная дистанция между асами и новичками. Правда, это не сказывалось на наших взаимоотношениях, когда речь шла о деле, о взаимопомощи. Мы жили одной дружной планерной семьей.

На слетах в Коктебеле вообще было много интересных людей. Один из них — Розанов Андрей Митрофанович, он работал в то время, по-моему, секретарем ВДВФ — Всесоюзного Общества Друзей Воздушного Флота — замечательной организации, которая во многом способствовала развитию авиаспорта и через него — становлению многих наших будущих конструкторов и замечательных летчиков. В отличие от нынешнего ДОСААФ ВДВФ помогало любителям строить собственные самолеты и планеры. Соревнования планери-

стов проводятся, конечно, и сейчас. Но кто из них участвует? Спортсмены, которые съезжаются со всей страны и состязаются на серийных, заводского производства летательных аппаратах. Тогда же все было иначе. Соревновались на самодельных планерах. Мы строили их, получая консультацию у студентов, инженеров, которые помогали нам провести необходимые расчеты, до поры непосильные нам самим. Подучившись в институтах, воздушных академиях, мы со временем стали самостоятельно находить ответы на все возникающие вопросы и решали свои задачи успешно. Был риск? Разумеется. Но существовавший при ВДВФ технический комитет подробно рассматривал все предлагаемые любителями проекты и аппараты и давал квалифицированное заключение: на этом летать можно, а на этом нельзя.

Кстати, промышленные предприятия той поры тоже с большим, чем теперь, вниманием относились к самодельному конструированию. Известный планер Ильюшина «Раб-факовец» был построен в кружке «Мостяжарт» — Московско-авиационной школы тяжелой артиллерии, кажется, так расшифровывается это сокращение. Видите, артиллерийский завод строил планеры. Так что нам шли навстречу. А энтузиазм?

— Короче, в тех ребятах с Узун-Сырта трудно было разглядеть будущих главных конструкторов?

— Невозможно. Но то, что из них вырастут неординарные люди и специалисты, чувствовалась уже тогда.

Вот Розанов, о котором я начал рассказывать, был душой, идейным руководителем нашего общества. Он помогал нам доставать необходимые материалы, деньги, нужные для строительства, оказывал вспячку и помощь. В начале войны он добровольцем ушел в ополчение и погиб где-то под Москвой.

А председателем нашего общества в начале тридцатых годов был Лев Малиновский, очень интересный человек, грамотный специалист. Он затеял постройку тяжелых самолетов с небольшими двигателями, которые должны были взлетать как планеры и в дальнейшем летать на буксире самолета, и только садиться они самостоятельно. Эта серия в честь автора даже называлась «ЛЕМ». С экономической точки зрения эта идея имела свои преимущества, однако в конце концов оказалась не самой лучшей: это направление замерло, когда появились мощные грузоподъемные самолеты.

Интересным человеком был Анатолий Александрович Сенюков, начальник школы в Коктебеле в 1929 году. В гражданскую войну он партизанил, а вступив в незнакомую для нас область, авиацию, сумел сделать очень многое для нас.

Партизаном был и Алексей Дубровин. Он конструировал планеры вместе с Михаилом Тихонравовым и Владимиром Вахмистровым: первый занимался прочностью, второй — аэродинамикой, третий — конструкцией. К 1929 году у них было несколько отличных планеров. Но позже их пути разошлись. Окончив военно-воздушную академию, Дубровин написал прекрасную книгу по прочности, которой, между прочим, пользовался и я. Тихонравов, как известно, работал в КБ Королева и стал крупным специалистом в области ракетостроения. Вахмистров остался в авиации. Ему принадлежит идея самолетов-авианосцев, или авиаматов, как их еще называют. К тяжелому самолету-носителю крепились несколько небольших легких, которые в воздухе отделялись и действовали самостоятельно, а затем возвращались на ближайший аэродром или принимались на борт носителя. В тридцатые годы Вахмистров отработал систему подвески истребителей на бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-3. Последний нес до пяти легких самолетов. В начале Великой Отечественной войны такие системы использовались в боевых действиях, но после были отвергнуты.

В Коктебеле начинал и Александр Николаевич Чесалов, будущий замечательный ученый, руководитель научно-исследовательского института, крупнейший специалист в организации авиационных испытаний.

Там же делал первые шаги и Борис Черановский, очень интересный человек, впоследствии — конструктор «летающих крыльев» «БИЧ». В 1924 году он построил «планер-параболу», который, несмотря на необычность конструкции,

летал. Одним из первых конструкторов в мире начал строить бесхвостые самолеты. Сейчас этим никого не удивишь, «бесхвосток» сконструировано много, появились даже «самолеты-утки», но в то время подобная компоновка была неожиданной и дерзкой. Правда, Борис Иванович высоко не поднялся. У него была слишком сильно развита изобретательская жилка. Он все время придумывал что-то новое, не доводил до конца, бросал, увлекался следующей идеей, потом следующей... Одна из его «бесхвосток» была так удачно сконструирована, что могла использоваться для высшего пилотажа. Промышленности заказали серию таких аппаратов. Но Борис не успел. Он снял не только горизонтальное оперение, но и вертикальное, решил, что оно лишнее... и аппарат при испытании разбился. Погиб и летчик. Заказ аннулировали, серия не пошла. Для Черановского это стало трагедией.

— Широкому читателю, который не знает достаточно глубоко историю отечественной авиации, в основном известны те конструкторы, чьи дальнейшие судьбы сложились удачно, чьи фамилии дальше шли созданием знаменитых самолетов, ракетной техники: Ильюшина, Яковлева, Королева, Антонова, Победоносцева, Тихонравова. Сотни же других фанатов «Парящего полета» как-то затерялись в текучке жизни. О некоторых мы если и вспоминаем, то как об авторах неудачных идей. Странно как-то...

— Во-первых, все не могут стать главными конструкторами. И должностей «главных» не так уж много, да и пост этот требует определенных качеств, которыми обладает далеко не всякий изобретатель новой техники. Например, организаторские способности, умение сплотить коллектив единомышленников, который может сообща решать такую сложную задачу, как конструирование нового самолета. Ведь авиация в наше время стала такой сложной отраслью, что в одиночку тут ничего не добьешься. Даже разработкой отдельных узлов самолета — не всей машины, а только ее частей — занимают группы квалифицированных специалистов. Весь самолет — результат коллективного труда большого количества людей самых разных профессий.

Так что было бы несправедливо считать «затерявшимися» тех, кто не стал во главе известных конструкторских бюро. Они тоже работают в авиации, строят самолеты, их труд — часть общего труда, и в каждой новой машине есть частица их творческой мысли.

И уж совсем неверно считать неудачниками тех, чьи конструкторские идеи оказались нежизненными.

Когда идет поиск нового, в полученных результатах отсеивается лучший. При таком естественном отборе отвергаемый результат — тоже нужный результат. Закончившийся неудачей поиск показывает, что в этом направлении искать не следует, этот путь ошибочен и бесперспективен.

Вот, например, Лучинский и Чесалов построили планер «Нижегородец», особенностью которого было то, что крыло рассчитывалось только снизу, тогда как у всех других расчалки ставились и сверху. Вообще такая идея кажется разумной: крыло несет, так что его и нужно снизу поддерживать. Но зато когда авторы попали в болтанку, крылья обломались вниз. Они остались на центроплане и фюзеляже, вошли в пикирование, еле из него вышли, при посадке подломались, немного сами пострадали, но наука пошла им на пользу.

Мой планер «Рот-Фронт-2» был в 1933 году разрушен в воздухе нарочно, чтобы понять причины флаттера, таинственного явления, в результате которого разрушались самолеты. Сергей Анохин, наш замечательный летчик-испытатель, начинавший свою карьеру там же, в Коктебеле, разогнал «Рот-Фронт-2» до критической скорости, и тот рассыпался. Через несколько лет появилась теория, объяснявшая флаттер.

Так что, если вернуться к вашему замечанию, нельзя считать неудачниками тех, кто шел искать в неудачном направлении. Авиация в своем развитии должна была пройти и через «авиапоезда», и «авианосцы», и самые невероятные конструктивные решения, чтобы выбрать для жизни самые рациональные из них.

Вспоминая те давние коктебельские времена, Олег Константинович неожиданно для меня признался:

— У меня есть скверная привычка: я не могу говорить людям «ты». Даже ровесникам, даже друзьям. Не мог этого даже в юности. Все: «вы» и «вы». А в Коктебеле тем более: считал себя таким маленьким и беспомощным, а всех остальных такими талантливыми и знающими, что сказать «ты», допустим, Королеву или Яковлеву у меня язык не поворачивался. Но это только внешняя форма взаимоотношений. Внутренне мы, конечно же, были все друзьями. И то, что когда-то в молодости мы прошли через Коктебель, осталось на всю жизнь просто воспоминанием, а — как бы это правильно выразиться — частицей нашей общей биографии, общим делом, которое нас сближало и в будущем.

— А лично для себя вы многое вынесли из тех слетов планеристов?

— Коктебель дал мне настрой на всю жизнь, я пронес его через все следующие десятилетия.

— Настрой. В чем он выражался конкретно?

— В желании творчества, в умении работать коллективом. Он был хорошей школой самостоятельного труда. К тому времени, когда я окончил институт, на моем счету было шесть планеров.

— Вы завидуете молодым? — спросил я. — В чем?

— Да, — ответил он сразу, даже нечего хорошо и давно обдуманное. — У молодых вся жизнь впереди. Многие еще могут успеть. Завидую знаниям. Сейчас молодой специалист — конечно, если он хорошо учился в вузе — знает несравненно больше, чем мы в его возрасте. Я учился в основном уже после окончания института.

— А если говорить не о знаниях, о чертах характера?

— Мне кажется, что в мое время было больше увлеченных, одержимых каким-то творческим азартом. Есть, разумеется, и теперь такие, и мы у себя их стараемся беречь, привлекать к интересной работе. Ищем их среди выпускников вузов, которые пришли к нам по распределению. Грамотные инженеры, но для многих создание самолетов — служба. Пытаемся увлечь творчеством... Если удастся — получаются хорошие специалисты, если наше дело их так и не заинтересовало — они откальваются от нас, как сухие сучки.

Разговор о техническом творчестве молодежи двадцатых годов не мог не перекинуться на наше время. Антонов, несмотря на занятость по основной и общественной работе, оказался хорошо осведомленным и в этой области. Естественно, его больше всего интересует авиаконструирование.

— Сейчас у нас в стране строят самолеты около пятисот конструкторов-любителей. Со многими я поддерживаю переписку, к некоторым езжу в гости посмотреть, как идет дела. Должен сказать, что это замечательные люди. Преданные своему увлечению и очень талантливые. Я стараюсь помогать им, чем только могу. Вечера, например, отослал в Горький одному местному конструктору прибор «Пионер» — указатель поворота. В «большой» авиации он давно уже вышел из употребления, а для самоделок сгодится.

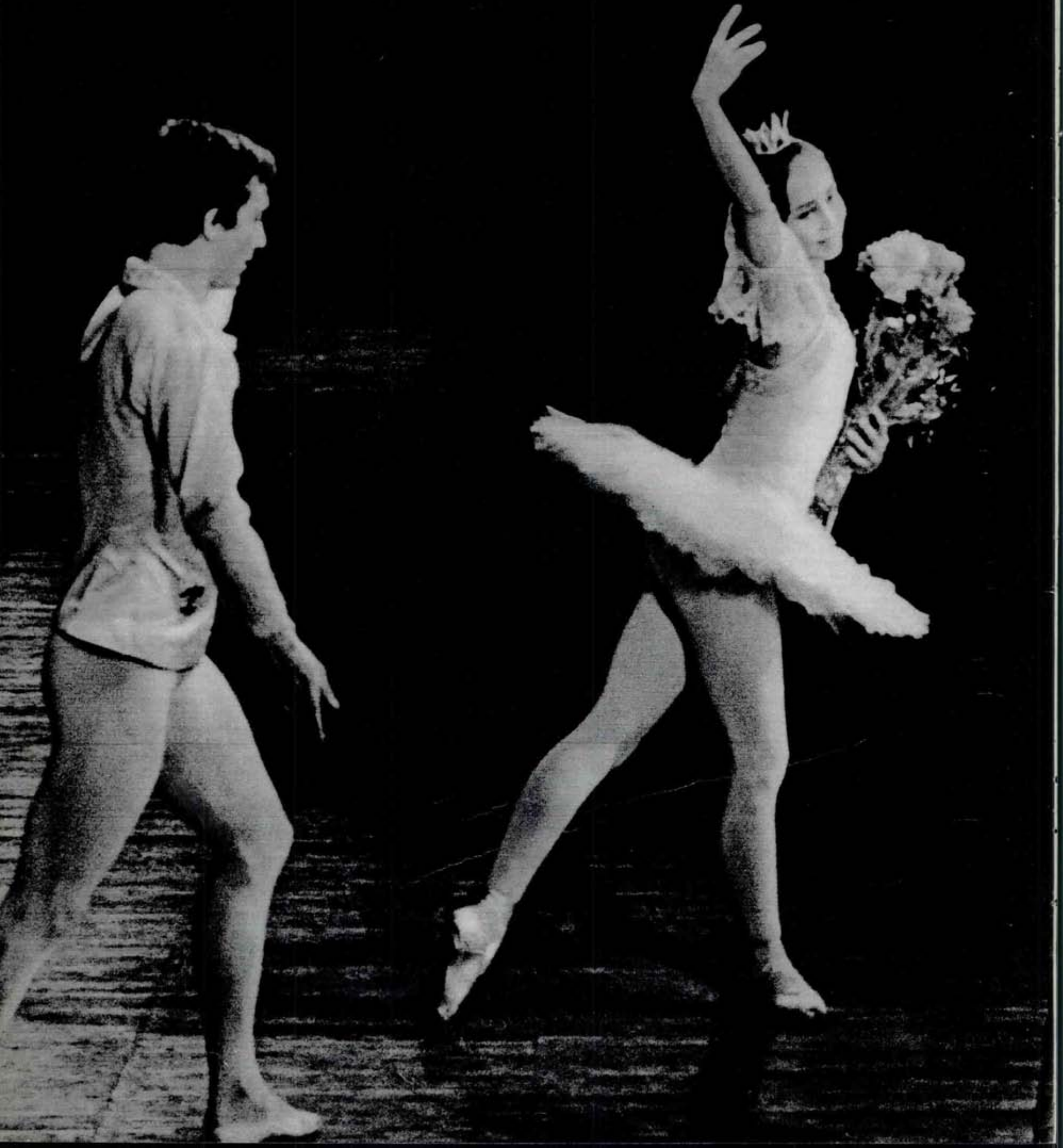
К сожалению, у нас плохо организовано это дело. Самодельным авиаконструкторам чинят только помехи, помощи же они практически ни от кого не получают. Не как мы в свое время. Беда состоит в том, что у нас не выработаны четкие правила, кто имеет право строить самолеты, кто на них может летать, где, как, на какой высоте. Все это необходимо легализовать, четко определить, чтобы любители имели возможность для творчества, но, с другой стороны, «любительство» не должно представлять опасности для пассажирской и транспортной авиации. Чтобы «самоделки» не сталкивались в небе друг с другом, не угрожали жителям окрестных городов и сел...

Дело это нужное, потому что любительская авиация растит талантливые, ищущие кадры для «большой» промышленности и летчиков. Необходимо организовать помощь авиаконструкторам-любителям в масштабах всей страны. Я думаю, это полезное дело по плечу комсомолу.

КОНСТРУКТОР ОЛЕГ АНТОНОВ НАЧИНАЛ С ПЛАНЕРОВ. НЫНЕ ВО ВСЕМ МИРЕ ИЗВЕСТНЫ САМОЛЕТЫ С ФИРМЕННЫМ ЗНАКОМ АН — ОТ ОДНОМЕСТНОГО РАБОТЯГИ «АН-2» ДО СУПЕРГИГАНТА «АНТЯ». НА СНИМКЕ — ЧЕТВЕРО ИЗ КРЫЛАТОГО СЕМЕЙСТВА.

ТВОРЧЕСТВО

«Дрожащей с непривычки рукой берется наша молодежь за перо. Неуклюжие фразы вгрызает она в истертые листки бумаги. Но неуклюжие фразы передают мысли ясные, крепко сколоченные, и от мыслей этих в стройные шпалеры становятся строки...

Мы ставим перед рабочей молодежью задачу: связать воедино два понятия: читатель и сотрудник»...

«Смена», год 1924-й...

Человеческое сознание обладает удивительным свойством: воспринимать как само собой разумеющееся многое, что в сущности является чудом.

Размышляя над подшивками «Смены», мы задаем себе вопрос: как же решилось наше государство, в котором горе и голод еще были проблемой и фактом, государство, в котором вокзалы, рынки и закоулки заполняли беспризорные, государство, которому еще предстояло осуществить грандиозную программу ликбеза, как же отважилось оно произнести — с большой буквы! — слово КУЛЬТУРА.

«Смена» станет отчим домом для писателей, имена которых сегодня известны не только в каждом уголке нашей страны, но и в бескрайнем мире. «Смена» расскажет о деятелях искусства, мастерство которых раздвинуло границы постижимого. «Смена», наконец, будет все шесть десятилетий искать и находить себя в том важнейшем свойстве советской журналистики, которое было программно обозначено в одном из самых первых номеров: «связать воедино два понятия: читатель и сотрудник»...

Волшебное таинство музыки и стремительный полет танца, штрих на холсте и рожденная в муках строка, постижение времени и человеческой судьбы средствами литературы и искусства — «Смена» изучала этот бесконечно сложный процесс и участвовала в нем.

У нас было множество перьев — ведь наш читатель стал нашим сотрудником...

Фото Юрия АБРАМОЧКИНА, Анатолия БОЧИНИНА, Бориса ЗАДВИЛЯ, Владимира КУЗНЕЦОВА, Альберта ЛЕХМУСА, Василия МИШИНА, Сергея ПЕТРУХИНА, Виктора САККА, Владимира ЧЕЙШВИЛИ, Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

На учет каждая мелочишка.

(ПАРА ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ).
Вл. Маяковского.
Композиции худ. Ганшина.

Первое.

Поэты
интересуют
и мелкие факты.
С чего начать.
Начну с того,
как рабфактцы
меня
хотели качать.
Засучили рукав,
оголили руку
и хватать
кто за шиворот,
а кто за брюку.

Я:
отбил
ударами ног
Но другому,—
маленькому—
свернули так позвонок.
Будучи опущенным,
подкинутый сто крат,
Напомню,
что сказал
ученикам Сократ.
Однажды,
после
Сократова выступления,
Лошадям
не доверяя
драгоценного груза,
Сами—
в колеску
впряглись в иступлении
Студенты
какого-то
помпейского вуза.
Студенты скакали
и делали стойку;
Сократ
разглядывал
Кентаврью стайку.
Доехал
спокойно
на зависть стойку,

Скавал,
поднеши
к кепке лайку:
А все-таки
с лошастью конкурировать
не может!..
Правильно
правоверным
изрек Аллах:
Мною,
для того-же,
изобретены лошади,

Чтоб мы
ездили
на них,
а не на ослах.
Пример неподходящий,
спорить нечего;
Но все же
его
запомните крепче...
Чтоб в вас
ничем
никогда не просвечивал
Прошлый
белоподкладочный
мышечный жеребчик.
Каждую мелочь
мерь,
Держи
восторгов елей!
Быт
не прет в дверь,—
Быт
ползет
из щелей.
Затянет
тинкой зыбей,
Слабых
собьет с копыт.
Отбивайся,
крепись,
бей,
Быт!

Второе.

Рабфактца
у меня
попросила портрет:
В этом
особенно плохого
нет.
Даже весело:—
Пришла
и повесила.
Утром поглядела,—
стена громада.
А Маяковский
маленький;
других бы надо.
Купила Шелли;
красивый—
оторвешься еле.
Купила Бетховена,
и Шалапина...
Скоро
вся стена заляпана,
Вроде
Третьяковской галереи.
Благочинные живописи,
Поэзии иереи.
На стенках
картинки
лестничками и веерами;
Появились
дяди
бородастые
в раме.

Вскоре
новое горе.
Открытки
меж гравюрами,
как маленькие точки.
Пришлось
их
обфестонить в фестончики.
На утро
осмотрела: вместе
серо-с
Пришлось
накупить
бумажных роз.
Уже
о работе
никаких дум
Смотри,
чтоб в уголочках
Не откнопилась кнопка.
Одни
стихи
и лезут на ум;
Бубнит
не хуже
дрессированного попки.
Особенно,
если луниша
припустит сиять.
Сидит
и млеет,
не сводя глаз:
Ни дать ни ввать
иконостас.
Ставлю вопрос
справедливый,
но колкий:
Деточка,
чем вы лучше
богомолки?!
Хуже ангела,
скулящего
в божьем клире,
Душу
раз едает
бездельник лирик!
Каждую мелочь
мерь,
Держи
восторгов елей...
Быт
не прет в дверь,—
Быт
ползет
из щелей!
Затянет
тинкой зыбей,
Слабых
собьет с копыт,
Отбивайся,
крепись,
бей,
Быт!

«СМЕНА», № 6, 1924 ГОД.

КОЛОВЕРТЪ

Рассказ М. ШОЛОХОВА, иллюстрации А. ЛАПТЕВА.

НА ЗАКАТЕ солнца вернулся из станицы Игнат.

Хворостяными воротами поломал

островерхий сугроб, лошадь заледеневшую ввел во двор и, не отпрягая, вбежал на крыльцо. Слышно было, как в сенцах скрипели обмерзшие половицы и по валенкам торопливо шуршал венник, обметая снег. Пахомыч, тесавший на печке топорище, смел с колен стружки и сказал младшему сыну Григорию:

— Ступай кобыленку отпряги. Сена я наметал в конюшне.

Дверь широко распахнув, влез Игнат, поздоровался и долго развязывал оконеченными пальцами башлык. Морщась, сорвал с усов сосульки тающие и улыбнулся, радости не скрывая.

— Слухом пользовался—красногвардейцы на округ идут...

Пахомыч ноги свесил с печки, спросил с любопытством сдержанным:

— Войной идут, али как?

— Разно гуторят... А только беспокойствие в станице. Томошится народ, в правлении миру сошлось видимо-невидимо.

— Не слышал молвишки в щет земли?

— Гуторют, што большевики землю помещичью под гребло берут.

— Та-а-ак,—крякнул Пахомыч, и соскочил с печки по-молодому.

Старуха у загнетки загремела ложками, щи в чашку наливая, сказала:

— Кличьте вечерять Гришатку.

На дворе смеркалось. Снежок перепал и синевою хмурилась ночь. Пахомыч ложку отложил, бороду вытирая рудшником расшитым, спросил:

— Про мельницу паровую разузнал? Когда пущать будут?

— Мельница работает в размол, можно везть.

— Ну, кончай вечерять и пойдём в амбар. Зерно надо перевеять, завтра, как удасться погода, уторком поеду смолоть. Дорога-то, как набитая.

— Шлях не спит, день и ночь едут, только раз'езжаться трудновато. Сбочь

дороги снегу глыбже пояса.

II

ГРИГОРИЙ вышел за ворота проводить отца.

Пахомыч натянул рукавицы и угнезвился в передке.

— На корову поглядывай, Гриша. Вымя налила она, што невидно отелится...

— Ладно, батя, трогай!

Полозья саней с хрустом кромсают оттаявшую покрывку снега. Вожжами волосяными Пахомыч шевелит золу просыпанную на улице об'езжает. Попадётся оголенная земля—подреза липнут. Спины напряжив, угинаясь, тянут лошади. Хоть и снасть справная и кони сытые, а Пахомыч нет-нет, да и слезет с саней, кряхтя: больно уж важно нагрузили мешков.

На гору выбрался, дал вздохнуть припотевшим лошадям и тронул рысцой шаговитой. Где приглянулось, оттепель сжевала снег, дорогу дурашливо изухабила. Теплынь на провеске.

Таёт. Полдень.

Лес начал огибать Пахомыч—на встречу тройка стелется. А снегу возле леса намело горы. В сугробах саженных дорожку прогрызли узенькую, разминуться никак невозможно.

— Эка, скажи на милость, оказия-то... Тпру...

Приостановил Пахомыч лошадей, слез и шапку снял. Голову седую и потную ветер облизывает. Потому снял Пахомыч шапченку свою убогую, что опознал в тройке встречной выезд полковника Черноярва, Бориса Александровича. А у полковника землю он арендовал восемь лет подряд.

Тройка ближе. Бубенцы промеж себя разговорчики вполголоса ведут. Видно, как с пристяжных пена шмотьями брызжет и тяжело, тяжело колыхается коренник. Привстал кучер, кнутом машет.

— Сворачивай, ворона седая!—Что дорогу-то перенял?

Поровнялся и лошадей осадил.

Пахомыч, в полах полушубка путаясь, с головой непокрытой к санкам подбежал, поклон отвалил низенький.

Из саней, медвежьим мехом обитых, пучатся, не мигая, глаза стоячие. Губы рубчатые, выскобленные до-синя, кричатся.

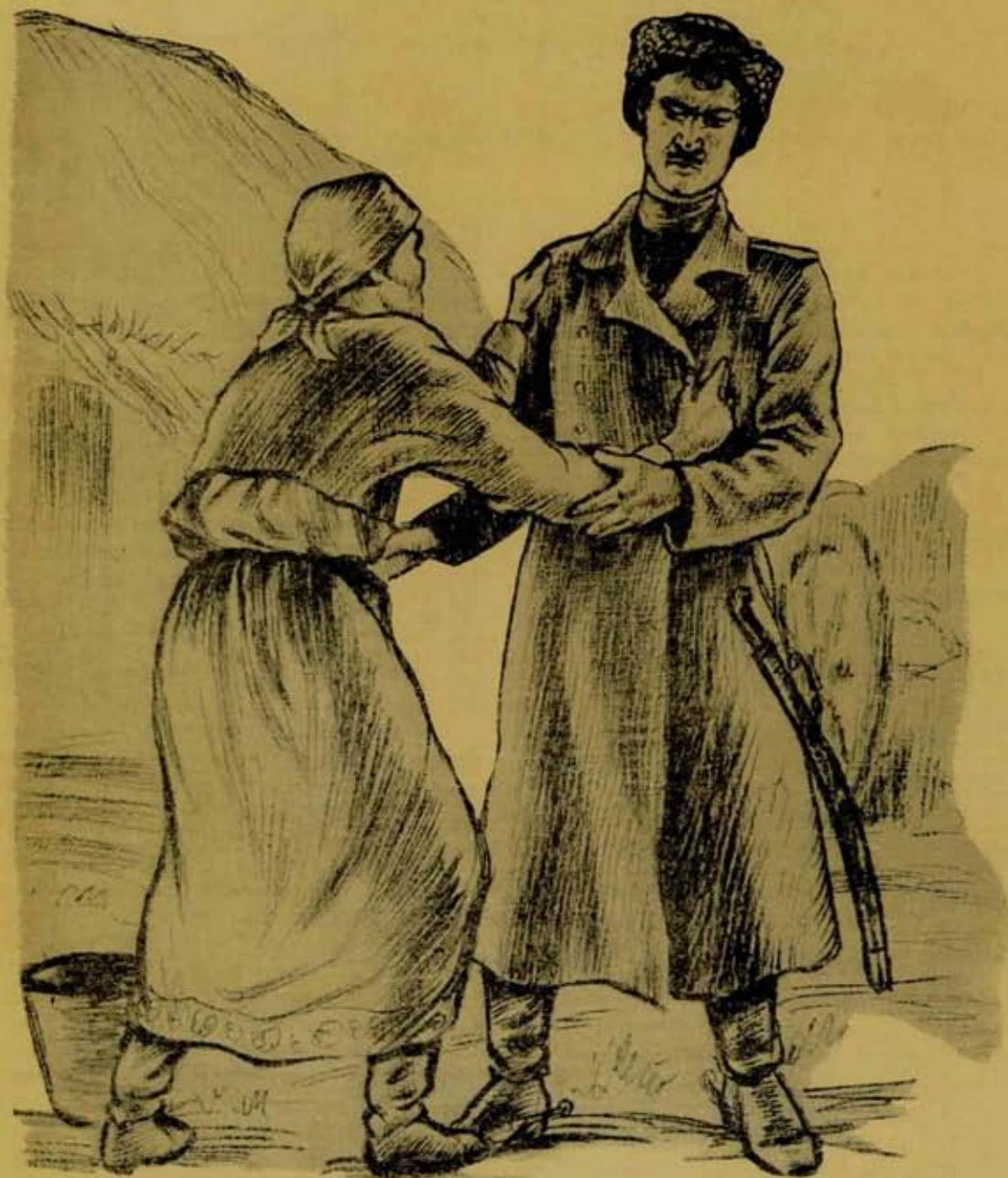
— Ты почему, хам, дог'огу не уступаешь? Большевицкую свободу почуял? Г'авног'авие!

— Ваше высокоблагородие... Христа ради, об'езжайте вы меня! Вы порожем, а у меня вага... Я ежели свильну с дороги, так и не выберусь.

— Из-за тебя я буду лошадей кг'овных в снегу душить... Ах, ты сволочь! Я тебя научу уважать офицег'ские погони и уступать дог'огу!

Ковер с ног стряхнул и перчатку лайковую кинул в сиденье.

— Аг'тем, дай сюда кнут!

Неудобно на улице, мамаша...

Прыгнул полковник Чернояров с сaney и, размахнувшись, хлопостнул кнутом Пахомыча промеж глаз.

Охнул старик, покачнулся, лицо ладонями закрыл, а сквозь пальцы кровь.

— Вот тебе, негодяй, вот...

Бороду Пахомычеву седую дергал, хрипел, брызгаясь слюной.

— Я из вас дух кг'асногваг'дейский выколочу... Помни, хам, полковника Чег'нояг'ова! Помни...

Над талой покрышкой снега маячит голубая дуга. Бубенцы говорят невнятным шопотом... Сбочь дороги, постромки обрывая, бьются лошади Пахомыча, сани опрокинутые с дышлом поломанным лежат покорно и беспомощно, а он тройку глазами немигающими провожает. Будет провожать до тех пор, пока не скроется в балке задок саней, выгнутой шеей лебединой.

Век не забыть Пахомычу полковника Черноярова, Бориса Александровича.

III

С ВЕДРАМИ из криницы идет Пахомычева старуха.

В вербах, стыдливо голых, беснуются грачи. За дровами на бугре, промеж крыльев красношапого ветряка, на ночь мостится солнце. В канавах вода кряхтит натужисто, плетни раскачивается. А небо, как вянувший вишневый цвет.

Ко двору подошла, у ворот подвода. Лошади почтовые с хвостами куцо подкрученными и между ног их, захлаюстанных и зябких, куры парный помет гребут. Из тарантаса, полы офицерской шинели подбирая, высокий, узенький, в папахе каракулевой слез. Повернулся к старухе лицом иззябшим.

— Мишенька... Сыночек... Нежданый мой...

Коромысло с ведрами кинула, шею охватила, губами иссохшими губы не достанет, на груди бьется и ясные пуговицы и серое сукно целует.

От материнной кофтенки рваной навозом коровьим воняет. Отодвинулся слегка, улыбнулся, как варом в лицо матери плеснул.

— Неудобно на улице, мамаша... Вы укажите, куда лошадей поставить и чемодан мой спесите в комнату... Заезжай во двор, слышишь, кучер!

IV

ХОРУНЖИИ. Погоны новенькие. Пробритый рядок негустых волос. Свой.

Плоть от плоти, а не смеет Пахомыч, как чужого.

— Надолго приехал, сынок?

Сидит Михаил у окна, пальцами бледными, нерабочими по столу постукивает.

— Я командирован из Новочеркаска с специальным поручением от воинского атамана. Пробуду, очевидно... Мамаша. Сотрите молоко со стола, что за неопрятность... Пробуду здесь месяца два.

Игнат с база пришел, следя грязными сапогами.

— Ну, здорово, братуха... С прибытием!

— Здравствуй.

Руку протянул Игнат, хотел обнять, но как-то разминулись и пальцы сошлись в холодном и неприязненном пожатии. Улыбаясь натянуто, сказал Игнат:

Брось пахать, стел, иначе я прикажу атаману арестовать тебя!

— Ты, братушка, ишо погоны носишь, а у нас давно их к чорту посымали...

Брови нахмурил Михаил.

— Я еще казачьей чести не продал! Помолчали нудно.

— Как живете? — спросил Михаил, нагинаясь снять сапоги.

Пахомыч с лавки метнулся к сыну.

— Дай я сыму, Миша, ты руки вымажешь.

На колени стал Пахомыч, сапог осторожненько стягивая, ответил:

— Живем — хлеб жуем. Наша живуха известная. Што у вас в городе новотишек?

— А вот организуем казаков отражать красногвардейщину.

Спросил Игнат, глаза в земляной пол воткнувши.

— А через какую надобность их отражать?

Улыбнулся Михаил криво и ненавистно:

— Ты не знаешь. Большевики казачества нас лишают и коммуны хотят сделать, чтобы все было мирское — и земля, и бабы...

— Побаски бабьи рассказываешь... Большевики нашу линию ведут.

— Какую вашу линию?

— Землю у панов отымают и народу дают, вон она куда кривится линия-то...

— Ты что-же, Игнат, за большевиков стоишь?

— А ты за кого?

Промолчал Михаил. Сидел, к окну заплаканному повернувшись, и, улыбаясь, чертил на стекле бледные узоры.

V

ЗА БУЕРАКОМ, за верхушками молодых дубков, выше сорочинного чечекания — курган могильный над гетманским шляхом раскорячился.

На кургане изжеванная столетиями, ноздреватая, каменная баба, а через голову ее прозеленью обросшую, солнце по утрам переваливает, вверх карабкается и сквозь мглистое покрывало пыли заботливо, словно сука щевят, лижет степь, сады, черепичные крыши домов липкими, горячими лучами.

Зарю заехал от шляха с плугом Пахомыч. Ногами, от старости вихляющими, вымерял четыре десятины, щелкнул на муругих быков кнутом и зачал чернозем плугом лохматить.

Давит на поручни Гришка, чуть не в колено землю выворачивает, а Пахомыч по борозде глянцевиной ковыляет, кнутом помахивает, да на сына любитесь: даром, что парню девятнадцатый год, а в работе любого казака за пояс заткнет.

Загона три прошли и остановились. Солнце всходит. С кургана баба каменная, в землю вросшая, смотрит на пахарей глазами незрячими, а сама алеет от солнечных лучей, будто польем спеленатая. По шляху ветер пыльцу мучнистую затесал столбом колыхаю-

Гри-ша! Сы-но-о-чек! Сы-но-о-чек!

щимся. Пригляделся Гришка—конный скачет.

— Батя, никак Михайло наш верхом бежит.

— Кубыть он...

Подскакал Михаил, бросил у стана взмыленную лошадь, к пахарям бежит, по пахоте спотыкается. Поровнялся—дух не переведет. Дышит, как лошадь запаленная.

— Чью вы землю пашете?

— Нашевскую.

— Да, ведь, это земля полковника Черноярова.

Пахомыч высморкался и, подолом рубахи холщевой вытирая нос, сказал веско и медленно:

— Раньше была ихняя, а теперь, сынок, нашевская, народная...

Белея, крикнул Михаил:

— Батя, знаю я, чье это дело...

Гришка с Игнатом до худого тебя доведут... Ты ответишь за захват чужой собственности!

Пахомыч голову угнул норовисто:

— Наша теперь земля... нету таких законов, штоб иметь больше тыщи десятин... Шабаш... равноправенство...

— Ты не имеешь права пахать чужую землю.

— И ему права не дадены степью владеть. Мы на солончаках сеем, а он позанял чернозем, и земля три года холостеет. Таковские есть права?

— Брось пахать, отец, иначе я прикажу атаману арестовать тебя.

Пахомыч повернулся круто, закричал, багровея и паралично держа головой:

— На свои кровные выучил... воспитал... Подлец ты, сучий сын!

Аж зубами скрипнул позеленевший Михаил.

— Я тебя, старая!

Шагнул к отцу, кулаки сжимая, но увидал, как Гришка, ухватив железную занозу, бежит через пахоту прыжками, и голову вбирая в плечи, не оглядываясь, пошел на хутор.

У Пахомыча хата саманная. Частокол вокруг палисадника ребрами лошадиного скелета топорщится.

С поля приехали Григорий с отцом. Игнат баз заплетал хворостом, подошел, и от рук его пахуче нанесло пряным запахом листьев лежалых.

— Нас, Григорий, в правление требуют. На майдане сход хуторной.

— Зачем?

— Мобилизация, говорят... Красногвардейцы заняли хутор Калинов.

За гумненным пряслом меркла, доглевала вечерняя заря. На гумне в вороже рыжей полови остался позабытый солнечный луч, ветер с восхода во рожу полови и луч погас.

Гришка коня почистил, зерна задал. На крыльце кособоком вдвоим Игнат с сынишкой шестилетним своим возился. Глянул мимоходом Гришка в глаза братнины, от смеха сузившиеся, шепнул:

— Ночью надо уезжать в Калинов, а то тут замобилизуют...

Матери, выгонявшей из сенцов телку, сказал:

— Белье достань нам с Игнатом, маманя, сухарей всыпь...

— Куда вас лихоман понесет?

— На кудыкино поле, — сказал Гришка с улыбочкой.

До поздней ночи на хуторском майдане гремел гул голосов. Пахомыч пришел оттуда затемно. У дверей амбара, где спал Гришка, остановился. Постоял и присел на каменный порожек обессиленно. Тошнотой нудной наливалось тело, сердце тархтело скупными ударами, а в ушах плескался колкий и тягу-

чий звон. Сидел, поплеывая в блеклое отражение месяца, торчавшего в лужице примерзшей, и больно чувствовал, что налаженная, обычная жизнь уходит, не глянувшись, и едва ли вернется.

Где-то у огородов, около Дона надсадно брехали собаки, в лугу размеренно и четко бил перепел. Ночь раскрылатилась над степью и молочной мутью закутала дворы. Закряхтел Пахомыч, дверью скрипнул.

— Ты спишь, Гриша?

Из амбара пахнуло тишиной и слезавшимся хлебом. Внутрь шагнул, нащупал шубу овчинную.

— Гриша, спишь, што-ли?

— Нет.

Старик на край шубы присел. Услыхал Гришка, как руки отцего дрожью выплясывают мелкой и безустальной.

Сказал Пахомыч глухо:

— Поеду и я с вами... Служить... в большевики.

— Што ты, батя... А дома как-же? Да и старый ты.

— Ну, штож, как старый. Буду при обозе стоять, а нет, так и в седле могу... А дома нехай Михайло правит... Чужие мы ему, и земля чужая... Нехай живет, бог ему судья, а мы пойдем землю-кормилицу отвоевывать.

Разноголосо прогорланили первые петухи. Над Доном, за изломистым частостолом леса заря запольхала. Несмело и осторожно поползли тающие тени.

Вывел Пахомыч трех лошадей, напоил, потники заботливо разгладил, оседлал. Вместе со старухой Пахомыча всхлипнули гуменные воротца, лошадиные копыта сочно зацокали по солончаку.

— Надо летником ехать, батя, а то на шляху могут перевстреть, — вполголоса сказал Игнат.

Небо поблекло. Росой медвяной и знобкой вспотела трава. Из-за Дона с песков лимонных, пахучих утро шагало.

VI

НА ЗАЩИТНОМ кителе полковника Черноярова звездочки чернильным карандашом скромненько вкраплены. Щеки мясистые в синих жилках. В стены паутинистые хуторского майдана баритон дворянски-картавый тычется. Пальцы розовато-пухлые, холевые жестикулируют сдержанно и вполне прилично.

А кругом потной круговиной сгрудился, жарко дышат махорочным перегаром и хлебом пшеничным, окисшим. Папахи красновыше, борзды цветастые. Рты слюняво-распахнутые ловят жадно, а баритон картавящий, гаденький, из губ, дурной болезнью обглоданных:

— Дог'огие станичники... Вы исстаг'и были опог'ой цаг'я-батьюшки и г'одини; тепег' в эту великую, смутную годину на вас смотг'ит вся Г'оссия... Спасайте ее, пог'уганную большевиками... Спасайте свое имущество, своих жен и дочег'ей... Пг'имег'ом выполнения гг'ажданского долга может послужить вам ваш хутог'янин, хог'унжий Михаил Кг'амсков: он пег'вый сообщил нам пг'о то, что отец его и два бг'ата ушли к боль-

шевикам. И он первый, как истинный сын тихого Дона, становится на его защиту.....

П о с т а н о в и л и:

Казаков нашего хутора Крамскова, Петра Пахомовича и сынов его—Игната и Григория Крамсковых, как перешедших на сторону врагов Тихого Дона, лишить казачьего звания, а также всех земельных прав и наделов, и по поимке предать военно-полевому суду Вешенского юрта.

VII

ОКОЛО прошлогоднего стога сена отряд остановился кормить лошадей. У хутора, за гумennem пряслом отчехвостивал пулемет.

Комиссар, раненый в щеку на-вылет, на жеребце, белесом от пота, подскакал к тачанке, крикнул рвущимся и гундосым голосом:

— Гиблое дело... Видать, нашлапают нам.

Жеребца промеж ушей вытянул плетюганом и, харкая и давясь черными шмотьями крови, засипел командиру отряда на ухо:

— Не пробьемся к Дону—могем пропасть. Посекут нас казаки, мешанину сработают... Скликай в атаку итить...

Командир, бывший машинист чугуно-литейного завода, такой же медлительный, как и первые взмахи маховика, голову бритую приподнял, трубки изо рта не вынимая:

— По коням!

Ог'ехал комиссар сажени три, спросил, оборачиваясь:

— Как думаешь, ликвидируют нас?— и поскакал, не дожидаясь ответа.

Из под лошадиных копыт пули схватывали мучнистую пыльцу, шипели, буря сено, одна оторвала у тачанки смолянистую щепу и на лету приласкалась к пулеметчику. Выронил тот из рук портянку, в деготь измазанную, присел, по птичьей подогнувши голову, нахохлился, да так и помер—одна нога в сапоге, другая разутая. С железнодорожного полотна ветер волоком притащил надтреснутый гудок паровоза. По насыпи, громяхая, прошел бронепоезд. С платформы в степь, к скирде, к куче людей, затормошившихся, повернулось курносое, раззявленное жерло, плюнуло, и, лязгая звеньями, снова тронулся бронепоезд „Корнилов“ № 8, а плевков угодил правее скирды. Со скрежетом вывернул вязанку дегтярного дыма и переплетенные арбузные плетни от прошлогоднего урожая.

И долго еще под тяжестью непомерной плакали ржавые рельсы, шпалы кряхтели. позванивая, а возле скирды, в степи, Пахомычева кобылица сжеребанная, с ногами, шрапнелью перебитыми, долго пыталась встать: с хрипом голову скидывала, на ногах подковы полустертые блестяли. Песчаник жадно питал розоватую пену и кровь.

Болью колючей черствело сердце, шептал Пахомыч:

— Матка племенная.. Эх, не брал бы, кабы зватье...

— Дуришь, батя!— на скаку прокричал Игнат. — Беги, на бричку садись— видишь, в атаку лупим ..

Вслед ему глянул старик равнодушно. Подрагивала выщербленная, голубая каемка леса над горизонтом и сверху сквозь золотистое полотнище пыли, разостланное над стелью, жаворонок вторил пулеметам бисерной дрожью. Григорий за патронами подскакал.

— Не горюй батя: кобыла—дело наживное.

Губы Гришкины бурые полопались от жары, веки от ночей бессонных набухли.

В обнимку взял два ящика и взвизрился, потный и улыбающийся.

К вечеру подошли к Дону. Из ложины до сумерек садила батарея, по бугру маячили казачьи раз'езды. Ночью желтый, настырный глаз прожектора шнырял по зарослям терна, нащупывая коновязи, палатки, людей. Минуту цепко излапывал их, поливал светом трупным и гас.

С рассветом с бугра густо, цепь за цепью, как волны; из терна вихрастого стрельба пачками с прицелом, выдержкой; в полдень командир отряда о подошву сапога излатанного выбил трубку, взглядам равнодушно-тяжелым обвел всех.

— Неустойка выходит, товарищи... Плывите через реку, в десятки верстах хутор Громов,—закончил устало:

— Там наши...

Коня расседывая, крикнул Гришка отцу:

— Чего-ж ты?

— Плыви, Гриша... Коня разнуздай.. А я тово... стар уж...

— Прощай батя...

— С богом, сынок ..

— Ну, иди, лысый. Да ну-же, чорт, спужался.

По пояс, по грудь, а вот уж одна голова Гришкина с бровями насуплен-

ными, да сторожкие уши коня над синей водой.

Загнал Пахомыч обойму сплюсненным пальцем, на мушку ловил перебежавшие фигурки людей, потом выкинул последнюю дымную гильзу и руки волосатые поднял:

— Пропадаем, Игнат...

В упор в лошадиную морду выстрелил Игнат, сел, широко расставив ноги, сплюнул на сырую, волнами нацелованную гальку, и ворот рубахи защитной разорвал до пояса.

VIII

ЗА ЗАВТРАКОМ усики белобрысые, нафиксатуренные самодовольно накручивал.

— Теперь, мамаша, меня произвели в сотники за то, что большевизм в корне пресекаю. Со мною очень не разбалуешься, чуть что—и к стенке.

Вздыхнула:

— А как-же, Миша, наши? На случай, может придуть они?

— Я, мамаша, как офицер и верный сын Тихого Дона, не должен ни с какими родственными связями считаться. Хоть отец, хоть брат родной— все равно предаю суду..

— Сыночек... Мишенька... А я-то как же? Всех вас одной грудью кормила, всех одинаково жалко.

Сынишку Игнат на руки взял. Пальцами прыгающими мельницу сыну мастерит...

— Без всяких жалостей... — глазами повел строго на сынишку Игнатова:

— А этого щенка возьмите от стола, а то я ему, коммунистическому выродку, голову отверну! — Ишь, смотрит каким волчонком... Выростет, гаденыш, тоже большевиком будет, как отец...

IX

НА ОГОРОДЕ возле Дона полой водой и набухающими почками тополей пахнет. Волны гребенчатые укачивают диких казарок, плетни огорода лжуют, обсаивают.

Садил картофель Пахомычева старуха, двигалась промеж лунок натужисто. Нагнется, и кровь полыхнет в голову, закружит ее тошно. Постоит и сядет. Молча глядит на черные жилы, спугавшиеся на руках узлом замысловатым. Губами ввалившимися шамшит беззвучно.

За плетнем Игнатова сынишка в песке играет.

— Бабуня!

— Аюшки, внучек.

— Поглянь-ка, бабуня, чево вода принесла.

— Чего-ж она принесла, родимый?

Встала старая, лопатку неспеша воткнула, дверцами скрипнула. На отдели ногам к земле, лошадь дохлая лоснится от воды, наискось живот лопнул, а ветерком вон падающую наносит.

Подошла.

Шею лошадиную мертвые руки человека обняли неотрывно, на левой повод уздечки замотан крепко, назад голова запрокинута и волосы на глаза свисли. Глядела, не моргая, как губы, рыбой из'еденные, смеялись, ощеря мертвый оскал зубов, и упала...

— Гри-ша! Сы-но-о-чек! Сы-но-о-чек!..

X

ДОРОГА обугленная. Конвойные верхами и их двое. Подошвы в ранах гнойных, в одном белье, покорбленном от крови. По хуторам, по улицам, униженным людьми, под перекрестными побоями. На другие сутки вечером — хутор родной. Дон и синюющая грядуха меловых гор, словно скученная отара овец. Нагнулся Пахомыч, и клок зеленой пшеницы выдернул, губами завдигал трудно.

— Угадываешь, Игнат... Наша земля... с Гришей пахали...

Сзади свист плети витой.

— Без разговоров!

Молча головы угнув, по хутору, ноги свинцовеют. Мимо частокола, мимо хаты саманной. Глянул Пахомыч на двор, ошестинившийся бурьяном махровитым, и грудь потер там, где колом больным и неловким растопырилось сердце.

— Батя, вон мать на гумне...

— Не видит.

Сзади:

— Молчи, сволочуга!

Площадь, поросшая пышатками кучерявыми. Правление. Сходка у крыльца.

— Здорово, Пахомыч... Никак, землю отвоевывать ходил?

— Он отвоевал уж на кладбище сажень.

— Наука будет старому кобелю.

Палец с ногтем выпуклым, как броня черепахи, Пахомыч поднял, выдавил, судорожно переводя дух:

— Н-но, растаку вашу мать! Хучь погибнем мы, хучь и добро прахом пойдет, а и вам... памятку вложат. Не ваша правда!

Боком подошел к Пахомычу сосед Анисим Макеев, развернулся и молчком, зубы ощерив из рыжей бороды, ударил Пахомыча в голову.

— Бей их, — крик сзади.

С звериным сопением сомкнулась немая человеческая волна, папахами красновыми перекипела, сгрудилась в бешеной возне. Под дробный топот вязко и сочно стряли удары... Но с крыльца Правления коршуном сорвался Микишара, клином разбороздил колыхавшуюся толпу. Вырвался в рубаше изорванной, белый, с перекошенным ртом, орал:

— Братцы... фронтовики... не допускай к убивству...

Шашку выдернул из ножен, над головой веером развернул сверкающую сталь.

— На фронт их нету, так... перетак... А тут убивать могут!

— Бей, Микишару! Большункам продался!

Стеной плотной стали Микишара и восемь фронтовиков, в отпуск пришедших, от толпы отгородили Пахомыча и Игната.

Постояли старики, погломонили и кучками пошли с площади. Смеркалось...

XI

ХОТЕЛОСЬ БЫ ваше г'ешающее слово услышать, под'есаул. Г'азумеется, мы обязаны их г'асстг'елять, но какни-как, а это ваши отец и бг'ат... Может быть мы возьмем на себя тг'уд ходатайствовать за них пег'ед войсковым наказным атаманом.

— Я, ваше высокое благородие, верой и правдой служил и буду служить царю и Всевеликому войску Донскому... С жестом трагическим...

— У вас, под'есаул, благог'одная душа и мужественное сег'дце. Дайте я вас по г'усскому обычаю г'асцелую за вашу самоотвег'енность в деле служения пг'естолу и г'одному наг'оду.

Троекратный чмок и пауза.

— Как вы полагаете, дог'огой под'есаул, не вызовем ли мы г'асстг'елом возмущения сг'еди беднейших слоев казначества?

Долго молчал под'есаул Крамсков, Михаил, потом, головы не поднимая, сказал глухо:

— Есть надежные ребята в конвойной команде... С ними можно отправить в Новочеркасскую тюрьму... Не проговорятся ребята... А арестованные иногда нытаются бежать...

— Я вас понимаю, под'есаул. Можете г'ассчитывать на чин есаула. Дайте пожать вашу г'уку.

XII

САРАЙ для военнопленных, как паучье гнездо паутиной, опутан колючей проволокой. По ту сторону Игнат и Пахомыч, с лицами чугуными, опух-

шими; с улицы сынишка Игнатова в картузе отцовском и старуха Пахомычева руками окаменевшими к проволоке тоскливо пристыла; моргает веками кровавыми, рот кривит, а слез нет — все выплакала.

Пахомыч тяжело ворочает разбитым языком:

— Пшеницу, нехай, Лукич скосит, заплаатишь ему, отдашь телушку-лешушницу.

Губами пожевал, сухо закашлялся:

— По нас же не горюй, старуха. Пожили... все там будем... После панихиду отслужи, поминать будешь, не пиши „красногвардейца Петра“, а прямо — воинов убиенных — Петра, Игната, Григория... А то поп не примет... Ну, затем прощай, старуха. Живи... Внука береги. Прости, коль обидел когда...

Сынишку Игнат на руки взял. Часовой, как будто не видит, отвернулся. Пальцами прыгающими из камыша мельницу мастерит сыну Игнат.

— Папаня, а чево у тебя кровь на голове.

— Это я ушибся, сынок.

— А на што тебя вон энтот дядя ружьем вдарил, как ты из сарая выходил.

— Чудак ты какой. Он нарочно вдарил, шутейно...

Молчат. Камышевые былки под ногтями у Игната перезванивают.

— Пойдем домой, папаня, ты мне мельницу дома сделаешь.

— Ты с бабуней иди, сывушка, — губы у Игната жалко дрогнули, покривились, — а я потом приду...

Ходит Игнат по двору, будто волк на привязи, ногу, прикладом перебитую, волочит и тельце маленькое, щуплое к груди жмет, жмет...

— Папанька, на што у тебя глаза мокрые.

Молчит Игнат.

Потухли сумерки. С луга, с болот уемистых, из зарослей ольхи и мочажинника туман на сады свалился росой, проседью серебряной. Траву прилобок к земле захолодевшей и влажной.

Из сарая вышли кучкой. Офицер с погонами под'есаула, в папаше каракулевой, высокий, узенький, сказал тихо, вполголоса, самогонным перегаром дыша:

— Далеко не водить. За хутор, в хворост.

В тишине настороженной шаги гулкие и лязг винтовочных затворов.

Ночь свалилась беззвездная, волчья. За Доном померкла лиловая степь. На бугре, за буйными всходами пшеницы, в яру, промытом вешней водой, в буреломе, в запахе пьяном листьев, лежащих ночью, шевелилась волчиха: стонала, как женщина в родах, грызла под собой песок, кровью пропитанный, и, облизывая первого, мокрого, шершавого волченка, услышала неподалеку из лошины, из зарослей хвороста два сиповатых винтовочных выстрела и человеческий крик.

Прислушалась настороженно и в ответ короткому, стонущему крику завыла волчиха крипло и надрывно.

ГОРЬКИЙ консультирует КОМСОМОЛЬЦА ЗНАМЕНСКОГО

Комсомолец Подольского механического завода М. Знаменский, автор двух небольших книжек, написал очерк об игольном цехе, в котором послышно зарисовал коммуниста-инженера Флака и комсомольцев.

Вместе с другими произведениями молодых авторов очерк Знаменского «Аахен под Москвой» был передан на просмотр Алексею Максимовичу Горькому.

Горький дал о каждой вещи свое заключение, в самые рукописи испещрил свои же пометками. По очерку Знаменского горьковский красный карандаш прошелся больше, чем по другим рукописям.

Так комсомолец Знаменский получил консультацию Алексея Максимовича Горького.

«Никогда еще, — говорит М. Горький, — искусство слова не служило так усердно и так успешно делу познания жизни. Это особенно видно на очерке. Широкий поток очерков — явление, какого еще не было в нашей литературе. Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. «Очеркисты» рассказывают многомиллионному читателю обо всем, что создается его творческой и всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения энергии рабочего класса».

Исходя из этих положений, Алексей Максимович и рассмотрел очерк Знаменского.

Вкратце содержание очерка сводилось к следующему: Флак, немецкий инженер-коммунист, едет в немецкий город Аахен, мировой центр игольной промышленности. В поезде Флак разговаривает с рабочими «Серпа и молота», тоже едущими в Германию. Затем дается история возникновения игольной промышленности в СССР, под Москвой, в Подольске. При организации игольного дела цехом руководил старый беспартийный кадровик Шмаков, и дело не клеилось. Только с приходом Флака, который оперся на комсомольскую ячейку, дело пошло в гору.

Горький дал суровую оценку очерку:

«Автор многословен, но говоря — многого не договаривает существенного. Его стремление к «образительности» выражается нагромождением необдуманных слов. А язык он знает плохо, газетно. Материал расположен неправильно. Надо начать с приезда на завод, а не с командировки в Аахен. Вообще эта поездка лишняя, об этом городе и его угольях можно рассказать на одной странице. Очерк утомительно длинен. Его нужно сократить наполовину. Флак, несмотря на многословие автора, — тусклая фигура».

Уже одна эта характеристика содержит в себе конкретные указания автору: где, что и как надо переделать в очерке. Однако Горький не ограничился этим.

На рукописи Знаменского сделано очень много практических замечаний. Приведем наиболее характерные из них. Забыв о читателе, Знаменский употребляет целый ряд малоизвестных технических терминов без всяких объяснений:

«Родились новые специалисты — вдевальщики, рихтовщики» — сообщает Знаменский, а Горький на полях очерка просит: «Объясните термины». У Знаменского: «Утомленный Шмаков бежит к редуцированным станкам», а Горький снова требует от имени читателей: «Объясните».

Знаменский в третий раз начинает говорить о самостоятельности игла, а Горький, внимательнейший читатель, лаконично замечает: «Повторено».

Терпеливо прочтя без малого две страницы рассуждений о браке и станках, Горький делает пометку: «Многословие и скучно пишешь».

Гонясь за изобразительностью, Знаменский часто вносит в очерк излишние подробности.

Так, например, очеркист сообщает, что книга, читаемая секретарем, есть сочинение Шиллера. Против этого места Горький пишет:

«К чему это? Для оживления? Не оживляет».

У Знаменского сказано:

«Он сидел на стуле перед своим станком, а по бокам его были две недавние пионерки — казалось, что по обеим сторонам комода стоят туфли — левый и правый».

Горький замечает:

«Чересчур хвачено!»

Горький кропотливо работает над отдельными местами, которые кажутся ему исправимыми.

У Знаменского: «На восточном горизонте вставал сияющий рассвет».

Горький исправляет: «На востоке розовато загорался рассвет».

Там, где автор пишет о том, что «всю ночь по вагонам шатался сон и не было ему нигде места, потому что до предрасветной рапы в вагонах спорили, закусывали...», Горький отмечает: «Вот это хорошо».

Знаменский неосмотрительно сообщает:

«Закройщики мира шьют иглами аахенских фабрик».

Горький дает справку: «Не шьют они, а кроют. Шьют портные, швейки».

Ударники «Серпа и молота», едущие в Берлин, спрашивают немецкого коммуниста Флака о том, что они увидят в Берлине.

«Всё же увидите» — замечает Флак.

Горький, чувствуя авторскую фальшь, делает пометку:

«Очень плохо он отвечает. Гонясь за вычурностью, Знаменский манерничает».

«Потом они рассказывали, эти счастливейшие горняки, о пионерах».

Горький исправляет: «Потом горняки рассказывали о пионерах».

«Искристые речи» — пишет Знаменский.

«Жаркие речи» — поправляет Горький.

У Знаменского «заподошились», Горький уточняет: «вспокоились».

Знаменский размазывает: «Сальский таял перед телефонной трубкой, заверения и обещания не сходили с его уст».

Горьковский карандаш перекрывает фразу: «Сальский таял перед телефонной трубкой, не скупясь на заверения».

Впадая в многословие, Знаменский не замечает повторений, а Горький осуждающе подчеркивает повторы: «Ничего не случилось. Впрочем случилось. И случилось, чего так долго ожидал он».

Подчеркиванием Горький обращает внимание автора на то, что в двух строках три раза слово «случилось» употреблять не следует. Укоризненно подчеркнута и такая неуклюжая фраза: «В вечернее заморозки нехота гасла заря».

Знаменский пишет вытесвато и размашисто: «Мишу знают комсомольцы всего завода, этого заядлого планериста и стенгазетчика, где он только не успевают».

Горький делает фразу простой, четкой и доходчивой:

«Мишу, планериста и стенгазетчика, знают комсомольцы всего завода».

Такая же операция проделана Горьким в другом месте. У Знаменского было сумбурно:

«Рыжкий-то обогнал всех, вчера заявлении-то который дал».

Горький предлагает такую редакцию: «Рыжкий-то, который вчера заявлении подал, обогнал всех».

Как видим, те же слова, поставленные в лучшем, чем у Знаменского, порядке, производят совсем другое впечатление.

Горький очень чуток к фальшивой передаче разговорного языка.

У Знаменского один герой говорит: «Пожалуйста тебе и первая десятиминутка, Абрамов».

Горький решительно зачеркивает слово «пожалуйста» и ставит слово «вот» («Вот тебе... и т. д.»). Получается живая, разговорная фраза.

О пассажирах экспресса Знаменский сообщает: «сон их был тревожный». Горький подчеркивает слово «их» и удивленно спрашивает: «всех?»

Знаменский утверждает, что сон «тревожен в дороге всегда»; Горький снова протестует против немотивированного обобщения: «Разве всегда?»

У Знаменского написано: «Казалось, что гребенка темнозеленого леса медленно следует по направлению с экспрессом».

Горький приводит фразу в порядок: «Казалось, что гребенка темнозеленого леса плыла по одному направлению с экспрессом».

Неточное выражение «Шея, привыкшая к вольной распашке» Горьким многозначительно подчеркивается.

Автор, плохо представляя обстановку, сообщает, что «какши аахенских королей на мгновение поднялись...» потому что «Флак купил... несколько станков». Против этого наивного места стоит жирный знак вопроса, сделанный карандашом Горького.

Наивности, допущенные автором в описании Аахена, которого автор не видел, Горьким также подчеркиваются.

Мастер слова, Горький обращает внимание и на инструментальную фразу.

«Заехал за запиской», фраза эта, имеющая трижды повторенное «за», подчеркнута Горьким, как нуждающаяся в переоборудовании. Это же имел в виду Горький, когда подчеркивал такой словосвязок: «собрались сборщики».

Очень много внимания Горький уделял сокращению фраз и перестановкам слов в фразах. Приведем примеры:

ЗНАМЕНСКИЙ ПИШЕТ:

За Шмаком следует Флак. Очень был похож коммунист на тех парней... И вот он, Флак, коммунист, игольщик, окончивший университет, вот он тоже приехал в советскую республику. Он приехал и он будет вместе с ударниками и пионерами, колхозниками, профессорами — строить социализм. Хорошо иглу делать смогут ловкие руки, крепкие руки, подвижные пальцы, хорошие глаза. Ну, а в нашем цехе нет партийной ячейки. А потому все ложится на нас. Вот верно сейчас предупредил нас новый начальник. На каждого ложится тяжелая доля работы.

ГОРЬКИЙ ИСПРАВЛЯЕТ:

Флак следует за Шмаком. Был очень похож коммунист на тех парней... И он, Флак, коммунист-игольщик, окончивший университет, он тоже приехал в советскую республику строить социализм. Хорошо иглу сделать смогут крепкие руки, ловкие пальцы, хорошие глаза. Ну, а в нашем цехе нет партийной ячейки. А потому все ложится на нас. На каждого.

Сравнивая первоначальные тексты Знаменского и тексты, выработанные Горьким, нетрудно установить, что Горький последовательно требует, чтобы писатель говорил с ним (читателем) простыми словами богатейшего и гибкого языка, который создал в Европе XIX века может быть самую мощную литературу».

Строчку за строчкой прошулькает Горький, терпеливо исправляет, опрощает их, делает их более гибкими, ясными, доходчивыми, исходя из того, что «читатель не нуждается в мишуре дешевых прикрас, ему не нужна изысканная витивость словесного рисунка, — жизнь его исполнена эпической суровости и вполне достойна такого же эпически мощного отражения в литературе».

Как воспринял консультацию Горького комсомолец Знаменский?

Согласно указаниям Горького очерк коренным образом переработан. Новый вариант очерка «Аахен под Москвой» одобрен и принят в альманах молодых, подготовляемый издательством «Советская литература».

К. Алтайский

**ПОДПИСКА
НА «СМЕНУ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
НА НАШ ЖУРНАЛ В 1984 ГОДУ,
ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.
В АГЕНТСТВЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» ДО 13-ГО ЧИСЛА КАЖДОГО ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА,
ОФОРМИВ ПОДПИСКУ С 1-ГО ЧИСЛА ПОСЛЕДУЮЩЕГО МЕСЯЦА.**

Подписка проводится свободно, без ограничений.
Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

Дорогие читатели! Начинаются 26-я шахматная олимпиада и 2-я шашечная олимпиада «Смена».
Участвуя в этих заочных соревнованиях, вы можете повысить свой спортивный разряд.
Победителей ждут награды.

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Шахматная олимпиада проводится в 14 туров, по несколько заданий в каждом туре. Предметом вашего размышления и анализа станут задачи и этюды советских и зарубежных авторов (в том числе оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся). Организаторы соревнования откликнулись на многочисленные пожелания участников прошлой олимпиады и намерены публиковать как можно больше малофигурных позиций. Задания нынешней олимпиады будут составлены только из миниатюр (позиций с числом фигур не более семи).

За выполнение каждого задания в зависимости от степени его трудности участник получает от 1 до 6 баллов. Максимальная сумма баллов за выполнение всех заданий олимпиады — 100. Для выполнения шахматных разрядов устанавливаются следующие квалификационные нормы: 32 балла для получения четвертого, 52 балла — третьего, 92 балла — второго разрядов.

Каждый участник нашего заочного соревнования присылает ответы на задания первого тура **только на открытке (без конверта)**, где, кроме решений, указывается фамилия, имя и отчество, возраст, домашний адрес, профессию и спортивный разряд по шахматам (если не имеет, то об этом надо написать). Слева вверху на открытке сделайте пометку «26-я шахматная олимпиада. 1-й тур».

Пять участников, добившихся лучших результатов, станут победителями и будут награждены призами. Занявшие последующие двадцать мест, а также наиболее активные пропагандисты шахмат, организаторы очных конкурсов решения задач и этюдов по месту своей работы или учебы будут награждены книгами.

1 тур

Публикуется впервые

Белые: Крс7, Лб5, Са3 (3).
Черные: Кра8, п. б6 (2).

Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Кра3, Ка6, Кс3, п. d2 (4).
Черные: Кра1, Кг4, п. c4 (3).

Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Обе задачи составлены В. Чепижным.

В двухходовке достаточно указать только первый ход, в трехходовке — два первых хода каждого тематического варианта.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией
мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Олимпиада пройдет в 14 туров:
в нечетных номерах по русским

шашкам, в четных — по международным. Принцип ее проведения точно такой, как шахматной. Как по русским шашкам, так и по международным максимальная сумма баллов — 50. Квалификационные нормы соответственно: 26 баллов — третий разряд, 46 — второй.

Каждому участнику присвоен свой регистрационный номер. Ответ на задание первого тура пришлите в письме с указанием фамилии, имени и отчества, возраста и профессии, укажите также о спортивном разряде. Вложите в конверт открытку со своим адресом. Слева вверху на конверте сделайте пометку «2-я шашечная олимпиада. 1-й тур». Для олимпиады по русским шашкам сделайте пометку «64», а по международным — «100».

В олимпиаде могут принять участие и команды коллективов физкультуры, секции, кружки, бригады, звенья, отделения. Они должны избрать капитана и прислать заявку.

На последующие туры ответы присылать **только на открытках (без конвертов)**.

Двадцать участников, добившихся лучших результатов, объявляются победителями и премируются призами. Занявшие последующие двадцать мест, а также наиболее активные пропагандисты шашек будут награждены книгами по шашкам.

Команды-победительницы награждаются грамотами Федерации шашек СССР, библиотеками ша-

шечной литературы и дипломами редакции.

1-й тур
И. Кобцев (Днепропетровск)
Публикуется впервые

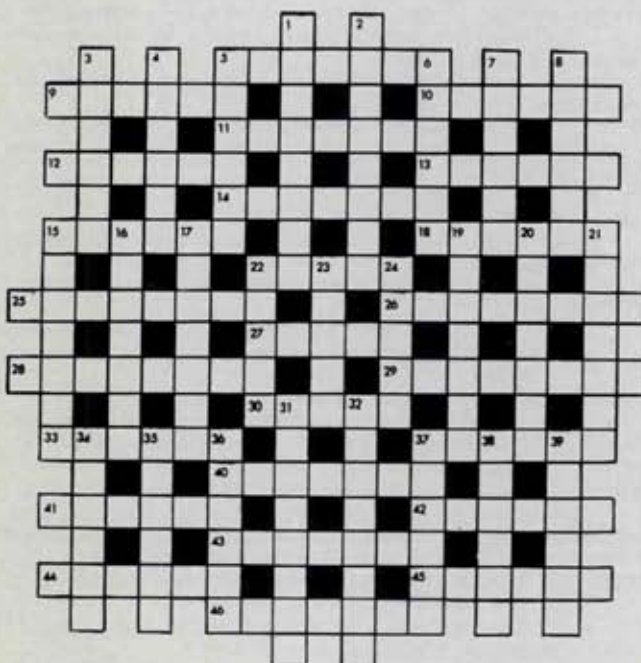

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 2 балла).

Последний срок отправления ответов на задания первого тура шахматной и шашечной олимпиад — 28 февраля (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил А. ЧУЯКО,
Майкоп

По горизонтали:

5. Видение, кажущийся образ.
9. Художник, основоположник романтизма во французской живописи.
10. Сетчатка глаза.
11. Плоский сосуд, фляжка.
12. Мастерская платья.
13. Пушной зверек.
14. Пионерская организация школы.
15. Музыкальный интервал.
18. Грузовой железнодорожный вагон.
22. Расплавленная масса под земной корой.
25. Многогранник.
26. Артист-сатирик.
27. Автор книги о приключениях барона Мюнхгаузена.
28. Зерновая культура.
29. Предохраняющая руль часть палубы, укрепленная на кронштейнах.
30. Способ углубленного гравирования.
33. Город в Эстонской ССР.
37. Порт в Заире, на реке Конго.
40. Краска, растертая на яичном желтке.
41. Архитектурно оформленный вход в здание.
42. Мясное блюдо.
43. Прыжок в балете.
44. Искусственное волокно.
45. Посуда.
46. Стихотворная строфа, которой написана «Божественная комедия» Данте.

По вертикали:

1. Настойка лекарственного вещества.
2. Живое тело, живое существо.
3. Зачинатель и теоретик советского и мирового документального кино.
4. Венгерская разменная монета.
5. Успех спортивной команды в соревнованиях.
6. Немецкий живописец и график XV—XVI веков.
7. Свободное место перед начальной строкой абзаца.
8. Инфант в романе Л. Фейхтвангера «Испанская баллада».
15. Ткань древесины, по которой течет сок.
16. Стихотворный размер.
17. Автомобиль, у которого спереди или сзади лишь одно колесо.
19. Отдаленные от центра области государства.
20. Конная повозка.
21. Автор оперы «Севильский цирюльник».
22. Сибирский олень.
23. Советский поэт и драматург.
24. Точка неба, к которой движется Земля.
31. Часть железобетонных конструкций.
32. Повторное применение математической операции.
34. Химический элемент.
35. Планета.
36. Скульптурная мужская фигура, поддерживающая балкон.
37. Порт в Испании.
38. Грузоподъемность судна.
39. Работа на молочной ферме.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

7. Пойнтер. 11. Юстиция. 12. Докторант. 13. Кабинет. 14. «Иоланта». 15. Кордодром. 16. Скрепер. 17. Рисовод. 18. Кяхта. 21. Энергия. 25. Опава. 31. Шоколад. 33. Пианола. 34. «Пигмалион». 35. Мезонин. 36. Четверг. 37. Таксометр. 38. Сенокос. 39. Авокадо.

По вертикали:

1. Ромашка. 2. Антиген. 3. Бедкер. 4. Истомин. 5. Ливанов. 6. Virtuoz. 8. Ротор. 9. Студия. 10. Эрудит. 11. Юниор. 18. Канию. 19. Харза. 20. Алиса. 22. Лотерея. 23. Хоровод. 24. Напиток. 26. Помост. 27. Вельмо. 28. Минерва. 29. Яневски. 30. Флорида. 32. Динас. 33. Почта.

Скатерть на траве

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Олег Шмелев известен многим нашим читателям по книгам «Ошибка резидента» и «Возвращение резидента», выпущенным в издательстве «Молодая гвардия», и по одноименным кинофильмам, поставленным на студии имени Горького. Представляем его новую повесть.

Глава I

СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Всякий бы признал, картина была великолепна. Все это походило на сказку, но не для детей, а исключительно для взрослых.

На круглой полянке, окаймленной нежно-зелеными кустами орешника, на самой середине ее, расстелена на траве скатерть, даже и накрахмаленная, в синюю и красную клетку. На скатерти стоят бутылки—водка, коньяк, ликер. На бумажных белых тарелочках—что угодно для души: семга и осетрина, икра черная и колбаса копченая. А вокруг скатерти сидит прекрасно настроенная компания, семь человек: три красивые молодые женщины и четверо мужчин, из которых красивым и молодым можно считать только одного, зато остальные трое обладают иными, не менее ценными достоинствами. Сидят, как полагается, попарно и вроде бы седьмой—лишний, но это насколько не нарушает общей гармонии. Ее нарушает разве что разнокалиберность стаканчиков, из которых вкушается нектар, то есть упомянутые выше водка, коньяк и ликер.

Так как, выражаясь трафаретно, вокруг буйствует июнь, а идет только пятый час пополудни и на небе ни облачка, то на полянке жарко. Женщины одеты в разноцветные купальные костюмы, молодая кожа атласно блестит на солнце, и на них приятно смотреть. Мужчины в плавках, и на мужчин можно не смотреть, потому что в этом мало интересного, однако женщины смотрят на них с удовольствием, а может быть, и с известной любовью, ибо они достойны женского внимания. Лишь один одет в то, в чем приехал,—коричневые вельветовые брюки и синяя рубашка с закатанными по локоть рукавами. Он—седьмой лишний, и это выглядит несколько странно, потому что именно он молод и неслащаво красив. На него женщины часто бросают более чем нежные взоры.

Для купальных костюмов есть в числе прочих еще и тот повод, что совсем рядом, в тридцати шагах, течет неширокая, но очень глубокая речка, которую у горожан принято называть не по ее настоящему имени, а просто Маленькой, в отличие от Большой, в которую она впадает и которая течет через город.

Этот берег Маленькой крут и высок, обрыв этажа в два, но под обрывом у воды тянется узкой полоской песчаный пляж, а в обрыве протоптаны наискосок пологие спуски-лесенки. За речкой на том берегу—необозримые ровные дали, и оттуда ветер приносит душистые охапки неведомых в городе запахов: идет сенокос.

А на этом берегу, отступая от речки подальше, но не настолько, чтобы у воды не было слышно свирельства, щелканья и чириканья озабоченных птиц, которые, наверное, докармливают своих птенцов первого выводка, дремлет под солнцем густолиственный лес.

Через два дня, в субботу, здесь будет людское столпотворение и гам, но сегодня среда, рабочий день, и потому вокруг ни души.

Одна из женщин, блондинка с удивительно голубыми глазами, сказала низким голосом своему соседу, очень упитанному брюнету лет сорока, давно начавшему лысеть, у которого на груди росло не меньше волос, чем на голове:

— Виль, вруби что-нибудь веселенькое.

Брюнет дожевывал то, что было у него во рту за жирной щекой, поднялся и, осторожно ступая, будто под ногами была не июньская бархатная трава, а ржавые железные пробки и битое бутылочное стекло прошлогодних пикников, пошел на другую поляну, где стояли с распахнутыми дверцами три «жигуленки»—синий, белый и гороховый. Он не глядя поманипулировал ловкими толстыми пальцами на панели синего «жигуленка», и над полянами заскакали барабаны. Музыка была веселенькая, как и просила блондинка.

— Потеше!—крикнул молодой и красивый, тот, что был не в плавках, а в брюках и рубашке.

Виль убавил звук и вернулся к скатерти. Блондинка встала и оказалась выше брюнета на полголовы.

— Ой, ноги затекли.—Она сделала мученическую гримасу, но тут же улыбнулась:—Потанцую.

Виль хотел ее обнять, но она его легонько оттолкнула.

— Это же рок.

Они недолго топтали молодую траву и сели на свои места, выставив зеленые пятки.

— Жарко,—сказала блондинка.—Давайте выпьем. Налили и выпили. Все, кроме молодого и красивого.

— Ты чего это?—спросил у него Виль.

— Не идет. Наверстаю.

— Купаться пора,—сказала блондинка.

Другая женщина, с глазами чуть менее голубыми, с коротко стриженными пепельными волосами, захопала в ладоши и радостно воскликнула:

— Ура, ура, ура, идем купаться!

Мужчина, сидевший напротив нее в паре с яркой темноволосой женщиной, похожий упитанностью, движениями и еще чем-то неуловимым на брюнета Виля, хотя и был рыжеват, поглядел на нее с усмешкой и сказал:

— Ты что, Манюня, воды не видала? Не мылась никогда?

Она не рассердилась, несмотря на то, что «Манюня» уж никак ей не подходило. Это все равно, что назвать Манюней какую-нибудь длинноногую манекеницу, выживающую журавлиным шагом на помосте перед самой изысканной и понимающей публикой. Ее безмятежно беспечные глаза имели всегда одинаковое выражение и смотрели одинаково на все—и на людей и на вещи, но зато всегда одинаково ласково.

Так она посмотрела и на красивого молодого человека и спросила весело:

— Славка, а ты почему не переодеваешься? Не хочешь купаться?

Он отмахнулся.

— У меня плавков нет. Не захватил.

— Можно и без ничего, девочки не возражают.—Так она пошутила и сама засмеялась.

Слава бросил на нее короткий взгляд, который можно было расшифровать так: «Эх ты, Манюня! Зачем пошлить?» Но она не расшифровала, она еще раз пошутила:

— А ты возьми у Володи, у него запасные есть.—И рассмеялась еще пуще. Она подразумевала совершенно несообразимые габариты Славы и толстого Володи.

— Дура, чего ты ржешь? Я ему и дам, у меня японские, безразмерные, сжимаются,—сказал Володя.

Она опять не рассердилась, а сидевший рядом с

нею мужчина, которому полагалось бы рассердиться, казалось, ничего не слышал. Вообще он как бы отсутствовал, на лице его блуждала некая рассеянная улыбка, словно он вспоминал о чем-то приятном. Но на самом деле он был просто пьян, гораздо пьянее всех остальных. По сравнению с Вилем и Володей он выглядел человеком нормального телосложения, но имел тот существенный недостаток, что ему можно было дать все шестьдесят.

Слава, располагавшийся по левую от пьяного руку, негромко посоветовал ему:

— Ты бы, Александр Антоныч, окунулся. Освежает.—И повернулся к Володе.—Машка дело брякнула, дай попробую.

Они с Володей пошли к машинам, и минуты три спустя Слава явился пред ясными прекрасными очами молодых женщин в пестрых плавках. Он был весь обвит выпуклыми жгутами-мускулами и строен, как свеча.

— Ах!—как бы удивляясь, воскликнула Манюня—Маша и больше ничего не сказала, только вздохнула.

И в лад ей вздохнуло в воздухе, и лес встряхнул в своих кудрях взрослых птиц и взъерошенных птенцов.

Но Слава не обратил на это никакого внимания. Он громко сказал:

— Еще по одной—и купаться!—Видно было, что он здесь законодатель.

Слава сел на свое место, по левую руку от Александра Антоновича, и спросил тихо, для него одного:

— С тебя еще не съехало?

Тот отрицательно покрутил головой, по-прежнему неопределенно усмехаясь.

Дальше Слава говорил, будто чревоуещатель—у него даже губы не двигались.

— Глупо. Что будет с Леной?

Александр Антонович поглядел на него с таким наклоном головы, словно у него болела шея, и впервые вымолвил несколько слов кряду:

— Конфискация? У тебя еще много есть.

— Но не будет, если ты не очухаешься,—зло ответил Слава.

Тут в их беседу вмешалась Маша-Манюня, как видно, все-таки слышавшая тихий разговор.

— Давайте, мальчики, конфискуем у Нинки «Наполеона». — Она показала пальцем на более яркую блондинку, перед которой стояла большая черная бутылка коньяка.

— Машка, ты уже хороша,—лениво возразил Слава.—Не выступай.

— Подумаешь, конфискация!—она пожалала плечиком.—У Виля дома этих пузатых бутылок—в кегли играть можно.

Виль спросил:

— А ты в кегли-то играла?

— Я играла лучше!—запальчиво отрезала Манюня.

Рыжий Володя крикнул своим грубоватым баритоном:

— Купаться, черт вас побрал!—И нежно добавил для своей яркой темноволосой соседки:—Пойдем, Танюша?

Слава, закулив сигарету, молвил:

— Землянички поискать, что ли?—И медленно побрел в глубь орешника, огибая стоявшие на поляне автомобили.

Все встали. Манюня взяла безразличного Александра Антоновича под руку и повела его по тропинке вправо—тропинка эта, как и остальные, выводила к реке, но путь дальше, метров за сто.

Виль рядом с Ниной и Володя в обнимку с Танюшей пошли прямо.

Они спустились на узкий песчаный пляж. Володя поболтал ногой в воде и закричал:

— О-го-го-го-го!

— Ты что, дурной?—возмутилась Танюша.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

— А ты сама попробуй.
Она окунула в воду руку.
— Правда, как лед.
Они не удивились, что вода холодная, хотя жара стояла, пожалуй, градусов под тридцать. Все в городе знали, что Маленькая река рождается из ключей и вода в ней всегда намного холоднее, чем в Большой. Весна этим годом выдалась поздняя, и понятно, что Маленькая еще не успела прогреться.
Четверо вернулись к скатерти-самобранке и продолжили застолье.
Никто не заметил, сколько прошло времени — может, минут двадцать, — но вдруг с той стороны, куда удалились Александр Антонович и Манюня, донесся громкий вскрик. Они перестали жевать, прислушались, но все было тихо.
А еще минуты через две на тропинке появилась Манюня. Она была растрепана и дышала тяжело.
— Скорей, там Саша... — охрипшим голосом сказала она, подходя. — Ему плохо.
Вскочивший Виль потряс ее за плечи.
— Что с ним?
— Не знаю. Упал и не дышит, — ответила Манюня.
— Где он?
— Там, на пляже, у воды. — Ноги у Манюни неожиданно подкосились, и она мягко шлепнулась на траву.
— Черт, нажрется всегда, как свинья, — в сердцах сказал Виль и с раздражением обернулся к Нине и Танюше. — Да помогите же вы ей!
Нина виновато развела руками.
— А что мы должны делать?
Но Танюша оказалась находчивее. Взяв из-под куста бутылку «Боржоми» и умело открыв ее, она прямо из горлышка облила лицо Манюни. Та села на траве и долго терла глаза, тихо постанывая.
— Идти можешь? — спросил у нее Володя.
— Могу-у-у, — простонала Манюня.
— А где Славка? — не обращая ни к кому в отдельности, спросил Виль.
И, словно услышав его вопрос, на поляне, где стояли автомобили, появился Слава. Последние метры он преодолел бегом.
— Что случилось? — Он сразу оценил ситу-

ацию. — Где этот старый алкоголик?
— Она говорит, — Виль кивнул на Манюню, — на пляже.
— А ну вставай! — приказал Слава.
Он взял ее под одну руку, Виль под другую, и вся компания поспешила к реке.
Манюня привела их на пляж, на то место, где Маленькая делала крутой изгиб.
На песке были отпечатки босых ног — их, впрочем, сразу затоптали так, что похоже стало, будто пляж перекопали лопатой. Но Александра Антоновича на этом пляже не оказалось.
— Ты уверена, что здесь? — спросил Слава.
Манюня показала пальцем в угол, где в пляж упиралась отвесная глиняная стена обрыва.
— Он тут лежал.
Долго они молчали, шестеро в купальных одеяниях, молчали, не глядя друг на друга, и за время этого молчания совершенно протрезвели.
Наконец Слава спросил у Манюни:
— Он плавать умел?
— Откуда я знаю?! — визжащим голосом ответила она.
— Может, в лесу гуляет? — предположил Виль. — А может, она путает, может, он в другом месте лежит?
Они обшарили все пляжи, потом ходили по лесу и громко звали Александра Антоновича. Но он не откликнулся.
На этом кончилась сладкая сказка для взрослых. Начиналась горькая строгая проза.
Вернувшись к машинам, все быстро оделись. Виль, заткнув пробкой недопитую черную бутылку, отдал ее Нине. Из остальных бутылок вылил остатки на траву, побросал пустую посуду на скатерть, завязал скатерть углами крест-накрест со всем, что на ней было, и положил разноцветно промокший узел в багажник своего «жигуленка», сказав Нине мимоходом: «Выбросим по пути».
Потом Слава велел женщинам садиться в машины, а Виль и Володю отозвал в сторону и спросил:
— Чего будем делать?
— Надо заявлять в милицию, — сказал Виль.
— Это ясно. Кто будет заявлять?

— По-моему, женщин нечего мешать, — сказал Володя. — Пойдем втроем.
Слава сказал:
— Мне не с руки. Я нездешний. Начнутся вопросы...
— Брось трепаться! — неожиданно взорвался Виль, и Слава сразу утерял вид законодателя.
— В чем я треплюсь?
— Тебя у нас каждая собака знает. Ты этому Перфильеву лучший друг. Ты его и сюда сам привез...
Слава посмотрел на Вилья в упор.
— Ладно. Тогда едем все.
Теперь настала очередь юлить Вилю.
— Не могу же я Нинку в милицию тащить...
— Верно, — поддержал его Володя.
— Что же предлагаете? — спросил Слава. — Как объясним? Мол, вчетвером мальчишник устроили? Кто поверит?
— Зачем? — возразил Виль. — Есть Манюня. А у нее — никого, одна бабка.
— Значит, все на одну Манюню валим?
— Она с ним была. И она же последняя видела. Это важно, — со значением уточнил Виль.
Слава немного подумал, опустил голову.
— Ну что ж, пусть будет так.
Виль сел за баранку в синий автомобиль, Володя — в гороховый, Слава — в белый, на котором был московский номер. В таком порядке они и тронулись.
Слава посмотрел на притихшую Манюню-Машу.
— Проверь, есть там деньги? Все равно пропадут.
Он имел в виду одежду Александра Антоновича — синий пиджак и серые брюки, лежавшие под рубашкой на заднем сиденье. Манюня взяла пиджак.
В левом внутреннем кармане она нашла служебное удостоверение, расческу в чехольчике из тисненой кожи и блокнот в переплете из зеленого сафьяна. В блокноте между страницами лежала пачка новеньких пятидесятирублевков.
Слава взял блокнот.
— Про это молчок.
Манюня прокричала ему в ухо:
— Сволочь!
Слава выдернул из блокнота деньги, правой рукой,

держала левую на руле, открыл сумочку Манюни, сунул в нее пачку, защелкнул и, не глядя на Манюню, ударил ее костяшками кисти по губам, ударил больно, не шутя.

Машина вильнула на узкой и ухабистой лесной дороге, послышался какой-то хрустальный хруст, и Слава резко затормозил. Выйдя и осмотрев капот и радиатор, он чертыхнулся: его угораздило въехать левой фарой в сук, торчавший из ствола высокой ели. Фара вдребезги, лампа тоже. Но в целом — пустяки. Этот сук мог бы торчать и на уровне ветрового стекла...

Слава сел за руль, положил в карман лежавший на сиденье блокнот, и они поехали дальше.

Перед выездом на шоссе он сказал задумчиво и как будто с догадкой, только что пришедшей на ум:

— Слушай, милая, а ты его не купнула?

Манюня плакала и потому не сразу поняла вопрос, а когда поняла, судорожно всхлипнула и попыталась открыть дверцу, но Слава сжал ее руку, дернул на себя так, что Манюня оказалась к дверце спиной.

— Ты и правда дура. Шутки не понимаешь.

— Останови, я выйду, — уже совсем трезвым голозом устало попросила она.

— Нет, милая, едем в милицию. Ты его последняя видела. Ты.

Манюня не уловила в его словах ничего особенного и, кажется, успокоилась, но через минуту снова заплакала, уткнув лицо в ладони.

Глава 2

СОМНЕНИЯ ИНСПЕКТОРА СИНЕЛЬНИКОВА

Когда старший инспектор угрозыска Малинин, возглавлявший дежурившую в те сутки оперативную группу, выслушал кратко изложенную дежурным по городу суть происшедшего на берегу реки Маленькой, он автоматически прикинул, что хорошо бы тут же, по свежим следам, подключить к делу Лешу Синельникова. Они были не то чтобы закадычными друзьями, но относились друг к другу с симпатией. Синельников работал инспектором в отделе розыска, и ему, как пошучивал Малинин, везло на утопленников: почти все заслуживавшие внимания случаи в последние года два-три поручались именно Леше.

Переняв заявителей — троих разномастных мужчин и не совсем трезвую девушку — с рук на руки от дежурного по городу, Малинин пригласил их в комнату опергруппы и позвонил Синельникову. Хотя шел уже восьмой час вечера, тот оказался на работе.

— Алексей Алексеич, припозднились вы, — сказал Малинин. — Занят?

— Это ты, Коля? Звоночка одного жду, да то ли будет, то ли нет. Там какие-то домашние мероприятия. А ты от скуки звонишь?

— Тут происшествие. «Утонутие». Наверное, тебя не минует. Не хочешь по горяченькому?

Синельников вздохнул.

— Ну что ж, заменим проблематичное свидание на готовое «утонутие». Также неплохо. Спускаюсь во двор.

Малинин, положив трубку, мельком подумал: если бы присутствовавшие в комнате услышали слова Синельникова, они могли бы решить, что он законченный циник и, может быть, тут, в угрозыске, все такие, — и, между прочим, сильно бы ошиблись. Да и это «утонутие» нетрудно всерьез принять — мол, хороши трамoteи...

Осмотр полянок, где всего час назад веселилась тесная компания, обследование пляжа, откуда непонятным образом исчез Александр Антонович Перфильев, ничего не дали, если не считать тубика губной помады, подобранной Синельниковым на поляне, где прежде стояли автомобили.

Участники пикника рассказывали, как они здесь отдыхали, кто где сидел, кто куда ходил, упомянули даже, что на Александре Антоновиче были черные плавки в голубую полоску, рассказывали правдиво, умалчивая, однако, что с ними были еще две женщины, Нина и Таня. Но Синельников явно смутил их, когда нашел в траве тубик.

Держа его двумя пальцами, он посмотрел на Манюню и спросил:

— Вы красите губы?

— Раньше пробовала. Сказали — не идет.

Губы у нее были цвета спелой малины, таким никакая краска действительно ни к чему.

Тубик был темно-бордовый, с золотым вензелем на крышке. Синельников, чтобы не оставлять своих отпечатков, не хотел его раскрывать.

— Помада, надо полагать, того же цвета, что и футлярчик? — снова спросил он Манюню. — Вам, моему, такая не подходит.

— Танька только такую и любит, — скороговоркой объяснила Манюня.

Синельников заметил, что при этих словах рыжеватый участник пикника искоса и недобро взглянул на девушку.

Так, значит, компания рассказывает не всю правду, что-то они скрывают. Синельников отметил это про себя как первый сомнительный пункт. Это было важно, но для него гораздо важнее был тот факт, что Манюня проговорила нечаянно и, кажется, совершенно не представляя, какие выводы способны делать другие люди из случайно, произвольно вырвавшихся слов. Можно было биться об заклад, что эта красивая девушка не умеет сначала думать, а уже потом говорить. Для сыщика такие личности — настоящие клад, но, встречаясь с подобными людьми по долгу своей службы, Синельников никогда не мог расценивать эту далеко не многим присущую черту характера — безоглядную наивную непосредственность — только с чисто профессиональной стороны. Такие личности, хоть убейся, нравились ему. Синельников положил помаду в белый конверт и отдал его эксперту научно-технического отдела, уже отснявшему все, что надо было отснять.

Потом с собакой-ищейкой прочесали кустарник и лес, но ничего и никого не нашли.

В половине десятого, на закате, вернулись в управление внутренних дел. Малинин доложил дежурному о результатах осмотра места происшествия, а потом они с Синельниковым позвонили начальству, и Синельников получил приказ принять это дело к дознанию.

Он взял вещи исчезнувшего (утопнувшим он Александра Антоновича пока считать не желал) и пригласил всех четверых заявителей к себе в кабинет и, еще не предложив рассаживаться и оглядев их понурые фигуры, сказал:

— Вы устали и перевозноуались, я понимаю. Но необходимо сейчас же кое-что оформить и закрепить. Надеюсь, вы тоже меня поймете.

Заметно лысеющий брюнет, которого на поляне называли Вилем, слегка робея, спросил:

— Нельзя ли позвонить домой? Семья волнуется, я обещаю быть в восемь.

— Пожалуйста. — Синельников сложил костюм, брюки и рубаху исчезнувшего Перфильева на маленький столик.

Виль говорил с женой недолго, сказал, что задерживается на работе.

Когда он положил трубку, Синельников обратился к мужчинам:

— Вы все трое были за рулем?

Он бы мог и не задавать этого вопроса. Все трое сказали «да».

— И там довольно крепко выпили?

Мужчины пожали плечами.

Синельников позвонил по внутреннему телефону.

— Павел Петрович, это Синельников. Надо тут проверить на алкоголь... Да, у меня в кабинете. Что? А, трое...

Виль приложил руку к груди.

— Простите, не знаю имени-отчества... Но нельзя ли без этого? Мы вас очень просим. Мы же не нарушали... Мы же сами к вам приехали. Если б все в порядке, никто бы нас не задержал, уверяю вас... Я лично езжу десять лет, и ни одного замечания...

— Вы не беспокойтесь, — с легкой усмешкой сказал Синельников. — Я это не для ГАИ. Порядок требуется.

Потом Синельников связался со справочным бюро и попросил справку о Перфильеве Александре Антоновиче — обычные данные, какие содержатся в бюро о всех обычных гражданах: адрес, год и место рождения. Место работы и должность он уже знал из служебного удостоверения. Что входило в круг его обязанностей, надо завтра выяснить. Фамилия Перфильев показалась Синельникову знакомой, но он не мог вспомнить откуда.

Павел Петрович, судебно-медицинский эксперт, пришел со своим приборчиком, мужчины подышали в него, и выяснилось, что двое — Виль и рыжеватый, которого звали Володя, — принимали алкоголь, а третий, красавец Слава, не брал в рот ни капли спиртного.

Синельникова это несколько удивило, но он постарался не показать вида, только пошутил, обратившись к Виле и Володе:

— У вас есть прекрасный пример для подражания. Оба через силу улыбнулись, а Слава объяснил серьезно:

— Я тоже не прочь, но мне к утру надо быть в Москве, а это путь не близкий.

— Вы разве не здешний?

— Можно считать наполовину. — Слава хотел добавить еще что-то, но Синельников остановил его.

— Ну, это потом. Займемся формальностями, не ночевать же нам здесь. Вас, товарищи мужчины,

попрошу посидеть в коридоре, но не отлучайтесь, пожалуйста.

Мужчины вышли, а Синельников встал из-за стола и сел на стул у стены рядом с девушкой, спросил:

— Вас как зовут?

— Свои — Манюня.

— А не свои?

— По паспорту — Мария Федоровна Лунькова.

Она отвечала неохотно, но без всякого намека на неприязнь. Перед Синельниковым был безмерно уставший, будто изверившийся во всем на свете человек, и это никак не вязалось с яркой голубизной глаз и губами цвета молодой малины.

— Вам сколько лет?

— Двадцать один, — уже с некоторым вызовом сказала она, открыла лежавшую на коленях сумочку, вынула пачку зеленых пятидесятирублевых и протянула Синельникову. — Возьмите, их мне не надо.

— Чьи? — Принимая деньги, он не смог скрыть, что это для него неожиданно. И мимолетно обратил внимание на ее пальцы: ногти совсем короткие, словно она их обгрызала, и вместо маникюра какой-то странно неровный коричневатый налет. Это не соответствовало, так сказать, общему облику.

— Александра Антоновича Перфильева.

— Он сам их вам дал?

— Славка дал.

— Кто это — Славка?

Она кивнула на дверь.

— Этот самый, молодой, красивый. Они в пиджаке лежали. И еще, гад, шуточки шутил. Купнула, мол, я Сашу.

Синельников на мгновение испытал давно знакомое ощущение, чем-то схожее с чувством человека, который идет по тропинке в незнакомом лесу, упирается в развилку, не знает, по какой тропе идти дальше, чтобы выбраться к жилью, и вдруг видит шагающего навстречу путника.

— Уточним. Этот Славка взял их из пиджака Перфильева и отдал вам?

— Да.

— Он знал, что там были деньги?

— Конечно, знал. Они же дружки. Он думает, меня за червонец купить можно, сам говорил, а я...

Синельников развернул пачку, как карты, веером. Штук двадцать, не меньше. Тысяча рублей...

— Поймите, Мария. — Сейчас Синельникову сообщать надо было очень быстро. — А в чем они лежали? Где бумажник?

— Саша-папаша бумажников не носил. Просто в блокноте.

Синельников подошел к маленькому столику, положил на него деньги и начал проверять карманы пиджака, но они были пусты.

— Блокнот ищите? — спросила Манюня. — Он у Славки.

— Как его фамилия? — на ходу, по пути к двери спросил он.

— Коротков, если не врет.

Синельников машинально взглянул на часы. Он говорил с Марией, проводив мужчину в коридор, не более трех минут. За стены управления они уйти не могут. Но три минуты — достаточный срок, если кто-нибудь захочет уничтожить кое-что, особенно если это кое-что простая бумажка. Нескладно получилось, но он не маг и не волшебник, всего предугадать нельзя, а обращаться с заявителями как с арестованными он не имел права.

Открывая дверь, Синельников уже был уверен, что дело тут нечисто, и благодарил бога, которого, конечно, нет, за то, что у Манюни — Марии Луньковой такой открытый характер.

— Коротков, войдите, — позвал он.

Тот был спокоен, но лицо его выражало некую настороженность.

Синельников, прикрыв за ним дверь, сказал самым будничным тоном, не придавая своим словам никакого особого значения:

— У Перфильева в пиджаке был блокнот. Дайте его мне, пожалуйста.

Пока Слава, задумавшись, доставал из кармана своих плотно обтянутых брюк блокнот в зеленом сафьяновом переплете, Синельников все же успел приметить, что он этого не ожидал.

— Садитесь пока, Коротков. Я отпущу ваших товарищей, а потом мы с вами поговорим.

— А мне? — подала голос Манюня.

— Вас дома ждут?

— Дома бабушка одна. Она привыкла. Могу хоть до утра.

— Тогда посидите.

Слава Коротков сел в противоположном от Манюни углу и смотрел на нее не мигая. Она повернулась к нему боком.

Синельников знал, что на сегодня — и даже хоть до утра, как выразилась Манюня, — ему хватит и того узелка, который Манюня дала ему в руки. Поэтому он позвал Вилея и Володю и записал только самые необходимые сведения.

Вильгельм Михайлович Румеров—главный инженер автобазы № 2. 1942 года рождения. Женат, двое детей. Адрес такой-то, телефоны—домашний и рабочий—такие-то.

Владимир Иванович Максимов—директор кинотеатра «Луч». 1945 года рождения. Женат, есть сын десяти лет (как он объяснил, жена и сын в данный момент отдыхают на Южном берегу Крыма). Адрес, телефоны...

Синельников позвонил в проходную, попросил по-товарищески пропустить товарищей Румерова и Максимова, а им сказал, что вызовет их для беседы в ближайшие дни. Оба покинули кабинет с величайшей благодарностью к товарищу инспектору. Она была настолько велика, что ни тот, ни другой не сказали «до свидания» ни Манюне, ни Славе.

Прежде чем начать разговор с оставшимися, Синельников позвонил дежурному по городу и попросил: если поступит заявление дежурному от родных Перфильева, не сообщать пока, что он, возможно, утонул. Утро вечера мудренее.

Манюня сказала тихо, когда Синельников положил трубку:

— Да кому там заявлять?
— Почему же так? А жена?
— Она еще в семьдесят девятом умерла.
— И больше никого нет?
— У него только дочка, мне ровесница. А он у меня и после ночи ночевал. Чего ей за шнур хватать?

Синельников понял, что на языке Манюни это означало хвататься за телефон. Положительно, она в своей откровенности не знала предела. Учитывая обильные возлияния там, на пикнике, это можно было бы объяснить известной поговоркой «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», но в данном случае она не годилась: Синельников еще при выезде на место происшествия ясно видел, что Манюня трезва как стеклышко.

Полистав блокнот и убедившись, что среди его страниц, густо заполненных адресами и телефонами, нет ни одной вырванной, Синельников сказал:

— Это не допрос, но все же...—Он помолчал, подыскивая подходящую формулировку.—В общем, я кое о чем вас спрошу и мы кое-что протоколируем.

Он положил перед собой несколько синеватых разноязычных листов, взял ручку и заговорил казенным языком:

— Товарищ Коротков, почему деньги, лежавшие в кармане пиджака, принадлежавшего Перфильеву, вы отдали Луньковой?

Твердым голосом тот ответил:

— Ничего я ей не отдавал. Она сама и пиджак взяла, он на заднем сиденье валялся, сама и деньги взяла.

— Что ты врешь!—приподнявшись со стула, крикнула Манюня.

— Спокойно,—остановил ее Синельников.—Хорошо, Коротков. В таком случае, зачем вы взяли блокнот Перфильева?

Он ответил, как бы злясь на самого себя:

— Не знаю. Просто так, сунул в карман, и все. Механически.

Тут позвонили из справочного бюро. Синельников записал: Перфильев Александр Антонович, 1931 года рождения, родился в Смоленской области, проживает на улице Белинского, дом 6, квартира 28, телефон 3-49-49.

— Между прочим, вам сколько лет?—обратился он, отложив ручку, к Короткову.

— Двадцать девять.

— Давно дружите с Перфильевым?

Немного подумав, Слава ответил:

— Года два. Может, чуть больше.

— Перфильеву пятьдесят один. Что вас связывало?

Слава усмехнулся.

— Мало ли.—И, кивнув на Манюню, добавил:—Хотя бы вот они.

Синельников посмотрел на часы—было без пятнадцати одиннадцать. Он быстро вписал в лист протокола свои вопросы и полученные от Короткова ответы и попросил Короткова прочесть и расписаться в том, что все записано правильно. Тот охотно это сделал.

— А сейчас вот что,—сказал Синельников.—Вы, Лунькова, где живете?

— Да тут рядом, на Ямковской.

— А вы?—обернулся он к Короткову.

— В гостиные «Юность».

— Кстати, я у вас документы не спрашивал. Паспорт можете показать?

— У администратора он, в «Юности».

— Тогда сделаем так. Сегодня уже поздно, спать пора. Попрошу вас обоим быть у меня утром в девять. Пропуск я закажу. А сейчас подыдем к гостинице, я там живу рядышком. Если не возражаете, конечно...

Слава не возражал. Они вышли из управления. Светлый «жигуленок» Славы стоял на улице против проходной. Манюня попрощалась и быстро зашагала по пустынному тротуару, четко стуча своими высокими тонкими каблуками.

По пути к гостинице Синельников договорился с Коротковым, что тот попросит у администратора свой паспорт на минутку—мол, придрелся инспектор ГАИ,—а он, Синельников, подождет его в машине. Не стоит возбуждать у администратора по отношению к жильцу гостиницы всякие посторонние мысли.

Так и сделали.

Паспорт Короткова Владислава Николаевича, прописанный в Москве, оказался, насколько мог судить Синельников, без всяких подделок. Но он крепко держал в уме слова и тон Манюни Луньковой, когда она на вопрос о фамилии Короткова прибавила: «если не врет».—и вскользь упомянутую шуточку Короткова насчет того, что Манюня «купила» Перфильева.

Он записал себе в книжку номер паспорта, когда и каким отделением милиции выдан, и домашний адрес. Уходя запомнил московский номер белого «жигуленка».

Расставшись с Коротковым, он на автобусе проехал две остановки до управления и отправил по телетайпу запрос в Москву, в дежурную часть на Петровку, 38: проживает ли по данному адресу Коротков Владислав Николаевич и соответствуют ли истине сообщаемые сведения о паспорте, а также кому принадлежит автомобиль марки ВАЗ-2106 белого цвета с номерным знаком таким-то и где он зарегистрирован. Просьба дать ответ к девяти часам утра.

Потом через дежурного связался по рации с экипажем патрульной машины, которая занимала квадрат, где располагается гостиница «Юность», и попросил присмотреть за белым «жигуленком» с московским номером...

Глава 3

ТЯЖКИЙ ДЕНЬ

Рано утром водолазы—их было двое—нашли труп мужчины метрах в полутора от впадения реки Маленькой в Большую. Он зацепился плавками за сучок откопленной коряги, зацепился в ее корневике, и потому его не унесло течением в Большую. Иначе водолазы так легко утопленника не обнаружили бы. Окончив свое невеселое дело и отбуксировав труп на катер, ожидавший их в устье Маленькой, водолазы сняли акваланги и гидрокостюмы, и один из них, вероятно, служивший прежде на флоте, мрачно пошутит, кивнув на корму, куда положили труп: «Вот наш боцман, когда в открытом море купаться разрешили, такую команду давал: «Дальше берега не плавать, ниже дна не нырять!» Полезное правило. А этот не знал».

Как раз в это время Синельников приехал в управление и, не заходя к себе, поднялся в дежурную часть. Его ждали два сообщения. По телетайпу из Москвы пришла телеграмма: Коротков Владислав Николаевич, 1953 года рождения, действительно проживает по указанному адресу, сведения о паспорте верны, машина марки ВАЗ-2106 с указанным номерным знаком принадлежит ему и зарегистрирована в ГАИ Фрунзенского района. Все было правильно, Коротков не врал. Работает в фотоателье в системе бытового обслуживания, в фотоателье.

Дежурный же дал Синельникову листок с записью сообщения, переданного ночью по рации экипажем патрульной машины. В нем было всего несколько строк: «В 0.30 белые «Жигули» направились на улицу Белинского, остановились у дома № 6. Водитель вошел в дом и находился там пятнадцать минут. Затем вернулся к гостинице «Юность».

Улица Белинского, 6,—это был адрес Александра Антоновича Перфильева. Манюня сказала, что у него есть дочь, ее ровесница... Понятно, что Коротков ездил ночью к ней. Но зачем? Тоже понятно—чтобы сказать о несчастье с отцом. Но почему не позвонил, а поехал?

Такие безрадостные, горькие вещи людям всегда легче сообщать именно по телефону. Во всяком

случае, телефонным разговором легче подготовить человека к страшной для него вести...

Рассуждая так, Синельников медленно шел путаным коридором управления, спускался с этажа на этаж боковыми лестницами, где не было лифтов. А когда добрался до своего кабинета, у него созрело решение немедленно проверить одну неясно мелькнувшую неприятную догадку. Но для этого ему необходимо точно знать, что Перфильев утонул. Едва вошел в кабинет, завял телефон.

— Алексей, для тебя есть новости,—услышал он голос дежурного.—В Маленькой обнаружили утопленника, мужчина лет под шестьдесят.

— В чем одет, тебе сказали?

— Все записано. Не сразу были плавки. Черные, в голубую полоску.

— Спасибо.

Положив трубку, Синельников достал из сейфа папку, вынул листок с адресом и телефоном Перфильева и набрал номер 3-49-49: теперь он мог проверить неприятную догадку.

Ему ответил не очень приветливый, но чисто и нежно звучащий девичий голос.

— Это квартира Перфильева?—спросил Синельников.

— Да. Кто говорит?

— Инспектор угрозыска Синельников. Вы дочь Перфильева?

— Да,—с ноткой удивления подтвердила она.

— Простите, не знаю имени...

— Елена. А что случилось?

В глубине души Синельников желал, чтобы его догадка оказалась пустым вымыслом, но, увы, она, кажется, начинала подтверждаться.

— У вас дома все в порядке?

— В каком смысле?—уже с настороженностью уточнила она.

— Ну, например, с отцом.

— Он сегодня не ночевал, но тут ничего особенного. Бывало и раньше.

Так, значит, Мария Лунькова правильно разобралась в ситуации, когда говорила, что отец отсутствует и не беспокоится по поводу долгого отсутствия отца.

— Вы чем занимаетесь, Елена Александровна?

— Вообще? Или в данную минуту?

— Вообще, конечно.

— Но что с отцом?—сердито спросила она.—Вы делаете какие-то странные намеки...

— Вам лучше приехать ко мне в управление. Если вы должны быть на работе, это неважно; я дам вам справку.

— Я студентка, окончила четвертый курс технологического,—раздраженной скороговоркой объяснила она.—Наш стройотряд в следующий четверг едет на БАМ.

— Нужно поговорить. Жду вас в управлении внутренних дел. Знаете, где мы находимся?

— Разумеется. Это совсем недалеко от нас.

— Моя комната двести восемнадцать, на втором этаже. Я скажу, чтобы вас пропустили. Только не забудьте взять паспорт.

— Когда я должна быть?

— Чем скорее, тем лучше. Приезжайте прямо сейчас.

— Хорошо...

Было над чем подумать после этого разговора. Одно из двух: или Коротков не сказал. Елене Перфильевой о гибели отца, или сказал. Если не сказал, то для его ночной поездки к ней имелись какие-то иные важные причины. И вообще при этом варианте возникали, как выражался Синельников, вопросы с длинными шлейфами. Что же за тип этот, красавчик Слава, если может, зная о несчастье с отцом, приехать на пятнадцатиминутное экстренное свидание с его дочерью и ни словом не обмолвиться о случившемся?

Если же он все-таки сказал, тогда только что происшедший разговор с Еленой Перфильевой не укладывался у Синельникова в голове. Как может дочь, осведомленная о трагедии с отцом, столь хладнокровно разыгрывать неведение? Синельникову этот вариант представлялся чудовищным. Он допускал, что Елена Перфильева, которая в двадцать один год способна на столь кощунственный цинизм. Но профессионально он не имел права не допускать и такого варианта...

Продолжение следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.11.83. Подписано к печати 01.12.83. А 02819. Формат 70×108³/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 16. Заказ № 1793. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Песня о флагах

Над кровлею моею пойте, ветры,
О флагах! В этой песне славен тот,
Кто стяг труда,
развернутый и светлый,
Упрямю против ветра понесет!

Я бодро поднимусь звенящей ранью,
Когда заря купается в волне,
Для Пирамиды каменные грани
Дробить, долбить,
как дятел на сосне.

Лицо земля, морщинистой и старой,
Преобразу! Флаг пахаря высок.
Всегда при мне в дороге мустанной
Он будет, как походный мой мешок.

Металл мне брат,
как я, упруг и стоек,
Одной породы, кровяи мы одной.
Над стройными лесами новостроек
Я водружу рабочий стяг стальной.

Долбил гранит для Пирамиды новой,
Когда ж ее закончу, то над ней
Я подниму багряный и суровый
Флаг-монолит,
что тверже всех камней.

Флаг хлеба, флаг металла,
Флаг гранита —
Три знамени держу я на весу,
Так пойте, ветры, песню Пирамиды
О стягах, что к победам я несу!

1939

Слово мщениия

На ладони — пепел...
Нет над нами крова...
Сердце каменеет
в горестном пути...
И во рту нет хлеба.

И во рту нет слова.
О, какую кару извергам найти!
Ждать ли правосудья?
К небу ль обратиться?
Гребят. Убивают.

Стои. Рыдания. Вой.
Из гнезда родного выгнали,
как птицу,—
И бредешь горючей,
черною тропой...

Заповеди древней,
грозной и жестокой
Мать слова твердила —
нет святее слов!
«Зуб за зуб,— ты помнишь?» —
и за око око!
О земля литовцев — пепел,
слезы, кровь...

Мать не спит ночами,
мать беззвучно плачет...
Мать, на подвиг мщениия
нас благослови!
Зуб — за зуб, за око — око!
Враг заплатит

За твои страдания,
за Литву в крови...
1941

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,
лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического Труда

Сегодня празднуем «Смену» и сменовой с 60-летним журналом. Прекрасное название дали журналу комсомольцы 20-х годов, те, кто стоял у его колыбели: смена всегда существует, смена всегда молода, смена — символ бессмертия и вечности жизни.

Моя комсомольская юность, прошедшая еще в буржуазной Литве, тесно связана с молодежной печатью. В те годы, когда формировалось мое мировоззрение и я делал первые шаги в поэзии, участие в работе комсомольского подполья, борьба за права трудящихся — за будущее молодежи навсегда определили для меня место в жизни и границы, которые я отстаиваю в искусстве.

Я еще учился в Каунасской гимназии, когда в молодежном журнале левых направлений была напечатана моя поэма «Возрождение» — об обездоленных людях рабочих окраин Каунаса, среди которых прошло мое детство. Потом мне не раз приходилось выступать со стихами в нелегальных коммунистиче-

ских молодежных газетах Литвы, писать по заданию организации листовки, воззвания, статьи и самому же разбрасывать и расклеивать эти листовки, скрываясь от полицейской. Когда в Литве была восстановлена Советская власть, первым моим комсомольским поручением была работа в молодежной печати.

Поэзия и публицистика, искусство и революционная борьба для меня неотделимы, как части одного общепролетарского дела. Именно в чуткости к вопросам времени, в умении нащупать пульс жизни молодежи, в умении определить главное и решающее мне видится основное достоинство молодежной печати. И, читая на протяжении многих лет «Смену», я убеждаюсь, что этот популярный и любимый молодежью журнал следует править: быть всегда на переднем крае задач эпохи, как бы сложны они ни были. Не обходить острых проблем, а вдумчиво разбираться в них! Не разговаривать с молодым читателем, как с носомышляком, а советоваться с ним, прислушиваться к нему, воспитывать ему!

Мне хочется предложить для юбилейного номера «Смены» подборку стихов, созданных в разные годы, в частности в эпоху моей молодости, когда юношеские порывы души, где были и страсть, и тоска по активной деятельности, и предчувствия будущего, для меня соединились с образами творимого грядущего, которое мне, тогда уже весьма начитанному в литературе и истории, представлялось поэтически то в виде грандиозного сооружения, подобного пирамиде, то в облике Города Солнца.

Дальнейшие события — Великая Отечественная, послевоенное строительство новой жизни, зрелище размышлений о мире и человеке — внесли много новых нот и красок в стихи, приближали их к чередным корням поэзии. Но в основном и поныне верность двум главным, усвоенным еще в юности, принципам: поэзия должна быть революционной по сути и обладать завершенной художественной формой.

Желаю успехов, вдохновения, побед всем журналистам и читателям «Смены»!

Баллада матери Сельский герб

Ой, как фонарик малый,
Мерцает огонечек...
На зорьке мать вставала,
Ложилась поздней ночью...
Белей холстины стала...
И, сделавшись крылами
Из белоснежной ткани,
Те горькие седины
Над черным полем брани
Хранят солдата-сына.
Рыдает мать, как птица...
А кровь рекой струится,
А снег, как дым, клубится...
А сын спешит пробиться
К седоголовой Птице...
А пуля наземь жалит,
А пуля наземь валит...
И к павшему солдату,
Как ларусник, причалит
Тень матери крылатой.
«Мой сын! Вставай скорее!
Иль смерть — сестрой твоею,
Иль снег — твоим стал братом?
Найдешь семью роднее!» —
Мать плачет над солдатом.
И мать уносит сына
Под небом в клочьях дыма,
Над огненной лавиной
Уносит в край родимый,
В земную сердцевину...
Где, как фонарик малый,
Мерцает огонечек...
На зорьке мать вставала,
Ложилась поздней ночью,
Зегзицей куковала...

1942

Чем эта красота алтая
Скромней, чем розы красота?
Горит он, как закат, алтай,
Оруженосец без щита!
Он вербу Вильнюса напомнит
В пурпурных шишечках — и мне
Герб сельский
под окном восполнит,
Что был на избинной стене.
Где пыльные остались розы?
Алтай — не так он знаменит,
Но белым голосом березы
С ним рядом лярз зазвенит.
Алтай касается заката
Багрянцем лепестков своих,
И кровью птицы он крылато
Мой вялый оживляет стих.

Не в розах и дорогах пыльных,
Не розами наш устлан путь.
Блокнота б мне белострайные
В огонь заката обмакнуть!
Хватает крыльев мне заката
И деревенского герба —
Алтай. Времени растраты
Трудолюбивая изба

Здесь не допустит! Всех алтай,
Всех краше розу дать бы ей!
Но ей приятней цвет алтая,
Герб тех, кто трудится — алтай.

1942

Перевел с литовского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820

